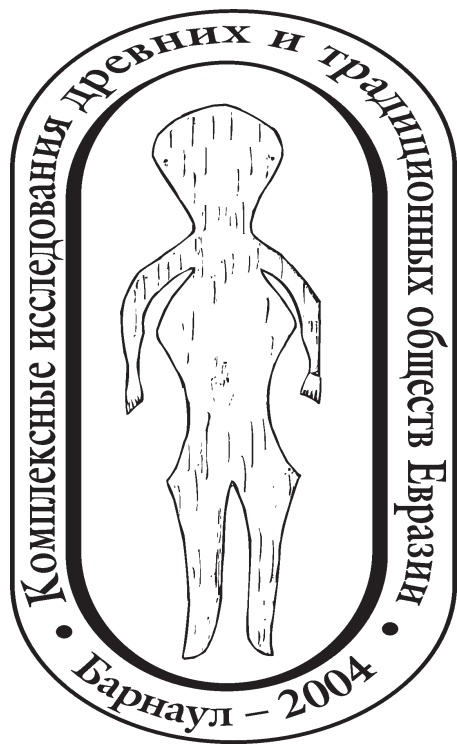

РУДЕНКО СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ
(1885–1969)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

**ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ, ТВОРЧЕСТВО,
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА РУДЕНКО
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕГО КОЛЛЕГ**

Сборник научных статей

Издательство Алтайского
университета
Барнаул – 2004

**ББК 63.4(2Рос)–8
Ж712**

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук **А.А. Тишкин**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**;
кандидат исторических наук **П.К. Дашковский**;
кандидат исторических наук **А.Л. Кунгуров**;
кандидат исторических наук **С.В. Неверов**;
О.Г. Шмидт (отв. секретарь)

Ж712 **Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 148 с. ISBN 5-7904-0377-8**

В сборнике представлены разносторонние сведения о жизни и деятельности выдающегося отечественного исследователя Сергея Ивановича Руденко. В основу издания положены материалы докладов пленарного заседания Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии», посвященной 120-летию со дня рождения ученого (Барнаул, 15–19 ноября 2004 г.). В приложениях отражены список научных трудов С.И. Руденко, литература о его биографии и научных исследованиях, а также впервые публикуемые архивные документы и фотографии. Наиболее важными являются материалы, связанные с периодом репрессий. Они дают возможность восстановить события 1930-х гг. в жизни Сергея Ивановича.

Издание рассчитано на широкий круг исследователей, занимающихся различными проблемами в области археологии, этнографии, антропологии, истории, искусствоведения, гидрологии, географии, источниковедения, историографии и других дисциплин как гуманитарного, так и естественнонаучного направления.

Сборник подготовлен и издан при частичной финансовой поддержке ФЦП «Интеграция» (проект №И0539 «Исторический опыт хозяйственного освоения юга Западной Сибири»), а также в рамках реализации научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ по теме «Изучение этносоциальных процессов на Алтае в древности и средневековье» и гранта РФФИ (№02-06-80342 «Комплексное исследование этногенетических процессов на Алтае в период формирования и развития кочевых культур»).

ISBN 5-7904-0377-8

© Издательство Алтайского государственного университета, оформление, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тишкин А.А.</i> Предисловие	6
<i>Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шмидт О.Г.</i> Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко (1885–1969)	9
<i>Тишкин А.А., Шмидт О.Г.</i> Годы репрессий в жизни С.И. Руденко	21
<i>Китова Л.Ю.</i> Томский период деятельности С.И. Руденко и С.А. Теплоухова	30
<i>Рудковская М.А.</i> С.И. Руденко – исследователь Минусинской котловины	36
<i>Морозов С.В.</i> Археологические исследования С.И. Руденко в Минусинской котловине	42
<i>Понкратова И.Ю.</i> Исследования С.И. Руденко на севере Дальнего Востока России в 40-е гг. XX в.	48
<i>Марсадолов Л.С.</i> Вклад С.И. Руденко и ленинградских археологов в изучение больших курганов Центральной Азии	55
<i>Шмидт О.Г.</i> Археологические исследования Сергея Ивановича Руденко	61
<i>Васильев С.А.</i> Руденко и Крофорд: британский географический подход и российская палеоэтнологическая школа в археологии	84
<i>Томилов Н.А.</i> Этнографическое сибиреведение: периодизация и научные проблемы	88
Приложения	93
Список сокращений	146

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый исследователь, занимающийся скифской эпохой, изучал объемные, ставшие уже классическими труды Сергея Ивановича Руденко (1885–1969), изданные по результатам раскопок в Горном Алтае. В них показаны не только яркие и сенсационные находки из «царских» курганов, но и продемонстрирован опыт комплексного изучения зафиксированных материалов. Этому обстоятельству прежде всего способствовала фундаментальная подготовка будущего крупного ученого, прошедшего замечательную школу под руководством Ф.К. Волкова (Вовка). Определенную роль в становлении исследователя сыграло раннее знакомство с жизнью и бытом многих народов России. Прожив достаточно долгую и сложную жизнь, Сергей Иванович своим трудом заслужил память потомков.

Уже во второй раз на базе Алтайского государственного университета проводится конференция, посвященная юбилейной дате со дня рождения С.И. Руденко. Первая состоялась в 1986 г. и называлась «Скифская эпоха Алтая». Тезисы докладов были опубликованы. Эта книга уже является библиографической редкостью. При оформлении настоящего сборника сознательно использовано изображение С.И. Руденко, которое было помещено на обложке первого издания. Стоит надеяться, что эта обозначенная традиция будет продолжена.

Поводом для проведения конференции и публикации материалов послужила не только круглая дата, но и результаты исследований, полученные за последние годы. Уже более пяти лет на кафедре археологии, этнографии и источниковедения Алтайского госуниверситета ведется целенаправленная работа по всестороннему изучению наследия Сергея Ивановича Руденко. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, появилась возможность работать с ранее недоступными архивными документами. Во-вторых, в Государственном музее истории литературы, культуры и искусства Алтая (г. Барнаул) был создан и открыт фонд В.М. Сунцовой – С.И. Руденко, в котором хранятся интересные и уникальные материалы, еще не введенные в научный оборот. В настоящем издании представлены лишь некоторые фотографии и отдельные

сведения. В-третьих, благодаря раскопкам археологов Института археологии и этнографии СО РАН на плато Укок возрос интерес и к работам С.И. Руденко, которые до сих пор остаются актуальными. И, наконец, в ходе изучения деятельности ученого представляется возможность понять многие вопросы и проблемы, существовавшие в различные периоды становления и развития археологии в нашей стране и имеющиеся в настоящее время. Знакомство со сведениями биографического характера демонстрирует специфику научной деятельности и указывает на основные моменты, послужившие причинами осуществления тех или иных исследований.

Белым пятном в истории изучения жизненного пути Сергея Ивановича Руденко на протяжении многих лет оставались годы репрессий. Для того чтобы получить необходимую информацию, было подготовлено и отправлено такое официальное письмо:

Начальнику Управления ФСБ РФ
по Алтайскому краю
Сотникову Ю.В.

Уважаемый Юрий Васильевич!

Просим Вас оказать содействие в получении дела Сергея Ивановича Руденко (1885–1969), осужденного 10 февраля 1931 г. постановлением тройки ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе. Данные материалы необходимы для научного изучения биографии и деятельности крупнейшего археолога советского времени, доктора технических наук, профессора.

Сергей Иванович Руденко большую часть своей жизни посвятил изучению археологии, этнографии, антропологии и гидрологии. Его научное наследие составляет более 140 печатных работ, часть из которых опубликована на иностранных языках. Долгое время ученый занимался археологическими и этнографическими исследованиями на Алтае. В связи с тем, что изучением биографии С.И. Руденко никто серьезно не занимался, а имеющиеся публикации не дают полной картины жизнедеятельности профессора, в Алтайском государственном университете начата работа по восстановлению имеющихся пробелов жизненного пути ученого (особенно это касается 1930–1945 гг.). В научной литературе данной проблеме не уделялось должного внимания в связи

с недоступностью необходимой информации. Восстановление действительности, связанной с репрессиями С.И. Руденко, мы считаем необходимой и ответственной задачей. Это связано с тем, что научное наследие ученого и в настоящее время привлекает чрезвычайное внимание у общественности. Изучение биографии и творческого пути С.И. Руденко поможет оценить его вклад в развитие естественных и гуманитарных наук нашей страны. В городе Барнауле в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтайя находится фонд имени этого ученого, что также обеспечивает постоянный интерес у различных категорий исследователей.

В заключение следует указать на важность реализации формулируемого запроса, так как на базе Алтайского государственного университета планируется регулярное проведение научных конференций памяти Сергея Ивановича Руденко.

*С уважением, ректор АГУ, д.и.н., профессор
Ю.Ф. Кирюшин*

Благодаря обращению данное ходатайство было удовлетворено. Летом 2001 г. нам удалось познакомиться с обширными архивными материалами, часть которых изложена в специальной статье и в Приложении 3.

Несмотря на то, что уже накоплено много сведений о деятельности С.И. Руденко, предстоит еще долгая и кропотливая работа с многочисленными источниками, хранящимися в различных архивах. В настоящем сборнике довольно полно освещен томский период жизни ученого, еще недавно считавшийся не достаточно изученным. Более обширно отражены биографические сведения и работа в экспедициях разных лет. Таким образом, публикуемые материалы демонстрируют определенный уровень накопления наших знаний. Важным итогом продолжения таких исследований должна стать книга о Сергее Ивановиче Руденко.

А.А. Тишкин

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, О.Г. Шмидт
Алтайский государственный университет, Барнаул

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА РУДЕНКО (1885–1969)

Сергей Иванович Руденко – один из выдающихся людей своего времени. Вся его жизнь была посвящена отечественной науке. Перу этого ученого принадлежит более 140 публикаций по разным областям знаний: археологии, антропологии, этнографии, искусствоведению, гидрологии. Интеграция гуманитарных и естественных наук в исследованиях значительно повышает ценность всех работ профессора. Его труды до сих пор не потеряли своей актуальности и используются современными учеными. К настоящему времени имеется ряд печатных работ, посвященных различным этапам жизни Сергея Ивановича. Биография и научная деятельность ученого рассматривались в статьях таких авторов, как В.М. Массон (1965)*, Н.Н. Степанов (1965, 1970), Л.Н. Гумилев (1971), П.М. Долуханов (1970, 1986), В.Б. Бородаев (1986), Н.В. Бикбулатов (1974, 1985), А.М. Решетов (1998) и др. Однако пока нет работы, подробно освещающей биографию ученого и отражающей все грани его деятельности.

Родился Сергей Иванович Руденко 16 (29) января 1885 г. в украинской дворянской семье в г. Харькове. Детские годы прошли в Перми, где он обучался в гимназии. Его отец – Иван Дмитриевич Руденко – занимал должность члена комиссии по размежеванию башкирских земель. Это давало возможность гимназисту Сергею Руденко знакомиться с культурой и бытом башкирского народа (Массон В.М., 1965, с. 238). По окончании полного курса Пермской гимназии в 1904 г. С.И. Руденко был зачислен на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (Решетов А.М., 1998, с. 6). Поступая в университет, он еще не знал, какую специальность ему предстоит выбрать. Однако интерес к этнографии сохранялся и в студенческие годы. Обучаясь в университете, С.И. Руденко регулярно командировался для сбора этнографических коллекций среди башкир, мещеряков, мордвы, чувашей, марийцев и украинцев.

* Работы, посвященные биографии и научным исследованиям С.И. Руденко, приведены в Приложении 2.

Большую роль в формировании С.И. Руденко как ученого сыграл Федор Кондратьевич Волков (Вовк) – этнограф и антрополог. Их знакомство произошло в 1907 г., когда Федор Кондратьевич был допущен к чтению лекций по антропологическим дисциплинам в Санкт-Петербургском университете. К тому времени Ф.К. Волков был известен в широких научных кругах России и зарубежья. В 1905 г. в Сорбонне за работу «Скелетные видоизменения ступни у приматов и в человеческих расах» ученый получил степень доктора естественных наук. Однако круг интересов Ф.К. Волкова был намного шире. Важное место в его научной деятельности занимала этнография. Здесь стоит отметить, что этнографию с палеоэтнологией (доисторической антропологией) и анатомической антропологией Федор Кондратьевич выделял как главнейшие отрасли антропологии (Тихонов И.Л., 1995, с. 54). Это обязательно следует учитывать при изучении всей научной деятельности С.И. Руденко, который реализовал на практике и развил многие идеи своего учителя Ф.К. Волкова. Под его влиянием у студента Сергея Руденко укрепился интерес к антропологии, этнографии и археологии. Он стал серьезно заниматься наукой. В 1908–1909 гг. во французском журнале «Revue des traditions populaires» вышла в свет его первая статья «Traditions et contes bachkirs» (Rudenko S.I., 1908, p. 49–63, 1909a)*. В 1908 г. Сергей Иванович совместно с Ф.К. Волковым принял участие в исследовании Мезинской палеолитической стоянки.

Важным этапом в становлении С.И. Руденко как ученого сыграла его самостоятельная экспедиция в 1909–1910 гг. в Сибирь, где предстояло провести разнообразные исследования по этнографическому, антропологическому и археологическому изучению коренных народов Нижнего Приобья. Весной 1909 г. Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III командировал Сергея Руденко, тогда еще студента, в северную часть Тобольской губернии для собирания этнографических коллекций среди вогулов, остяков и самоедов. Маршрут и план предстоящих работ разрабатывался после приезда на место. Ценные указания и советы молодой ученый получил от известного исследователя быта и верований вогулов, бывшего тобольского губернатора Л.Н. Гондатти (Руденко С.И., 1912, с. 44). Территория исследования была весьма обширной, крайними точками являлись: на юге – Калтась

* Публикации С.И. Руденко даны в Приложении 1.

Горт на р. Оби, на севере – устье р. Ныды на восточном берегу Обской губы, на западе – верховье р. Сыгвы и верховье р. Сосьвы, на востоке – Казым-Еган-Вожь в верхнем течении р. Казыма (Руденко С.И., 1914з, с. 28). Путешествовать пришлось по воде – в специально приготовленной крытой лодке (каюк) или в открытой лодке, по суше – пешком и на собаках. Багаж молодого начинающего специалиста был невелик. Из Петербурга, кроме необходимого запаса белья, он захватил с собой бурку, брезентовый костюм, мешки для вещей, полог и сетки от комаров и мошек, одеяло, дорожную аптечку, два фотоаппарата и инструменты для антропологических измерений. меховую одежду на зиму С.И. Руденко приобрел на месте. Холода в Нижнем Приобье наступали рано и уже в середине сентября морозы ночью бывали ниже -10°C (Руденко С.И., 1912, с. 45–46).

Несмотря на ряд трудностей, экспедиция прошла успешно. За небольшой промежуток времени была проделана весьма значительная работа, сформированы многочисленные этнографические коллекции, касающиеся быта и верований остяков, вогулов и самоедов. Всего было собрано свыше 1900 вещей, включающих главным образом предметы охоты, рыболовства, оружия, орудий, которые употреблялись при обработке сырых материалов, изготовлении домашней утвари, посуды, средств передвижения, одежды, украшений, игрушек, предметов культа и многого другого. Наблюдения и антропологические измерения указанных народностей производились по схеме Ф.К. Волкова. Кроме того, выполнялись многочисленные рисунки и фотографии, что редко было в те времена.

К обработке полученной информации Сергей Иванович приступил вскоре после приезда из экспедиции. Результатом стал целый ряд работ. В сентябре 1910 г. был подготовлен предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губернии с подробным описанием проделанной работы. В 1914 г. в «Материалах по этнографии России» публикуются результаты исследований остяцкого могильника возле Обдорска с описанием полученных предметов и их интерпретацией (Руденко С.И., 1914в). В «Записках Академии наук» в сентябре того же года печатается научный труд «Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири» (Руденко С.И., 1914ж). В его основу легли измерения, произведенные С.И. Руденко в 1909 и 1910 гг. в Тобольской губернии. В публикации дается подробная характеристика типа остяков, вогулов и самоедов, а также последовательное сравнение

аналогичных антропологических признаков. Следующей работой является этнографический очерк по инородцам Нижней Оби (Руденко С.И., 1914з). В нем описываются природные условия, в которых проживали остяки, вогулы и самоеды, особенности жизненного уклада, традиции и многое другое.

В последующие годы С.И. Руденко вновь возвращается к данной теме. Однако свести воедино и обобщить полученный огромный материал ученый смог только по прошествии многих лет. В 1950-е гг. по материалам экспедиции 1909–1910 гг. была подготовлена монография «Угры и ненцы Нижней Оби» (историко-этнографические очерки). Объем рукописи составлял 13 авторских листов машинописи, пять авторских листов приложения «Путевые записки» и 350 иллюстраций (ПФАРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 265. Л. 1). С 1958 г. началась эпопея безуспешных попыток издания данной работы. Постепенно ученый пришел к мысли, что книга может быть издана только за рубежом, где уже был опубликован ряд его работ. С подобным предложением С.И. Руденко обратился в один из восточноевропейских журналов по этнографии и получил согласие. В 1972 г., уже после смерти ученого, монография была издана на немецком языке в Венгрии. Однако желание С.И. Руденко исполнилось не полностью. Несмотря на принятое в мае 1968 г. Президиумом Географического общества СССР решение о редакционной подготовке на 1969 г. на русском языке монографии С.И. Руденко, она так и осталась неизданной (Шмидт О.Г. (Лыжникова), 2001, с. 174). Научная общественность не раз отмечала ее значимость и необходимость скорейшей публикации (Степанов Н.Н., 1965, с. 294). Но реальные шаги в этом направлении не были предприняты. Необходимо отметить, что этот труд заслуживает к себе внимания специалистов и по-прежнему ждет публикации.

Этнографические исследования молодого ученого нашли свое отражение на страницах периодических изданий. В отечественной печати увидели в свет такие публикации С.И. Руденко, как «Чувашские надгробные памятники» (1910), «Этнографические коллекции из бывших Российско-Американских владений» (1910, в соавт. с Ф.К. Волковым), «Добывание огня трением у чувашей» (1911) и др. Таким образом, еще студентом С.И. Руденко вел самостоятельные исследования в области археологии, антропологии и этнографии.

Весной 1910 г. он успешно, по первому разряду, закончил естественное отделение физико-математического факультета и был оставлен (с 1 июня 1910 г. по декабрь 1914 г.) при кафедре географии и антропологии для подготовки к профессорскому званию (Решетов А.М., 1998, с. 9). Расширилась его деятельность и в научных обществах. 14 декабря 1911 г., по представлению С.Ф. Ольденбурга, Ф.К. Волкова и Э.А. Вольтера, С.И. Руденко как руководителя антропологической экспедиции для изучения башкир, самоедов, вогул и остяков приняли в число членов Императорского Русского Географического общества, в котором он позже возглавлял Отделение этнографии (Этнография..., 1971, с. 3). В это же время С.И. Руденко исполнял обязанности секретаря Антропологического общества при Санкт-Петербургском университете, а с 1912 по 1918 г. – редактора. Впоследствии С.И. Руденко был удостоен звания почетного члена общества.

Помимо подготовки к магистерским экзаменам, молодой ученый под руководством своего учителя проводил практические занятия по антропологии и разработал самостоятельный курс лекций по палеоэтнологии (Тихонов И.Л., 1995, с. 58). В 1912/13 учебном году С.И. Руденко проходил в университете испытания на степень магистра географии. На заседаниях физико-математического факультета им были сданы следующие экзамены: по общему землеведению – П.И. Броуну, по физической географии – А.М. Войкову, по геологии – А.А. Иностранцеву и по антропологии – Ф.К. Волкову (Решетов А.М., 1998, с. 23). В знак поощрения успешной сдачи экзаменов, а также в целях совершенствования знаний С.И. Руденко отправили в командировку за границу на два года. В июне 1913 г. он выехал из Петербурга.

Во время заграничного путешествия Сергей Иванович посетил Турцию, Сирию, Палестину, Египет, Испанию, Италию и Монте-Карло, где он познакомился с различными музеями и историческими памятниками. Большую часть командировки С.И. Руденко провел во Франции (Массон В.М., 1965, с. 238). Выбор этой страны был не случаен. Необходимо заметить, что Ф.К. Волков в период эмиграции (1879–1905) долгое время жил в Париже, где работал в Антропологической школе. Он принадлежал к эволюционной школе этнографов и сотрудничал с Г. Мортилье, Л. Мануврие и другими представителями данного направления. Лекции этих профессоров С.И. Руденко слушал в Антропологической школе Парижа. Практические занятия по антропо-

логии проходили под непосредственным руководством Л. Мануврие, специальной темой которых являлась «Сравнительная морфология таза приматов и человека в связи с его переходом к вертикальному положению» (Массон В.М., 1965, с. 238). Кроме того, Сергей Иванович исследовал коллекции галльских скелетов, посткраниумы неолитической эпохи и черепа египетских мумий. На заседаниях Парижского Антропологического общества С.И. Руденко сделал ряд научных докладов и был избран его членом (Степанов Н.Н., 1965, с. 294). Весной 1914 г. он принял участие в Международном конгрессе антропологов и этнографов в Швейцарии. Во время своей поездки молодой специалист проявил особый интерес к проблемам океанографии: он посетил океанографический музей в Монте-Карло и слушал лекции в Океанографическом институте в Париже (Решетов А.М., 1998, с. 9).

Путешествие пришлось прервать из-за начавшейся Первой мировой войны. В июле 1914 г. С.И. Руденко возвратился в Россию. Заграничная командировка имела большое значение для становления ученого. Она позволила существенным образом повысить уровень теоретических знаний в различных областях естественных и гуманитарных наук, приобщиться к передовой европейской науке, а также приобрести необходимые практические навыки. Результатом поездки стал ряд публикаций на разные темы, вышедших в отечественной и зарубежной печати (Руденко С.И., 1914а–б, г–е, 1915а).

Возвратившись на родину, Сергей Иванович продолжил активную научную деятельность. В это время он читал лекции по географии и антропологии в Петроградском университете; принимал участие в становлении первого научно-учебного географического заведения – Географического института (Долуханов П.М., 1970, с. 303); выполнял обязанности секретаря в Русском антропологическом обществе; с 1914 г. состоял членом Бюро Международной библиографии при Императорской Академии наук. В Императорском Русском географическом обществе С.И. Руденко вместе с М.К. Азадовским составляли систематический и предметный указатель к трудам исследователей и путешественников по Сибири. Ими было подготовлено свыше 20 тысяч карточек, но, к сожалению, публикация указателя не осуществилась (Степанов Н.Н., 1960, с. 295).

Не оставлял С.И. Руденко и полевой деятельности. В 1915 г. он принимал участие в почвенно-ботанической экспедиции Орен-

бургского земства и казачьего войска, составил гипсометрическую карту Оренбургской губернии. Во время работ данной экспедиции С.И. Руденко получил от профессора М.И. Ростовцева предложение заняться изучением древних погребений в окрестностях с. Прохоровки. В результате Сергей Иванович реализовал все поставленные перед ним задачи.

В рассматриваемые годы вышли в свет работы исследователя по этнографии и антропологии: «Инородцы Нижней Оби» (этнографический очерк) (1914з), «Лаклинская и Игнатьева пещеры Южного Урала» (1914и), «Размеры бедра и таза в пропорциях человеческого тела» (1915а), «Пособие для остеометрии» (1915в) и др.

Однако основное внимание уделялось магистерской диссертации «Башкиры. Опыт этнологической монографии». 9 декабря 1917 г. в Московском университете состоялась защита на степень магистра географии (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Предисловие. С. 2).

К этому времени С.И. Руденко уже стал серьезным ученым со знаниями практического и теоретического характера. Его деятельность высоко оценивалась в научных кругах. Так, в 1913 г. Императорское Русское Географическое общество присудило ему серебряную медаль за доклад о языческих жертвоприношениях у черемис. В 1914 г. научное общество им. Т.Г. Шевченко во Львове избрало Сергея Ивановича своим членом. В 1916 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило ему премию имени Великого князя Сергея Александровича за совокупность трудов по антропологии и этнографии России (Решетов А.М., 1998, с. 11). В следующем 1917 г. Томский университет удостоил его престижной наградой – премией за работу «Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири». Поскольку политика не занимала главного места в жизни ученого, то события Великой Октябрьской социалистической революции не оказали сильного влияния на его деятельность. Он всецело принадлежал науке.

В конце июля 1918 г. Сергей Иванович работал в Миассе, где составлял племенные карты Приуралья (Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний), занимался организацией естественно-исторической станции и принимал участие в Почвенной экспедиции. Осенью 1919 г., находясь в Миассе, Сергей Иванович получил официальное приглашение участвовать в конкурсе для занятия должности в Томском университете на кафедре географии

(Решетов М.А., 1998, с. 11; ГАТО. Ф. Р-815. Ед. хр. 31. Л. 57). Вскоре ученый переехал в Томск, где стал работать в университете и Институте исследования Сибири. В университете Сергей Иванович был избран профессором по кафедре географии. Он занимался преподаванием: читал для студентов курсы по сравнительной этнографии, антропологии и общему земледовению.

По инициативе С.И. Руденко в феврале 1920 г. при кабинете географии Томского университета учредили Этнологический музей, который хранил большие коллекции по этнологии и археологии (ГАТО. Ф. Р-815. Ед. хр. 31. Л. 69). В ноябре этого же года ученый большинством голосов был избран на должность декана физико-математического факультета (ГАТО. Ф. Р-815. Ед. хр. 31. Л. 116; Степанов Н.Н., 1965, с. 295). Помимо решения административных вопросов профессор продолжал заниматься экспедиционной деятельностью (более подробно о томском периоде см. ст. Л.Ю. Китовой, М.А. Рудковской и С.В. Морозова).

Однако томский период деятельности ученого длился не долго. Уже в августе 1921 г. С.И.Руденко был избран профессором кафедры антропологии и этнографии физико-математического факультета Петроградского университета. В ноябре ученый оставил свою должность в Томском университете и переехал в Петроград. Одновременно он стал работать заведующим Этнографическим отделом Русского музея (Степанов Н.Н., 1965, с. 295–296), занимался организацией экспедиций, пополнял музей новыми коллекциями (Решетов А.М., 1998, с. 12). Кроме этого, ученый вел активную научную и организационную деятельность в АН СССР в качестве председателя Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, а также ученого секретаря Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (далее – КИПС) (Степанов Н.Н., 1965, с. 296). В Анатомо-антропологическом обществе он занимал должность председателя Общества. В 1925 г. при реорганизации университета на географическом факультете было создано антропологическое отделение во главе с Сергеем Ивановичем.

Продолжались экспедиционные исследования ученого. Он руководил Забайкальской, Алтайской, Казакстанской и Башкирской экспедициями. С 1925 г. постоянным участником экспедиций становится его жена – Нина Михайловна Руденко – художник и археолог (Степанов Н.Н., 1965, с. 296).

Научная деятельность Сергея Ивановича расширяется до всесоюзного масштаба. Так, в 1926 г. он принимал активное участие

в Первом всесоюзном тюркологическом съезде, проходившем в Баку. На втором заседании конференции исследователь выступал с докладом «Современное состояние и ближайшие задачи этнографического изучения турецких племен», который был опубликован (Руденко С.И., 1926г). В 1927–1928 гг. С.И. Руденко занимал пост заместителя председателя Особого Комитета Академии наук по исследованию союзных и автономных республик. Это позволило ему входить в состав целого ряда академических исследовательских комиссий: экспедиционных исследований Монгольской, Среднеазиатской, Четвертичной, по истории знаний. Наиболее активную работу С.И. Руденко вел в Башкирской и Казакстанской комиссиях. В 1928–1930 гг. он возглавил Башкирскую комиссию АН СССР, в состав которой входили подразделения по разным отраслям знаний (Решетов А.М., 1998, с. 14).

Пополнялся список научных трудов ученого. В 1920-е гг. вышли в свет его работы по антропологии, этнографии и археологии: «Последние данные к вопросу о происхождении человека» (1922б), «Географический и этнографический очерк Сибири» (1924а); «Инструкция для измерения черепа и костей человека: Материалы по методологии археологической технологии» (1925а); вторая часть книги «Башкиры. Опыт этнологической монографии. Быт башкир» (1925б); «Погребение человека каменного века в Восточном Алтае» (1926а); «Главнейшие успехи антропологии в СССР за время революции» (1926б) и многие другие. Все научные открытия и достижения ученого постоянно публиковались в отечественной печати.

Таким образом, к концу 1920-х гг. С.И. Руденко реализовал себя как ученый в различных областях естественных и гуманитарных наук. Тогда же ярко проявились его организаторские способности. Он становится широко известным в отечественных научных кругах и имеет немалый авторитет. На конференциях и в печати Сергей Иванович часто выступал с установочными докладами, в которых подводил основные итоги и намечал перспективы для советской археологии, антропологии и этнографии. Учитывая все это, с уверенностью можно сказать, что С.И. Руденко был одной из ведущих фигур в советской науке.

Однако летом 1930 г. привычная жизнь ученого была неожиданно прервана (см. ст. А.А. Тишкина и О.Г. Шмидт в настоящем сборнике). Сергей Иванович оказался в числе осужденных. Даже в этот тяжелый период он нашел в себе силы, чтобы заниматься научной деятельностью. Широкие знания в области естественных

и точных наук позволили ему достичь успехов в новом направлении – гидрологии. С 1934 по 1938 г. С.И. Руденко занимал руководящие должности в Ленинградском Бюро Белбалткомбината НКВД (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 9), возглавлял группу гидрологии и специальных исследований в Управлении НКВД изысканий и проектирования Соликамского гидроузла в Ленинграде, исследовал гидрологический режим р. Туломы и др. (Долуханов П.М., 1970, с. 303). В целом работы, выполненные ученым в 1930-е гг. и в начале 1940-х гг., имели большое научное и практическое значение.

В начале 1940-х гг. Сергей Иванович постепенно стал возвращаться к своей обычной жизни и любимым научным темам. Так, с марта 1942 г. он занимал должность старшего научного сотрудника и состоял членом Ученого совета Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР. В июне 1942 г. приказом по Институту этнографии АН СССР ученого зачислили в штат по совместительству на должность заведующего отделом антропологии. Сотрудничал он и в отделе археологии. Во время блокады в Ленинграде Сергей Иванович вел работу по сохранению антропологических и археологических коллекций Музея антропологии и этнографии. 20 августа 1942 г. С.И. Руденко командировали в г. Елабугу, где тогда находился эвакуированный из Ленинграда институт. После того как сотрудники Института этнографии АН СССР переехали из Елабуги в Ташкент, С.И. Руденко остался с археологами в Елабуге. Имеются сведения, что в период эвакуации ученый производил раскопки Луговского могильника (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Предисловие. С. 2).

В 1945 г. С.И. Руденко наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Предисловие. С. 3). С окончанием Великой Отечественной войны заканчивается определенный этап в жизни ученого и начинается новый. Центральное место в исследовательской деятельности С.И. Руденко в послевоенные годы стали занимать археологические и этнографические проблемы, которыми он не имел возможности заниматься в предшествующий период.

Летом 1945 г. Сергей Иванович поехал в командировку на Чукотский полуостров (см. ст. И.Ю. Понкратовой в настоящем сборнике). Однако давней мечтой С.И. Руденко было продолжение археологических исследований на Алтае. С 1947 г. ученый возобновил раскопки Пазырыкских курганов. Экспедиции 1947, 1948

и 1949 гг. дали блестящие и сенсационные результаты. К Сергею Ивановичу Руденко пришла мировая известность. Его труды по культуре Алтая скифской эпохи издавались во многих странах мира. Целый ряд свидетельств Геродота о нравах и обычаях скифов подтверждался уникальными находками на Алтае. На протяжении 1950-х гг. ученый большую часть своего времени посвятил именно проблемам археологии Алтая. Все результаты исследований постоянно публиковались: «Второй Пазырыкский курган» (1948а), «Искусство скифов Алтая» (1949в); «Раскопки Пазырыкской группы курганов» (1950б); «Башадарские курганы» (1951); «Горноалтайские находки и скифы» (1952б); «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (1953); «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» (1960в) и др.

В послевоенный период не ослабевали связи С.И. Руденко с научными центрами союзных и автономных республик СССР. В 1946 г. он дважды посещал Алма-Ату. С 22 мая по 15 июня 1946 г. профессор участвовал в первой сессии АН Казахской ССР. Второй раз (10–24 ноября) ученый отправился в Казахстан для изучения музейных коллекций (Решетов А.М., 1998, с. 10). В 1959 г. состоялась последняя археологическая экспедиция С.И. Руденко в Восточно-Казахстанскую область.

В 1952 г. Сергей Иванович принимал участие в организованной Башкирским филиалом АН СССР экспедиции, в которой он провел два месяца. Новый материал был использован для написания монографии «Башкиры» (1955а).

В начале 1950-х гг. С.И. Руденко возглавил новое направление и начал активно разрабатывать и внедрять в археологическую практику методы естественных и точных наук. Не случайно именно под его руководством в Ленинградском отделении Института археологии Академии наук СССР создали Лабораторию археологической технологии, к организации которой приступили в 1955 г. (Долуханов П.М., 1986, с. 9; Степанов Н.Н., 1965, с. 297; Масон В.М., 1965, с. 239; ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 88. С. 2).

Продолжалась деятельность профессора в Отделении этнографии Географического общества СССР. Там он неоднократно выступал с докладами, которые собирали обширную аудиторию: «Результаты горноалтайской экспедиции 1948 г.» (11.05.1949), «Алтай и его древние обитатели» (на ежегодных чтениях в память Л.С. Берга), «К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевничестве» (8.10.1958), «Культура хун-

ну» (19.11.1959), «Искусство палеолита у народов северо-восточной Азии» (24.10.1963), «Царские усыпальницы в долине р. Или» (12.12.1964), «Культура бронзы Минусинского края и радиокарбонные датировки» (2.02.1967), «Опыт применения естественно-научных методов в исследовании археологических объектов» (18.05.1967), «Эдзина – город древнего тангутского царства» (8.12.1968; Этнография..., 1971, с. 5). Большинство из них опубликовано. Кроме руководства отделением, текущими заседаниями, редакционно-издательской частью, он возглавлял проведение двух дискуссий: о кочевниках (1958 г.) и об этногенезе (1967 г.).

В конце 1950-х гг. в судьбе Сергея Ивановича произошло очень важное событие. С приходом к власти Н.С. Хрущева началась реабилитация жертв сталинского террора. После прошедшего в феврале 1956 г. XX съезда КПСС данный процесс принял наибольший размах. Многие осужденные в 1930-е гг., но ни в чем не повинные люди, были оправданы, в том числе и Сергей Иванович Руденко.

1957 год был богат и другими не менее важными событиями. В этом году ученый был избран председателем Отделения этнографии Всесоюзного Географического общества. Под его редакцией издается несколько сборников «Материалов по этнографии». Всесоюзное Географическое общество высоко оценивало научные достижения Сергея Ивановича и 4 мая 1962 г. избрало его своим почетным членом. 19 января 1965 г. Ученым советом общества ему была присуждена золотая медаль имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Кроме того, С.И. Руденко был избран членом-корреспондентом Ютландского археологического общества (1956) и Германского археологического института (1966) (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Предисловие. С. 3). В 1960-е гг. Сергей Иванович опубликовал ряд своих работ, в том числе: «Искусство Алтая и Передней Азии. Середина I тысячелетия до н.э.» (1961б); «Культура хуннов и Ноинулинские курганы» (1962б); «Сибирская коллекция Петра I» (1962в), «Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая» (1968б) и многие другие. В 1967 г. С.И. Руденко ушел на пенсию и был назначен научным консультантом Лаборатории археологической технологии (Приложение 3, документ 24). В этой должности он работал до последних дней. В конце жизни к ученому приходит заслуженный долгим трудом почет и слава.

С.И. Руденко продолжал заниматься наукой. Последней работой, которую профессор готовил к изданию, была монография

«Угры и ненцы Нижнего Приобья». К сожалению, ученый умер, не дождавшись ее публикации. Сергей Иванович Руденко скончался 16 июля 1969 г. на 85-м году жизни и был похоронен на Шуваловском кладбище в Санкт-Петербурге.

А.А. Тишкин, О.Г. Шмидт

Алтайский государственный университет, Барнаул

ГОДЫ РЕПРЕССИЙ В ЖИЗНИ С.И. РУДЕНКО

Репрессии 1930-х гг. в Советском Союзе коснулись многих ученых. Не обошли стороной они и археологов. Наиболее трудный этап в жизни Сергея Ивановича Руденко, связанный с осуждением, практически не освещен в литературе, что имеет ряд объективных причин. В советское время было достаточно сложно получить интересующие сведения в закрытых архивах. Кроме того, нам не известно, жив ли кто-нибудь из близких родственников Сергея Ивановича, сотрудничество с которыми могло бы расширить наши возможности. Пока лишь в нескольких печатных работах обнаружена информация по обозначенной теме. Это прежде всего вышедшая в 1993 г. книга «Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова». Именно по этому делу и проходил репрессированный С.И. Руденко. Еще одна публикация помещена в журнале «Российская археология». Она посвящена русским археологам и политическим репрессиям 1920–1940-х гг. (Формозов А.А., 1998, с. 191–206). Там имеется краткая информация и о Сергее Ивановиче. В других работах обнаружены лишь упоминания.

Указанные обстоятельства способствовали активизации исследовательских действий для восстановления драматических событий 1930-х гг. в жизни С.И. Руденко. Благодаря оказанному содействию начальника Управления ФСБ РФ по Алтайскому краю в 2001 г. нам представилась возможность ознакомиться с архивно-следственным делом, хранящимся в Архиве Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области*. В нем содер-

* См. Приложение 3 (документы 3–18, 21–23) в настоящем сборнике. Авторы выражают благодарности Ю.В. Сотникову и В.Н. Тарасенко за возможность работы с архивным делом и корректную публикацию материалов, касающихся С.И. Руденко.

жаты материалы, которые касаются ареста, осуждения и реабилитации С.И. Руденко. Эти данные, а также сведения из других источников и публикаций легли в основу этой статьи. В томах пятом, седьмом и восьмом находятся документы, связанные с производством дела: ордер на производство обыска, протоколы, показания, различные постановления. Содержащаяся в девятом томе информация касается процесса реабилитации С.И. Руденко в 1957 г. Наиболее важными источниками являются показания Сергея Ивановича, написанные им лично. В них ученый подробно характеризует свою полевую и научно-исследовательскую работу в различных учреждениях: в университете, Русском музее, в Комиссии Академии наук по исследованию племенного состава России и в Особом комитете Академии наук по исследованию союзных и автономных республик. Следует указать, что, судя по почерку, а особенно по личным подписям (размытость и нечеткость), протоколы составлялись и оформлялись в несколько этапов, а визировались уже обессиленным человеком. Не исключено, что в ходе дела Сергей Иванович был подвергнут различным истязаниям. Процедура ломки личности ученого началась с момента обыска и ареста.

Летом 1930 г. С.И. Руденко занимался организацией работы Башкирской экспедиции и поехал в г. Уфу для согласования рабочих перспективных планов с правительственными органами. 5 августа 1930 г. в номере гостиницы «Астория», в котором проживал профессор со своей женой, был произведен обыск на основании ордера, выданного Башкирским областным отделом Объединенного государственного политического управления секретной оперативной части (АУ ФСБ по г. СПб. и Лен. обл. арх.-след. дело. ПФ. 82333. Т. 5. Л. 329–330). Арест ученого последовал незамедлительно. Было решено до направления в распоряжение Полномочного Представительства Объединенного государственного политического управления по Ленинградскому военному округу (далее – ПП ОГПУ по ЛВО) Сергея Ивановича Руденко содержать под стражей ГПУ. Затем арестованного направили спецконвоем в распоряжение ПП ОГПУ по ЛВО в г. Ленинград. Привычная жизнь ученого неожиданно изменилась.

С.И. Руденко проходил по следственному делу так называемой контрреволюционной монархической организации академиков С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и др. – «Всенародный Союз борьбы за возрождение свободной России». Аресты по данному делу начались еще в октябре 1929 г. К концу 1930 г. число подслед-

ственных превысило 100 человек и в ОГПУ было принято решение разделить их на две группы (два отдельных производства). В первую входили те, кому приписывалась «руководящая роль в создании и практической деятельности организации» (Академическое дело..., 1993. V). Во вторую группу следствие включило 86 человек, которые обвинялись в принадлежности к «контрреволюционной организации». С.И. Руденко попал во вторую группу, третью подгруппу, которая насчитывала 10 сотрудников АН СССР, связанных с экспедиционной работой: Н.В. Раевский, П.В. Виттенбург, Д.Н. Халтурин, В.И. Крыжановский и др.

Предъявленное Сергею Ивановичу обвинение состояло из двух пунктов. Он обвинялся: в том, что: а) «вступив в организацию «Всенародный Союз борьбы за возрождение свободной России», занимался систематической пропагандой идеей организации, содержащей призывы к свержению советской власти, путем вооруженного восстания и иностранной интервенции, и установление конституционно-монархического образа правления»; б) «по поручению руководящего ядра организации, использовал свое служебное положение в учреждениях Академии наук и занимался систематическим вредительством в области **экспедиционных исследований**: вредительство выражалось в бесцельной трате государственных средств на экспедиции, лишённые научного и практического значения; в сокрытии результатов экспедиционных исследований, имеющих актуальное практическое значение для развития народного хозяйства СССР; использовании отдельных экспедиций путем включения в ее состав своих сторонников для организации антисоветского движения на окраинах СССР (Башкирия и др.), поддержки местных контрреволюционных элементов» (АУ ФСБ по г. СПб. и Лен. обл. Арх.-след. дело. ПФ. 82333. Т. 8. Обвинительное заключение по следственно-му делу 1803. Л. 88–89).

В ходе следствия С.И. Руденко отрицал не только принадлежность к обозначенной организации, но и какие-либо близкие отношения с академиком С.Ф. Платоновым. Так, в своих показаниях от 26 августа 1930 г. он категорически утверждал, что не имел и не мог иметь связей с «Всенародным Союзом борьбы за возрождение свободной России». Сергей Иванович написал следующее: «Об этой организации я узнал только из газет и с лицами, причастными к ней, или был вовсе не знаком, или только шапочно. Не мог я иметь к ней отношений потому, что к идеям, эту

организацию вдохновлявшим, я всегда относился и отношусь глубоко отрицательно» (АУ ФСБ РФ по г. СПб. и Лен. обл. Арх.-след. дело. ПФ. 82333. Т. 5. Л. 341). «Сознавался» профессор лишь в том, что принадлежал «к определенной интеллигентско-академической среде», интересами которой он жил и с мнениями которой считался (АУ ФСБ по г. СПб. и Лен. обл. Арх.-след. дело. Ф. 82333. Т. 5. Л. 348). В заключение своих показаний от 26 августа 1930 г. С.И. Руденко добавил: «...за все время своей работы в Академии наук я был уверен, что то дело, которое я делаю, нужное и полезное в социалистическом строительстве Союза. Единственно, что меня всегда угнетало – это невозможность посвящать этому делу столько времени, сколько оно от меня требовало» (АУ ФСБ по г. СПб. и Лен. обл. Арх.-след. дело. ПФ. 82333. Т. 5. Л. 341).

Следствие по делу длилось до февраля 1931 г. Все это время ученый находился под стражей в камере предварительного заключения. 7 февраля 1931 г. ему было предъявлено следующее обвинение: «гр. Руденко С.И. достаточно изобличается в том, что он состоял членом контрреволюционной организации, возглавлявшейся акад. Платоновым и ставившей своей целью свержение Советской власти и восстановление монархического строя, т.е. преступления, предусмотренным ст. 58-II Уголовного кодекса (АУ ФСБ по г. СПб. и Лен. обл. Арх.-след. дело. ПФ. 82333. Т. 5. Л. 359). 10 февраля 1931 г. постановлением тройки ПП ОГПУ в ЛВО С.И. Руденко был осужден к 10 годам заключения в концлагерь с конфискацией имущества (АУ ФСБ по г. СПб. и Лен. обл. Арх.-след. дело. ПФ. 82333. Т. 7. Л. 300).

В настоящее время совершенно очевидно, что весь этот политический процесс был сфабрикован в 1929–1931 гг. по указанию Политбюро ЦК ВКП (б) Полномочным Представительством ОГПУ в ЛВО. Все, кто проходил по рассматриваемому делу, были людьми высоко интеллектуальными, учеными-специалистами, которые трудились на благо Родины. Однако более сотни ни в чем не повинных людей оказались в лагерях.

Репрессии 1930-х гг. коснулись и других археологов. По сфабрикованным делам привлекались С.А. Теплоухов, Ф.А. Фиельструп, М.П. Грязнов, Е.Р. Шнейдер, Д.А. Золотарев и др. У некоторых из них жизнь закончилась трагично (Решетов А.М., 2003, с. 20)*.

* Библиографическое описание всех ссылок дано в Приложениях 1 и 2.

После ареста и осуждения Сергея Ивановича Руденко в периодической печати появились публикации конъюнктурного характера с резкой необоснованной и неуважительной критикой научной деятельности профессора. Так, в 1932 г. вышла в свет статья археолога и этнографа А.Н. Бернштама (1932, с. 22–27) «Идеализм в этнографии (Руденко и руденковщина)». В ней автор квалифицировал работы С.И. Руденко «...как типичную деятельность «ученого», своими интересами связанного с буржуазией». С его точки зрения, методология, которой пользовался в своих исследованиях С.И. Руденко, основывалась на «стихийном географическом материализме и идеализме, при преобладании последнего». В вину ставилось то, что в работах по этнографии умалчивалось о классовом расслоении и классовых противоречиях в обществе, что считалось недопустимым. Еще более резкой критике была подвергнута деятельность С.И. Руденко после Октябрьской революции, когда он якобы «...выполнял миссию империалиста-буржуа..., проповедуя прямую контрреволюцию и выявляя активную враждебность диктатуре пролетариата и социалистическому строительству. Его научные исследования становились все более и более созвучными политической идеологии великодержавного шовинизма и местного национализма» (Бернштам А.Н., 1932, с. 23). Как известно, в своих научных работах как по этнографии, так и археологии С.И. Руденко пользовался методом сравнения и аналогий, что расценивалось как «безнадежная метафизика». То, что Сергей Иванович не следовал официальной трактовке истории с точки зрения марксизма и теории общественно-экономических формаций, ставилось ему в вину и считалось преступным. Со страниц печатных изданий его обвиняли в том, что в своих «ученых исследованиях» он заботливо опекал «отвратительное лицо кулака». Делался вывод о том, что «социальной базой его теоретических построений являлась система разлагающегося империализма» (Бернштам А.Н., 1932). На таких основаниях велась борьба с учеными и с интеллигенцией.

Деятельность С.И. Руденко была подвергнута критике в статье Г.П. Горбуновой (1932, с. 113–120) «Об одной «научной экспедиции». Автором являлась одна из участниц экспедиции 1930 г., организованной Академией наук в Башкирскую АССР. Г.П. Горбунова ставила под сомнение научную ценность собранных в экспедиции материалов, поскольку «...некоторые работники отрицают необходимость разделения населения на социально-экономи-

ческие группировки». Кроме того, антропологический отряд экспедиции, по ее мнению, пользовался старыми методами исследования, которые нуждаются «в полной перестройке». В статье отмечено: «Отсутствие конкретной темы обследования, отсутствие действительно научной методики обследования человека, абсолютный отрыв заданий экспедиции от задач социалистической реконструкции хозяйства Башкирской АССР делают всю работу антропологической экспедиции не только бессмысленной тратой времени, но и средств». Именно в этом и обвиняли С.И. Руденко во время следствия. Работа экспедиции, по мнению автора статьи, являлась «вредной попыткой затушевать моменты, требующие действительного изучения, попыткой преподнести под видом «научности» старую буржуазную идею о «расовых особенностях», которая ведет, в конце концов, к агитации кулака против бедняцких слоев деревни» (Горбунова Г.П., 1932, с. 118).

Дело не ограничилось только выходом статей. В Этнографическом отделе Русского музея, где Сергей Иванович проработал многие годы заведующим, началась дискуссия с критикой деятельности арестованного исследователя. Методологическое бюро отдела привлекало к этому различных сотрудников, в том числе и тех, которые совсем недавно были коллегами С.И. Руденко. В одном из номеров «Советской этнографии» за 1932 г. вышла статья М.Г. Худякова, посвященная ситуации в отделе. В ней С.И. Руденко характеризовался как «...представитель идеалистической, буржуазной науки, который в своих работах всецело стоял на почве формального метода, расовой теории и общественных взглядов, которые имели реакционную окраску» (Худяков М.Г., 1932, с. 167). Однако не все коллеги настолько резко оценивали работу и взгляды ученого. Так, участвовавшие в обсуждении «руденковщины» М.П. Грязнов и С.А. Теплоухов остановились лишь на формальном методе в исследованиях С.И. Руденко без выяснения его общественных взглядов и идеологии. При этом С.А. Теплоухов приложил все усилия не столько к критике Сергея Ивановича, сколько к возражениям по адресу оппонентов. Б.Г. Крыжановский, делавший доклад на одном из заседаний Методологического бюро в 1931 г., по мнению М.Г. Худякова (1932, с. 168), держался уклончивой тактики, и его речь приняли как завуалированную защиту «руденковщины». Ф.А. Фиельструп, близкий друг и соратник Сергея Ивановича в томский период, вообще отказался от

критических выступлений. Все, кто встал на защиту С.И. Руденко, впоследствии были также подвергнуты репрессиям.

Таким образом, вся научная деятельность, весь богатый профессиональный опыт ученого оказались ненужными и даже «вредными» для советского общества. Однако сломить С.И. Руденко не удалось. Его жизнь была всецело посвящена науке. Это ярко подтверждает ряд работ исследователя в 1930-е гг. Попав в лагерь, Сергей Иванович первое время трудился на лесозаготовках, а в начале лета 1931 г. был назначен полевым ревизором отдела изысканий по топографической съемке в проектируемой зоне затопления побережья оз. Выг (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 20). Позднее С.И. Руденко стал старшим инженером отделения гидрологии проектного отдела Беломорстроя со специальным поручением по изучению элементов озерной волны в связи с воздействием ее на оградительные сооружения. В это же время он занимался гидрологическими исследованиями для водохозяйственных расчетов (Решетов А.М., 1998, с. 17). Эти результаты изложены в научных публикациях (Руденко С.И., 1932; 1933а).

В марте 1934 г. постановлением коллегии ОГПУ С.И. Руденко был досрочно освобожден (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 9). Несмотря на это, ученый остался работать в системе НКВД по вольному найму. По всей видимости, этот шаг обеспечивал определенную безопасность, так как репрессии продолжались и еще не достигли своего пика. С 1934 по 1938 г. Сергей Иванович занимал должности руководителя группы гидрологии и помощника руководителя группы гидрологии и водного хозяйства Ленинградского бюро Белбалткомбината НКВД (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 9), а затем возглавил группу гидрологии и специальных исследований в Управлении НКВД изысканий и проектирования Соликамского гидроузла в Ленинграде. С.И. Руденко изучал гидрологический режим р. Туломы. Его расчеты легли в основу проекта Туломской ГЭС (Долуханов П.М., 1970, с. 303). В целом работы, выполненные ученым в 1930-е гг. и в начале 1940-х гг., имели большое научное и практическое значение. Его разработки в области гидрологии использовались при строительстве Беломорско-Балтийского канала и при создании системы Большой Волги. Так, на основе данных о наблюдениях на больших бассейнах и станциях в СССР и США, Сергей Иванович доказал, что потери на испарение со всего каскада водохранилищ Большой Волги будут в пять раз меньше, чем это предполагалось (Степанов Н.Н., 1965,

с. 296). Кроме того, изыскания С.И. Руденко нашли применение при строительстве Нижне-Тулумской ГЭС – первой из гидростанций, сооруженных в СССР на устьевом участке реки в зоне морских приливов и отливов (Степанов Н.Н., 1965).

В 1930-е гг. вышли научные публикации С.И. Руденко: «Сгонные и нагонные явления на озере Выг» (1933б), «Донный лед на реке Нижний Выг» (1935а), «Приливы и отливы на участке Нижне-Тулумского строительства» (1935б) и др. В 1934 г. С.И. Руденко работал над монографией «Испарение с водной поверхности и потери на испарение с водной поверхности». По данной теме в 1945 г. ученый защитил диссертацию в Московском гидромелиоративном институте им. В.Р. Вильямса, и ему была присуждена степень доктора технических наук (см. Приложение 3, документы 19 и 20). Однако это было уже позже. А в конце 1938 г. Сергей Иванович перешел на работу в Государственный гидрологический институт на должность старшего научного сотрудника и руководителя группы по изучению испарений. Там же он выполнял функции заместителя руководителя Секции озер и заведовал полевой гидрофизической лабораторией. После эвакуации института в Свердловск в начале 1942 г. С.И. Руденко был прикомандирован к Управлению Гидрометеослужбы Ленинградского фронта, где исполнял должность начальника III отдела (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 9). Сергей Иванович занимался важным и ответственным делом – составлял прогнозы ледового режима на трассе «дороги жизни» Ладожского озера.

В документах имеется информация о реабилитации С.И. Руденко (Приложение 3, документы 21–23). 6 декабря 1957 г. прокурор г. Ленинграда подал протест в президиум Ленинградского городского суда (далее – Ленгорсуд). В нем ставился вопрос об отмене Постановления тройки ПП ОГПУ в отношении С.И. Руденко и прекращении дела по следующим основаниям: 1) «...Никаких данных, свидетельствующих о том, что ... Руденко С.И. и др. входили в контрреволюционную организацию и проводили какую-либо контрреволюционную деятельность, в материалах дела не имеется»; 2) Руденко С.И. в своем заявлении в протоколе его допроса показал, что академика Платонова он знал исключительно по службе, что их взаимоотношение носило исключительно служебный характер; 3) кроме того, о принадлежности Платонова к контрреволюционной организации ему ничего не известно, и он сам ни в какой контрреволюционной организации не

участвовал (АУ ФСБ по г. СПб. и Лен. обл. арх.-след. дело. ПФ. 82333. Т. 9. Л. 53, 455–456). На основании изложенного и руководствуясь указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 г. прокурор просил Постановление тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 10 февраля 1931 г. в отношении С.И. Руденко отменить и дело за недоказанностью вины производством прекратить.

Протест не остался без внимания. Уже 13 декабря 1957 г. Президиум Ленгорсуда рассмотрел материалы дела и, обсудив доводы протеста прокурора, нашел, что последний подлежит удовлетворению по изложенным в нем основаниям. Президиум Ленгорсуда вынес такое решение: «Постановление тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 10 февраля 1931 г. в отношении... Руденко Сергея Ивановича отменить и дело за отсутствием состава преступления производством прекратить» (АУ ФСБ по г. СПб. и Лен. обл. арх.-след. дело. ПФ. 82333. Т. 9. Л. 457–458).

18 декабря 1957 г. ученый получил временную справку о том, что он считается реабилитированным. В воспоминаниях В.М. Сунцовой, записанных на аудиокассетах и хранящихся в фондах Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (г. Барнаул), отражен момент, когда Сергей Иванович ходил за получением документа о полной реабилитации. Один из старых сотрудников при этом его спросил: «Что тебе надо, что тебе надо? Тебя пустили в Ленинград, ты работаешь, у тебя есть квартира, что тебе еще надо?» (Лыжникова О.Г., 2000, с. 30). Ученому нужно было лишь восстановление справедливости.

В заключение необходимо отметить, что изучение документов, хранящихся в Архиве Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области позволило нам существенным образом восстановить цепь событий в жизни Сергея Ивановича Руденко в 1930-е гг. и в определенной мере устранить имевшиеся пробелы. Однако работа в этом направлении будет продолжена. Имеется еще несколько групп источников, отражающих более подробно время пребывания С.И. Руденко под следствием и в лагере.

Л.Ю. Китова

Кемеровский государственный университет, Кемерово

ТОМСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.И. РУДЕНКО И С.А. ТЕПЛОУХОВА

Томский период деятельности С.И. Руденко и С.А. Теплоухова был коротким, но весьма результативным. Волею судеб им пришлось обосноваться в этом городе. С.И. Руденко бежал от Советов из Центральной России и в июле 1918 г. находился в Миассе (Решетов А.М., 1998, с. 378). С.А. Теплоухов, как и многие преподаватели Казанского и Пермского университетов, по решению правительства А.В. Колчака в 1918–1919 гг. пополнил профессорско-преподавательский состав Томского университета (Китова Л.Ю., 1994, с. 59). За год до этого, 1 июля 1917 г., Временное правительство открыло там историко-филологический и физико-математический факультеты (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1 предисл. Д. 31. Л. 5–7). И высокий кадровый потенциал был очень кстати.

Весной и осенью 1919 г. на заседаниях физико-математического факультета решался вопрос о создании кафедры географии на естественном отделении. 1 сентября 1919 г. коллектив факультета заслушал жизнеописание магистра географии С.И. Руденко. В ходе обсуждения было отмечено, что специалистов с ученой степенью по географии на тот период в России имелось 5–6 человек, что С.И. Руденко являлся весьма энергичным работником, особенно в области антропологии, к тому же связан своими научными интересами с Сибирью. В связи с этим факультет поручил декану пригласить С.И. Руденко для участия в конкурсе на должность профессора по кафедре географии, а пока преподаватели единодушно избрали его в качестве доцента (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 31. Л. 33–34). 15 ноября 1919 г. С.И. Руденко баллотировался по конкурсу на должность профессора и был утвержден на Совете университета (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 33. Л. 71). Именно С.И. Руденко поддержал своего младшего коллегу С.А. Теплоухова. 18 сентября 1919 г. он представил заявление последнего на должность старшего ассистента по кафедре географии. 1 ноября 1919 г. на заседании физико-математического факультета С.А. Теплоухов был избран единогласно (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 31. Л. 39, 50).

На территории, занятой армиями А.В. Колчака, были восстановлены старые порядки, законы и учреждения царского времени. Высокий интеллектуальный потенциал, сосредоточенный в Томске, способствовал появлению новых форм деятельности. В январе 1919 г. создан Институт исследования Сибири (ИИС), который должен был по замыслу создателей выполнять функцию Академии наук и проводить планомерные научно-практические исследования природы и населения Сибири в целях культурно-экономического развития края и рационального использования его богатств (ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 6. Л. 20). С.И. Руденко и С.А. Теплоухов были приглашены в качестве членов института. По инициативе С.И. Руденко, бывшего ученого секретаря Комиссии по изучению племенного состава населения России при АН (КИПС), в ИИС была создана комиссия, подобная академической, для изучения племенного состава населения Сибири. Она действовала достаточно успешно. В результате полугодовой работы были составлены этнографические (племенные) карты Енисейской и Тобольской губерний по спискам населенных мест 1860-х гг., Новониколаевского уезда по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., списки населенных пунктов Томской и Алтайской губерний по данным переписи 1917 г. с обозначением количества населения и его племенного состава; сделаны подсчеты общего количества населения по уездам и волостям всей Томской губернии и подворные подсчеты по национальностям; вычислена средняя численность населения каждой национальности в Канском и Кузнецком уездах и Нарымском крае и определено процентное соотношение национальностей по деревням, волостям и уездам. 12 октября 1919 г. в ИИС был образован историко-этнологический отдел, в котором С.И. Руденко первоначально исполнял обязанности секретаря, затем председателя. На заседаниях отдела совместно с обществом археологии, истории и этнографии университета обсуждались научные доклады, а также решались злободневные вопросы: организация экспедиционных исследований, состояние томских архивов, библиотек и их сохранность, составление археологической карты Сибири и многое другое (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 34. Л. 23–25; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 40. Л. 34–44). 27 января 1920 г. С.А. Теплоухов был избран секретарем естественно-исторического отдела ИИС. С.И. Руденко и С.А. Теплоухов приняли живейшее участие в организации институтом курсов для подготовки исследователей природы, же-

лающих работать в естественно-научных экспедициях или собирать коллекции для школьных музеев. Ими читались специальные лекции по антропологии и антропометрии, палеоэтнологии и эргологии (ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 32. Л. 22, 127; Д. 40. Л. 2, 22). Основная преподавательская деятельность, конечно, проходила в университете.

В 1919/20 учебном году С.И. Руденко вел курс общей географии на естественном отделении и практические занятия для тех студентов, которые предполагали специализироваться по географии. Во втором семестре им был разработан и прочитан курс «Введение в этнографию». В 1920/21 учебном году профессор Руденко читал по кафедре географии и антропологии три обязательных курса: общее земледование, антропология, сравнительная этнография (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 31. Л. 37. Л. 63). С.А. Теплоухов после сдачи магистерских экзаменов в 1921 г. получил право читать в 1922 г. самостоятельный курс «Доисторическая антропология Сибири» (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 31. Л. 148–153).

С первых дней работы в Томском университете С.И. Руденко и С.А. Теплоухов зарекомендовали себя как очень активные работники и умелые организаторы. В сентябре 1919 г. С.И. Руденко приступил к оборудованию географического кабинета. По его инициативе факультет обратился в Академию Генштаба, которая эвакуировала свое имущество во Владивосток, с просьбой передать во временное пользование несколько геодезических и астрономических инструментов, наиболее нужные книги по геодезии астрономии и географические карты. В дар кабинету от исследователей поступила большая коллекция по этнологии и археологии. Профессор Руденко предложил в феврале 1920 г. создать этнологический музей при кабинете географии, присоединив этнографические и археологические коллекции университетского музея, находящегося в тот период в полном запустении. С.И. Руденко лично ездил в Петроград и Москву за приборами и литературой, отправлял своих сотрудников. Так, ассистент А.К. Иванов по заказу Руденко привез для кабинета 550 книг и 35 карт (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 31. Л. 33, 43, 69, 122, 130; Д. 88. Л. 71–75; Д. 89. Л. 149). С.И. Руденко и С.А. Теплоухов связывали не только служебные отношения, но и дружеские. Теплоухов часто выручал Руденко и вел в период его отъезда практические занятия, выполнял обязанности заведующего кабинетом (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 114. Л. 7). 8 ноября 1920 г. С.И. Руденко был избран деканом

физико-математического факультета. Однако 27 декабря 1920 г. ему пришлось подтверждать свои полномочия. Согласно новым правилам выборы декана должны проходить на президиуме факультета, куда кроме преподавателей входили студенты (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 31. Л. 117–118. Л. 122).

С.И. Руденко и С.А. Теплоухов, несмотря на финансовые сложности, вели самые успешные при Томском университете полевые исследования. Эти изыскания позволили переименовать осенью 1920 г. кафедру и кабинет, они стали называться географии и антропологии. В 1920 г. Томским университетом были командированы в Минусинский край профессор С.И. Руденко, преподаватели С.А. Теплоухов, Ф.А. Фиельструп, препаратор А.Н. Глухов и студенты М.П. Грязнов, Ю.М. Голубкова в качестве постоянных сотрудников экспедиции. С.И. Руденко изучал Базуковский и другие могильники скифского времени, а С.А. Теплоухов начал планомерные раскопки и исследование погребений эпохи бронзы и раннего железного века. В 1921 г. исследования были продолжены С.И. Руденко в Челябинской и Кустанайской губерниях, а С.А. Теплоуховым вместе со студентами М.П. Грязновым, Е.Р. Шнейдером и Е.А. Гуковским – в Минусинском крае (АИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1921. Д. 90). У С.И. Руденко в экспедиции работали преподаватели В.В. Богоявленский, А.К. Иванов, Ф.А. Фиельструп, командированный историко-филологическим факультетом. Последний был привлечен С.И. Руденко для работы в КИПС в 1918 г., они совместно создали базу на Южном Урале у Миассова озера, которой пользовались несколько сезонов (Кармышева Б.Х., 2002, с. 156–157). В 1921 г. С.И. Руденко и Ф.А. Фиельструп собрали в Кустанайской губернии обширный этнографический материал по быту киргизов, а также сведения о распространении среди них различных культурных элементов, позволяющих составить ряд этнографических карт. Специальному изучению подверглись вопросы кочевнического хозяйства и взаимоотношения с кочующими киргизами – сырдарьинцами, появляющимися летом в Кустанайской губернии. Для выяснения соматологических характеристик С.И. Руденко произвел антропологические измерения 500 киргизов разных возрастов и обоего пола. Также профессор вместе со студенткой Петроградского университета Р.П. Митусовой, командированной Географическим музеем, произвели антропологические и этнографические наблюдения среди башкир, что дало возможность С.И. Руденко в поле-

вых условиях дополнить и отредактировать рукопись по изучению быта башкир. Ф.А. Фиельструп вместе с кочевыми киргизами на верблюдах отбыл в Туркестан для сбора фольклористических материалов. Сотрудниками экспедиции были проведены незначительные археологические раскопки и разведки на юге Кустанайской губернии на границе с Тургайским уездом и собрана богатая коллекция каменных орудий, датированная С.И. Руденко ранним неолитом (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89. Л. 71–72). Палеоэтнологические экспедиции под руководством С.А. Теплоухова предполагали комплексные исследования по археологии, этнографии и антропологии в сочетании с изучением естественной среды обитания древнего человека. В 1920–1921 гг. С.А. Теплоухов поставил перед собой серьезные цели исследования: «...по этнографии – выяснить особенности и генезис некоторых элементов культуры современных инородцев; по антропологии – собрать материал для выяснения типологического отличия как современных инородцев, так и доисторических народностей, ...по археологии – найти погребения, относящиеся к различным культурным эпохам и установить относительную хронологию доисторических культур» (АИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1922. Д. 3. Л. 32). В сибирской археологии в отличие от европейской части России еще не была решена проблема систематизации и классификации археологических культур. Для выполнения поставленной археологической задачи С.А. Теплоухов изучил коллекции подъемного материала в Красноярском и Минусинском музеях, самостоятельно обследовал ряд стоянок и выбрал для систематических раскопок район села Батени. На участке площадью 6х12 км, расположенном в центре Минусинской котловины, на левом берегу Енисея, между пристанью села Батени и деревней Сарагаш, было найдено большое количество керамики, каменные и металлические предметы, относящиеся к различным эпохам. Разнообразие подъемного материала на месте бывших стоянок и благоприятные природно-климатические условия района определили выбор исследователя. С.А. Теплоухов считал, что «...трудно установить относительную классификацию по раскопкам могил различных эпох, произведенным в различных районах. Особенности местных вариаций затемняют наблюдаемую преемственность в устройстве могил и в некоторых бытовых предметах сменяющихся эпох». Во избежание этого ученый решил производить раскопки на одном небольшом участке (Теплоухов С.А., 1927, с. 58). Современных исследователей

до сих пор удивляет правильность выбора и разнообразие методических приемов, используемых С.А. Теплоуховым, особенно метода изучения локального района. В 1920 г. отрядом С.А. Теплоухова было обнаружено и раскопано три могилы афанасьевской культуры, одна – андроновской, шесть погребений – карасукской и два кургана первого этапа минусинской курганной культуры (тагарской) (АИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1921. Д. 90). После раскопок 1921 г. у С.А. Теплоухова в целом уже сформировалась классификация палеометаллических культур Минусинского края. Архивные материалы показывают, что в отчете 1921 г. он дал характеристику пяти культурам (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89. Л. 61–65). Сотрудники экспедиции М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер собрали материал о древних изваяниях Минусинских степей. В результате анализа данных исследователями через несколько лет была предложена первая типология каменных изваяний Сибири, которые различались по форме, стилю и технике изображения (Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р., 1929, с. 63–93). У С.И. Руденко и С.А. Теплоухова появились в Томске ученики: М.П. Грязнов, Е.Р. Шнейдер, А.Н. Глухов, Ю.М. Голубкина, Е.А. Гуковский. Однако в Томском университете им не удалось осуществить запланированные исследования.

После разгрома армии А.В. Колчака и установления Советской власти в Сибири в университете началась коренная реорганизация системы образования и уничтожение «контрреволюционного духа». Уже тогда многим преподавателям ставилось в вину сотрудничество с белогвардейским правительством. После установления новых правил приема без вступительных экзаменов и без предоставления документов об образовании, а затем максимальной утилизации курсов и сокращения сроков обучения до трех лет, многие преподаватели увидели в этом гибель университетской системы образования. В 1920 г. закрывается юридический факультет и открывается факультет общественных наук (ФОН). В 1921 г. историко-филологический факультет присоединился к ФОНу, который в 1922 г. закрыли. В 1922 г. под угрозой закрытия оказался физико-математический факультет, как не имеющий конкретно-практической установки. Особенно в тяжелом положении находились химическое и естественное отделения факультета (Томский университет, 1980, с. 119–142). С.И. Руденко и С.А. Теплоухов посчитали невозможным работать в такой обстановке и уехали в Петроград.

Библиографический список

Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // *Материалы по этнографии*. 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 63–93.

Кармышева Б.Х. От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: жизненный путь Ф.А. Фиельструпа // *Репрессированные этнографы*. М., 2002. Вып. 1. С. 152–163.

Китова Л.Ю. Эволюционно-этнологические концепции С.А. Теплоухова // *Методология и историография археологии Сибири*. Кемерово, 1994. С. 57–68.

Решетов А.М. Руденко Сергей Иванович // *Профессора Томского университета: Библиографический указатель*. Томск, 1998. Т. 2. С. 377–381.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // *Материалы по этнографии*. 1927. Т. 3. Вып. 2. С. 57–112.

Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980. 432 с.

М.А. Рудковская

Музей г. Северска, Северск

С.И. РУДЕНКО – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Сергей Иванович Руденко, как археолог, наиболее известен по раскопкам «царских курганов» скифского времени на Алтае. Но его знакомство со скифо-сибирским миром началось с экспедиции 1920 г. в Минусинскую котловину. Исследование С.И. Руденко тагарской культуры прочно связано с томским периодом его жизни. В Томске ученый оказался во время гражданской войны. Здесь он провел немногим более двух лет, с августа 1919 г. по ноябрь 1921 г. (Шмидт О.Г., 2003, с. 55–56).

Магистр географии С.И. Руденко приехал в Томск по приглашению на должность экстраординарного профессора кафедры географии физико-математического факультета Томского университета (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 33. Л. 50; Ф. 102. Оп. 9. Д. 473. Л. 6). Кроме того, он был назначен заведующим кабинетом географии, созданным при кафедре (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 33. Л. 66), а 9 ноября 1920 г. избран деканом физико-математического факультета (ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 373. Л. 20; Д. 473. Л. 21). До 1 июля 1920 г. преподавание в университете С.И. Руденко совмещал с работой в историко-этнологическом отделе Ин-

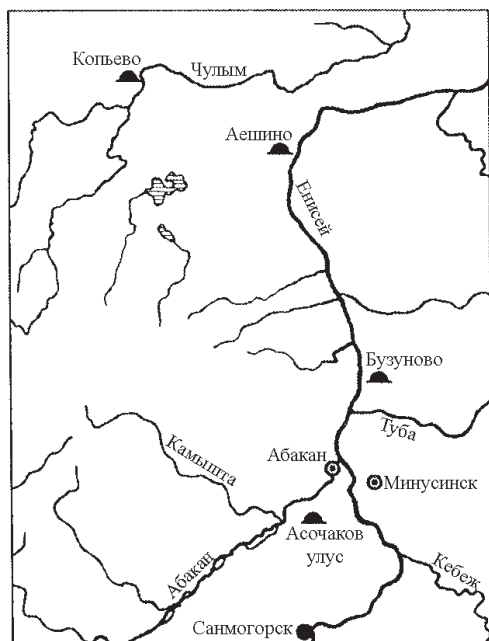
ститута исследования Сибири, сначала в должности секретаря, а затем – заведующего отдела. Одновременно являлся заведующим музеем при историко-этнологическом отделе Института исследования Сибири (ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 19. Л. 59) и возглавлял Комиссию по изучению племенного состава населения Сибири, созданную при совете института по инициативе С.И. Руденко (ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 41. Л. 16–17). Вот перечень только основных должностей и научных интересов ученого во время его пребывания в Томске. В условиях гражданской войны, оказавшись отрезанным от предыдущих изысканий, С.И. Руденко не изменил своей активной исследовательской позиции. Его пребывание в Томске включило два летних полевых сезона, которые не пропали даром. Несмотря на сложнейшее финансовое положение университета, опасную эпидемиологическую ситуацию в регионе (свирепствовал тиф) и угрожающую криминогенную обстановку военного времени, С.И. Руденко удалось провести две комплексные экспедиции. Первую – Абаканско-Минусинскую – в долину Енисея в 1920 г., вторую – географо-этнографическую – на Южный Урал и в Западный Казахстан в 1921 г. (ГАТО. Ф. Р.-815. Оп. 1. Д. 83. Л. 23; Ф. 102. Оп. 1. Д. 83. Л. 33 (34); Ф. Р.-815. Оп. 1. Д. 83. Л. 36; Д. 89. Л. 110).

По инициативе С.И. Руденко, Абаканско-Минусинская экспедиция вошла в списки первоочередных учебных мероприятий лета 1920 г. Томского университета и научных экспедиций Института исследования Сибири. Она была комплексной, отвечая всем направлениям кафедры географии и антропологии Томского университета. Исследователи намеревались посетить долину р. Енисея к югу от г. Красноярска с прилегающим нагорьем и провести там геологические, минералогические, археологические и этнологические наблюдения (ГАТО. Ф. Р.-815. Оп. 1. Д. 83. Л. 24, 33 (34), 36).

Кроме руководителя С.И. Руденко, археолого-этнографический отряд экспедиции включал двух ассистентов – преподавателей физико-математического факультета С.А. Теплоухова и А.К. Иванова, препаратора кафедры географии и антропологии И.М. Залесского, младшего ассистента историко-этнологического отдела Ф.А. Фиельструп и трех студентов, среди которых был второкурсник М.П. Грязнов (ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 473. Л. 17–18).

Абаканско-Минусинская экспедиция выехала из Томска 1 июня 1920 г. и возвратилась 27 сентября (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 83. Л. 36; Ф. 102. Оп. 9. Д. 473. Л. 19). К сожалению,

о самой экспедиции мало что известно. Под руководством С.И. Руденко были проведены раскопки четырех курганных могильников тагарской культуры (всего – 15 курганов): около д. Бузуново (Бузунова); близ улуса Асочаково (Асочаков); д. Аешино (улус Аешино, Аешин, д. Аешка); д. Копьевой (рис. 1). Не удалось найти сведений о дальнейшем исследовании названных памятников. А.И. Мартыновым опубликованы результаты разведок в Томско-Енисейском лесостепном районе. Им упоминаются три курганных группы с топонимом в названии Копьево (соответственно, Копьево-I, II, III), выявленные в ходе разведок 1967–1970 гг. О предшествующих исследованиях этих памятников А.И. Мартынов (1973, с. 40) не упоминает. Не ясно, является ли какой-либо из них «курганным могильником у д. Копьевой», раскопанным С.И. Руденко. Материалы раскопок С.И. Руденко частично

▲ – курганный могильник

Рис. 1. Курганные могильники, исследованные С.И. Руденко в 1920 г. (по: Членова Н.Л., 1992, с. 208, карта 11)

использовала в своей работе Н.Л. Членова (1967, табл. 1). Она же картографировала эти памятники (Членова Н.Л., 1992, с. 208, карта 11).

По итогам экспедиции в кабинет географии Томского университета поступили восемь археологических коллекций и антропологические материалы из раскопок. Археологические собрания были зарегистрированы под №6–13. Позже, когда они были переданы в археологический музей Томского университета, их перерегистрировали. В настоящее время в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ хранятся четыре коллекции из раскопок

С.И. Руденко (фонды МАЭС ТГУ, кол. №6280, 6291–6305, 6306–6355, 6356–6463); три коллекции, составленные в результате разведочных работ (кол. №6259, 6264, 6470–6491); одна – собрание покупных предметов (кол. №6278). Антропологические материалы были переданы в Кабинет антропологии Томского государственного университета, где в настоящее время из раскопок С.И. Руденко находятся 18 черепов хорошей сохранности (фонды кабинета антропологии ТГУ, кол. №285–287, 289–300, 318, 481, 487). С 2001 г. археологические коллекции С.И. Руденко готовятся автором статьи к изданию.

Наибольший интерес из этих коллекций представляют материалы из раскопок. Всем исследованным курганам С.И. Руденко присвоил порядковые номера римскими цифрами с I по XV, несмотря на то, что они относились к разным могильникам и располагались на значительном расстоянии друг от друга. Погребения в курганах обозначены арабскими цифрами. В настоящее время во всем материале раскопок можно выделить 36 предметных комплексов. Помимо 30 погребений в 15 курганах выявились: фрагмент керамики под большим камнем кургана II; фрагмент керамики в верхнем слое кургана VI; ряд предметов без указания номера погребения в кургане IX; комплекс из насыпи кургана XIV. Еще один условный комплекс составляют предметы, про которые известно, что они происходят из могильника Бузуново (с I по VI курганы, по нумерации С.И. Руденко), но точнее определить их истинное местонахождение трудно. По причине перерегистрации и неудовлетворительных условий хранения в музее на данный момент у некоторых вещей невозможно установить принадлежность к тому или иному комплексу. Эти предметы тоже выделяются в отдельный условный комплекс.

По итогам экспедиции был подготовлен устный доклад (к сожалению, по имеющимся источникам автор доклада не установлен), зачитанный на одном из совместных заседаний Института исследования Сибири с Обществом археологии, истории и этнографии при Томском университете (Хроника..., 1923, с. 143). Позже, в 1929 г., С.И. Руденко частично опубликовал материалы своих раскопок в зарубежном журнале *L'Anthropologie* на французском языке (Roudenko S.I., 1929). Результаты определений черепов из курганов опубликованы Г.Ф. Дебецом, позже В.А. Дремовым и А.Р. Кимом (Дебец Г.Ф., 1948, с. 340–345; Краниологические..., 1979, с. 34–35).

Археологические исследования Минусинской котловины С.А. Теплоухов и С.И. Руденко начали летом 1920 г. одновременно. Однако для первого это стало делом жизни, а второй уже в следующем году отказался от продолжения исследований, хотя еще пребывал в Томске и явно имел такую возможность. Скорее всего, С.И. Руденко, как более опытный археолог, со сформировавшейся областью научных интересов, намеренно предоставил карт-бланш С.А. Теплоухову на исследование этого в археологическом отношении богатейшего района. Если обратиться к некоторым документам из Государственного архива Томской области, то выясняется, что и С.А. Теплоухов не хотел ограничивать свои археологические изыскания только Минусинской котловиной. Он намеревался исследовать памятники Западного Алтая и Саян, сопоставить и сравнить материалы этих территорий с енисейскими. В упомянутом архиве сохранилось заявление С.А. Теплоухова физико-математическому факультету от 16 февраля 1921 г. с просьбой организации экспедиции на Алтай (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89. Л. 108). Но в поездке исследователю было отказано. Возможно, это было одним из обстоятельств, по которым С.А. Теплоухов и в 1921 г., и в последующие годы продолжил исследование Минусинской котловины.

Итоговые публикации С.А. Теплоухова и С.И. Руденко по исследованиям на Енисее вышли одновременно, в 1929 г. Разница была в том, что статья С.А. Теплоухова опубликована в отечественном издании, на русском языке и стала точкой отсчета научного осмысления археологических памятников Сибири. Статья С.И. Руденко – за рубежом, на французском языке и соответственно осталась практически неизвестной научным кругам страны. Конечно, нельзя напрямую сравнивать столь различные по объему анализируемого материала и хронологическому охвату работы. В основе публикации С.А. Теплоухова – результаты многолетних раскопок (с 1920 по 1928 г.) и археологический материал от энеолита до развитого средневековья (Теплоухов С.А., 1929). Задача работы С.И. Руденко – публикация материала одного года раскопок и характеристика погребального обряда только одного периода тагарской культуры (Roudenko S.I., 1929).

У С.И. Руденко была своя точка зрения на датировку «минусинской курганной культуры», упомянутая в статье 1929 г., видимо, мало кому известная, и не встреченная мною ни в одной историографической работе по тагарской культуре. «Минусинскую курганную культуру» С.И. Руденко относит к концу эпохи

бронзы. В основу периодизации он кладет те же признаки, что и С.А. Теплоухов: детали форм надгробных сооружений и могильный инвентарь. Но, в отличие от С.А. Теплоухова, он выделяет не четыре, а три периода развития культуры. Оба исследователя не уделили внимания точной датировке. Как и С.А. Теплоухов, С.И. Руденко не указывал конкретных дат выделенных им периодов, называя только рамки расцвета «минусинской курганной культуры» IX–IV вв. до н.э., этим же временем он датировал свои курганы (Roudenko S.I., 1929, s. 401–402). С классификацией С.А. Теплоухова С.И. Руденко был хорошо знаком, ссылаясь на нее и, в частности, использовал название культуры, данное в классификации.

Таким образом, исследования обоих ученых явились своего рода точкой отсчета для научного, основанного на систематизированном материале изучения тагарской культуры.

В последующие за томским периодом годы археологические исследования С.И. Руденко сосредоточились на Алтае. Только в 1960-х гг. ученый возвращается к исследованию тагарской культуры в связи с появлением возможности радиоуглеродного датирования в Лаборатории археологической технологии, организованной С.И. Руденко при Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (Руденко С.И., 1968). Видимо, им было запланировано написание обобщающей монографии по тагарской культуре на основе накопленных им материалов, так как в ПФА РАН хранятся неизданные статьи и материалы к монографии (Сергей Иванович Руденко..., 1986, с. 16; Шмидт О.Г., 2004, с. 56).

Библиографический список

Roudenko S.I. Les sepultures de l'epoque des kourganes de Minoussinsk // L'Anthropologie. 1929. Т. 39. S. 401–430.

Дебеч Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. 392 с.

Краниологические коллекции кабинета антропологии Томского университета. Томск, 1979. 118 с.

Мартынов А.И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. VI. С. 4–89.

Руденко С.И. Культуры бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1968. Вып. 5: Этнография. Л., 1968. С. 39–45.

Сергей Иванович Руденко. К 100-летию со дня рождения: Библиографический указатель. Уфа, 1986.

Теплоухов С.А. Древнеметаллические культуры Минусинского края // Природа. 1929. №6. С. 539–552.

Хроника // Сибирская живая старина: Этнографический сборник. Иркутск, 1923.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 298 с.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 206–224.

Шмидт О.Г. Томский период в жизни Сергея Ивановича Руденко // Традиционные культуры и общества Северной Евразии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV РАЭСЖ. Кемерово, 2004. С. 55–56.

С.В. Морозов

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С.И. РУДЕНКО В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Имя С.И. Руденко более всего связывается с изучением древностей Алтая. Вместе с тем в 1920 г. по заданию Томского университета, где он с 1919 г. занимал должность профессора кафедры географии и антропологии (Решетов А.М., 2003), С.И. Руденко исследовал тагарские памятники в четырех пунктах в Минусинском крае. Следует отметить, что во время Первой мировой и гражданской войн археологические исследования в Минусинском крае не велись. 1920 г. можно считать началом нового этапа изучения древних памятников Сибири, когда создаются научные экспедиции различных академических и музейных учреждений под руководством профессиональных археологов. И одной из первых в этом ряду (наравне с экспедицией Г.П. Сосновского) организована Минусинская экспедиция Томского университета. Руководство енисейским отрядом С.И. Руденко поручил С.А. Теплоухову (Вадецкая Э.Б., 1973, с. 137). Именно в этой экспедиции Сергей Александрович начал свои исследования, завершившиеся созданием первой научно обоснованной периодизации культур Минусинской котловины (Теплоухов С.А., 1927, 1929).

Всего С.И. Руденко раскопал 15 курганов: шесть около деревни Базунова на правом берегу Енисея, два у деревни Ассоцаков

в междуречье Абакана и Енисея, один около деревни Аешина и шесть около деревни Копьево в долине Чулыма. Материалы из этих раскопок поступили в музей Томского государственного университета, а дневники раскопок хранятся в архиве Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге (Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55, 56).

В 1929 г. в журнале *L'Anthropologie* вышла статья С.И. Руденко (на французском языке), посвященная результатам этих работ (Roudenko S., 1929). Большое внимание в статье уделено погребальному обряду и хозяйственному типу тагарского населения. Отмечая бедность погребального инвентаря и фрагментарность останков захороненных, С.И. Руденко приходит к выводу, что погребальный обряд делился, по крайней мере, на два этапа. Сначала тело умершего было где-то выставлено, а затем по прошествии какого-то времени производилось окончательное захоронение. Вместе с тем, также исследуя памятники тагарской культуры, С.В. Киселев (1929, с. 84) отметил крайнюю изобретательность древних грабителей курганов, которые, возможно, являлись и непосредственными участниками похорон.

Данные о находках и погребальных сооружениях в статье сведены С.И. Руденко в три таблицы. Но, к сожалению, текстовое описание и рисунки материалов из раскопок даны в обобщенном виде (возможно, формат издания не позволял этого сделать).

Все раскопанные курганы С.И. Руденко датировал IX–IV вв. до н.э. Вместе с тем среди них можно выделить ранние и поздние группы погребений. В могильнике у деревни Базунова С.И. Руденко исследовал шесть курганов. Эти курганы двух видов: первый – практически квадратные оградки с установленными по углам четырьмя высокими камнями. Внутри ограды устроены по две могилы с индивидуальными захоронениями. Раскопано три таких ограды (курганы №1–3). Ограды второго типа прямоугольные, вытянутые по линии восток–запад. В них, помимо угловых камней, установлены еще дополнительно высокие простеночные камни. В кургане №5 установлено два таких камня, а в курганах №4 и 6 – четыре, т.е. посередине каждой стенки ограды. Подобные курганы в литературе называют еще шести- или восьмикаменными. В пределах этих оград было устроено по 4–5 могил с индивидуальными и парными захоронениями.

Еще С.А. Теплоуховым (1929, с. 45) при создании периодизации тагарской культуры было отмечено, что чем больше высо-

ких простеночных камней в оградах, тем они (ограды) более позднего времени.

Погребальный инвентарь из захоронений могильника у деревни Базунова типичен для тагарского времени. Это бронзовые ножи и шилья, два зеркала, полусферические бляшки, бронзовые бусы и пронизки, костяные гребни и подвески из клыков кабарги; практически в каждом погребении встречена глиняная посуда. Видимо, в силу ограбленности курганов в могилах отсутствуют предметы вооружения, характерные для погребений этого времени. Найдены только наконечники стрел и два втока от чеканов.

Бронзовые ножи встречены только в женских погребениях (хотя обычно бронзовые ножи в тагарскую эпоху встречаются и в женских и в мужских захоронениях, объяснить их отсутствие в последних можно только ограбленностью курганов). Они представляют собой пластины (отсюда встречающееся в литературе название «пластинчатые»), плавно сужающиеся к острию. Рукоять имеет параллельные грани, при этом спинка ножа плавно дугообразная. У ножа из кургана №3 мог. 1 (табл. 1.-1) верхняя часть рукояти оформлена в виде кольца, «утопленного» в саму рукоять, при этом толщина кольца больше толщины рукояти. Это достаточно ранний тип тагарских ножей. Подобные ножи встречены в кургане №8 (могила 2) могильника Гришкин Лог-I, в кургане №5 (могила 1) и кургане №7 (могила 1) могильника Барсучиха-V. Могильник Гришкин Лог-I авторы раскопок относили к черновскому этапу (промежуточному между баиновским и подгорновским), а могильник Барсучиха-V М.П. Завитухина определила как предшествующий по времени могильнику Подгорное Озеро-I – этапный памятник подгорновского этапа.

Остальные ножи из могильника Базунова представляют собой пластины без наверший с одним-двумя круглыми или каплевидными отверстиями в верхней части рукояти (табл. 1.-2, 3). Это самый распространенный тип бронзовых ножей в тагарской культуре, к концу подгорновского этапа они составляют уже 3/4 от всех найденных в погребениях ножей.

Как было сказано выше, предметов вооружения, за исключением наконечников стрел, в погребениях могильника Базунова не встречено. Пять бронзовых наконечников встречено в кургане №5 (могила 2) и девять – в кургане №6 (могила 2) (табл. 1.-9–17). Все они втульчатые, черешковых среди них нет. Подавляющее боль-

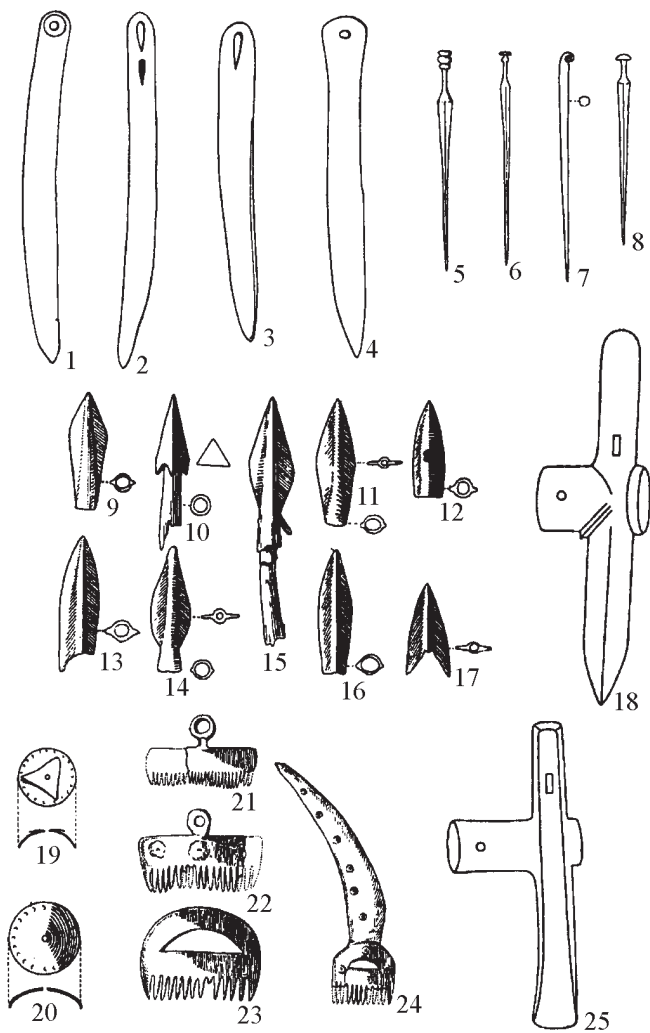

Таблица 1. Вещевой материал из погребений
(по: Roudenko S., 1929):

- 1 – Базунова, к. 3; 2, 11–14, 16, 21 – Базунова, к. 6;
 3, 6, 10, 15 – Аешина, к. 9; 4 – Копьева, к. 10;
 5, 7 – Ассоचाков, к. 7; 8, 19, 20 – Копьева, к. 13;
 9, 17, 22 – Базунова, к. 5; 18 – Копьева, к. 11;
 23 – Базунова, к. 4; 24 – Копьева, к. 14; 25 – Копьева, к. 15

шинство из них двулопастные (10 экз.). Шесть наконечников листовидной формы. Подобные листовидные наконечники широко представлены в скифских и савроматских колчаных наборах VIII–VII вв. до н.э. Встречаются они и в памятниках майэмирского этапа на Алтае. В тагарское время на территории Минусинской котловины это самый многочисленный тип (составляет около 50% всех найденных в погребениях наконечников); в большом количестве они найдены в могильнике Каменка-I (Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1963. Д. 143). Одним-двумя экземплярами представлены наконечники других типов: ромбические симметричные и асимметричные, аналогичные савроматским и скифским VII–VI вв. до н.э.; четырехгранные.

Следует отметить, что в погребениях тагарской культуры наконечников стрел встречено очень мало (чуть более 200), что на порядок меньше, чем скифских и савроматских, количество которых исчисляется тысячами. А сама традиция класть стрелы в погребения фиксируется в Минусинской котловине только на подгорновском этапе.

Особенности погребальных сооружений и состав погребального инвентаря позволяют констатировать, что курганы в могильнике Базунова, раскопанные С.И. Руденко, относятся к двум хронологическим периодам. Курганы №1–3 составляют раннюю группу. В пользу этого предположения говорят небольшие оградки с четырьмя угловыми камнями, в которых устроено по две индивидуальных могилы. Тип ножа с кольцом, четырехгранное шило без выделенной шейки, полусферические бляшки с «жемчужным» орнаментом по краю также указывают на раннюю дату этих курганов – начало подгорновского этапа.

Другие три кургана (№4–6) составляют более позднюю группу. На это указывают большие по площади ограды с простеночными камнями, устройство 4–5 могил в пределах одной ограды и погребальный инвентарь, представленный пластинчатыми ножами с двумя отверстиями в рукоятях, небольшое зеркальце диаметром 7 см, а также следы сожжения в кургане №4 (могила 1). Последняя традиция будет широко распространена на сарагашенском этапе.

Так же как и в могильнике у дер. Базуново, среди раскопанных курганов у дер. Копьево есть ранние и более поздние погребения. Один курган (№10) относится к сарагашенскому этапу. На это указывает ограда с восьмью угловыми и простеночными кам-

нями, одна погребальная камера с большим количеством погребенных и состав инвентаря, среди которого достаточно характерные для этого времени трапецевидные ножи, уменьшенный чекан и баночные неорнаментированные сосуды.

Остальные четыре курганы (№11–15) следует отнести к подгорновскому этапу. Для них характерны небольшие ограды с четырьмя угловыми камнями. В погребениях найдены кинжал с прямым перекрестьем и валиковым навершием, массивный чекан с круглым обушком и четырехгранным бойком (табл. 1.-18), полусферические бляшки с жемчужным орнаментом по краю (табл. 1.-19, 20). Особо следует отметить еще один массивный чекан из кургана 15 (табл. 1.-25), аналогии которому встречены в ранних погребениях могильников Гришкин Лог-I (кург. 16 мог. 5) и Новая Черная-I (кург. 19 мог. 2).

В данной статье лишь намечена возможная датировка памятников, исследованных С.И. Руденко. Более точно определить место этих курганов в системе хронологии тагарской культуры, надемся, позволит полная публикация материалов раскопок.

Библиографический список

Roudenko S. Les sepultures de l'époque des kourganes de Minoussinsk // L'Anthropologie. Paris, 1929. Т. XXXIX. S. 401–430.

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // ИЛАИ. Кемерово, 1973. Вып. 4. С. 90–156.

Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году // Ежегодник Государственного Музея им. Н.М. Мартянова. Минусинск, 1929. С. 1–162.

Решетов А.М. Интеграция наук в научной деятельности и трудах С.А. Теплоухова // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 17–21.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. Л., 1927. Т. 3. Вып. 2. С. 57–112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. Л., 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 41–62.

И.Ю. Понкратова

Северный международный университет, Магадан

**ИССЛЕДОВАНИЯ С.И. РУДЕНКО
НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ
В 40-е гг. XX в.**

Проблема освоения северных территорий Дальнего Востока России, вопрос о переселении человека из Азии в Америку, о последующих этнических взаимоотношениях между Азией и Америкой до настоящего времени занимает внимание ученых обоих континентов. Одним из первых в России, кто в 40-е гг. XX в. начал исследования эскимосов на территории азиатского континента, был ученый-исследователь, тогда старший научный сотрудник Института истории материальной культуры, профессор Ленинградского университета Сергей Иванович Руденко.

Летом 1945 г. С.И. Руденко по поручению Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук СССР совместно с Арктическим институтом Главсевморпути было исследовано побережье Чукотского полуострова от поселка Уэлен на севере до поселка Сиреники на юге. Археологические разведки были проведены в поселках Уэлен, Наукан, Дежнево, Яндогай, на острове Аракамчечен, у мыса Чаплино, в поселке Кивак, у мыса Чукотского, у поселка Авань, в бухте Пlover и в поселке Сиреники. Это была первая *специальная* археологическая экспедиция на Чукотский полуостров.

Из бухты Провидения С.И. Руденко вместе с И.П. Лавровым, который проводил разведку у поселков Нунлингран и Энмылен, отправились вдоль побережья Берингова моря на зафрахтованном вельботе. Поездка С.И. Руденко была организована при содействии М.Г. Аристова, который жил среди эскимосов около 20 лет и пользовался всеобщим уважением. Команда вельбота состояла из эскимосов поселка Сиреники. Во время путешествия Сергей Иванович был смущен отсутствием у команды вельбота дорожного продовольствия. Но М.Г. Аристов объяснил, что везде, в каком бы поселке они ни остановились, вся команда вельбота и экспедиция будут обеспечены всем необходимым, а вне поселков С.И. Руденко и его товарищам придется делиться своими продуктами, «чтобы не получить самую дурную славу в одиночку едящих». Путь был пройден, по словам С. И. Руденко, очень хорошо.

В поселках команда не заботилась о еде, а в пути все питались запасами экспедиции (Руденко С.И., 1947, с. 104).

Самым северным пунктом, где высадилась экспедиция С.И. Руденко, был поселок Уэлен. Здесь среди построек современного поселка на прибрежной косе Сергей Иванович обнаружил древнее поселение. В трех местах был вскрыт культурный слой общей площадью 10 кв. м, собран многочисленный материал – наконечники поворотных гарпунов, колок для насада наконечника гарпуна, ледовые пешни, затычки для поплавков, наконечники стрел, метательные дротики, снеговые очки, кирки, мотыги, шилья, ножи, рукоятки ножей, скребки для снятия жира с кишок, костяные ручки, пуговицы, подвески, скульптурные фигурки и др.

Там же, в Уэлене, С.И. Руденко исследовал еще одно древнее поселение – нынглу (эскимосское название древних полуземлянок), где была проведена зачистка обнажения и выбрано от 4 до 5 куб. м земли, найдено около 160 предметов. Это – наконечники гарпунов, лук, стрелы, фрагмент остроги, грузило, ножи из моржового клыка, ручки ножей, панцирные пластины, спиночесалка, фигурка человека. В большом количестве обнаружены деревянные стержни для добывания огня. Много было собрано и фрагментов керамической посуды, в том числе и жирников. Датировал это поселение С.И. Руденко (1947, с. 15–27) XVII – началом XVIII в. В 1954 г. недалеко от поселений, обнаруженных С.И. Руденко, А.Т. Симбирским случайно был найден могильник, и начиная с 1956 г. М.Г. Левиным и Н.Н. Диковым в Уэлене проводились уже широкомасштабные раскопки (Левин М.Г., 1958; Диков Н.Н., 1977, с. 34).

Следующим пунктом разведки С.И. Руденко был мыс Дежнева, где располагались эскимосский поселок Наукан и к западу от него чукотский поселок Дежнево. В поселке Дежнево пребывание Сергея Ивановича было кратковременным, и возможности произвести обследование побережья, установить место древнего поселения у него не было. Но здесь у местных жителей он приобрел несколько предметов. Учитывая, что с этого района в 1910 г. Д.Е. Беттаком и Н.П. Борисовым были переданы в Этнографический отдел Русского музея небольшие, но очень интересные коллекции, С.И. Руденко описал орудийный комплекс древнего поселения у поселка Дежнево. Помимо наконечников гарпунов, особый интерес в этой коллекции представляют каменные шлифо-

ванные черешковые наконечники копий, сланцевые ножи, лопаточка из моржового клыка для нанесения орнамента на керамические изделия, «крылатый предмет» и скульптурная фигурка медведя (Руденко С.И., 1947, с. 26–30).

В центре поселка Наукан С.И. Руденко зачистил культурный слой мощностью около 1 м и обнаружил кости морских млекопитающих, а также наконечники гарпунов двух типов, наконечники стрел, стрелы, защитный наручник, грузила, кирки-мотыги, каменные тесла, мужские и женские ножи, костяные ручки для бубнов, деревянную посуду (ковш, блюдо) и другие предметы. Датировал слой С.И. Руденко (1947, с. 30–33) пунукским этапом эскимосской культуры. В 1957 г. в Наукане побывал антрополог, профессор М. Г. Левин, который собрал значительную коллекцию, хранящуюся в настоящее время в Музее археологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

Пребывание С.И. Руденко в чукотском поселке Яндогай по условиям транспорта было недолгим. Но тем не менее он отметил, что у берегового обрыва поселка имеется довольно много разновременных полуземлянок и мясных ям с мощным – до 4 м – культурным слоем. В двух местах была проведена расчистка обнажения и обнаружены наконечник гарпуна, колки для насада наконечников гарпуна, ледовая пешня, наконечники стрел, грузило, кирка-мотыга, лучок для сверления. В Яндогае у местных жителей С.И. Руденко приобрел гребень из моржового клыка, использовавшийся для расчесывания травы и, возможно, для выделки шкур. Культурный слой Яндогайского поселения С. И. Руденко отнес к пунукской стадии развития эскимосской культуры (1947, с. 33). Позже Н.Н. Диков посетил эскимосское поселение в Яндогае, снял его топографический план, обнаружил в культурном слое предметы, относящиеся к древнеберингоморскому периоду. Там же на вершине сопки к северу от поселения Николаем Николаевичем был найден и исследован могильник Яндогайский (Диков Н.Н., 1977, с. 159).

Следующим пунктом разведки С.И. Руденко стал остров Аракамчечен. Известно, что на острове Аракамчечен запасы экспедиции истощились. Но экспедицию выручила команда вельбота – эскимосы настреляли бакланов (вообще Сергей Иванович отмечал широкое гостеприимство эскимосов для всех приезжающих, которое строго соблюдалось (Руденко С.И., 1947, с. 104)). На острове были обнаружены остатки полуземлянок и мясные ямы.

У одной из ям и в отвале у входа в землянку было вскрыто около 3 куб. м земли до 0,5 м глубиной, зачищен участок обрыва берега и обнаружен культурный слой мощностью до 1 м. Найдены наконечники гарпунов, наверхия острог, грузило, мотыга, обломки ножей, ручка от бубна и др. Там же, на острове Аракамчечен, были найдены остатки еще одного достаточно позднего поселения с жилищами квадратной формы и мясными ямами (Руденко С.И., 1947, с. 34–35).

На мысе Чаплина С.И. Руденко обнаружил два древних эскимосских поселения с жилищами и ямами для хранения мяса. На одном из них (на южном берегу мыса) был зачищен культурный слой и обнаружены орудия охоты и рыболовства, снаряд для добывания морской капусты, кирки-мотыги, шилья-проколки и др. В большом количестве найдены остатки и изделия из китового уса – сачок для подводного лова наваги, сосуды с деревянными доньями и крышками, а также фрагменты глиняной посуды, жирники, роговые ложки. В одном из жилищ была сделана зачистка и в неглубоком (до 0,4 м толщиной) культурном слое обнаружены останки двух человек – мужчины и женщины, а также сопровождающий их инвентарь. По данным исследования поселений на мысе Чаплино С.И. Руденко (1947, с. 35–39) был сделан вывод о заселении здесь эскимосов в середине 3-й четверти XIX в.

В эскимосском поселке Кивак небольшая разведка была проведена в двух местах – в береговом обнажении и у входа в одно из двух жилищ с культурным слоем мощностью около 2 м. Несмотря на небольшие размеры раскопок, была собрана значительная коллекция находок, позволившая сделать представление о культуре древних обитателей. Тип жилищ, комплекс вещей, особенно наконечники стрел, ледовая пешня, керамика, «крылатый предмет» позволили С.И. Руденко (1947, с. 39–41) датировать жилища в поселке Кивак древнеберингоморским этапом эскимосской культуры.

На мысе Чукотском С.И. Руденко обнаружил поселение, состоящее из девяти небольших полуземлянок, соединенных с центральным жилищем коридорными ходами. В двух местах были заложены шурфы площадью 1 кв.м на глубину 1 и 0,6 м. Обнаружены каменные тесла, клин из моржового клыка, фрагменты посуды. Датировано поселение на мысе Чукотском было также древнеберингоморским этапом эскимосской культуры (Руденко С.И., 1947, с. 41).

На том же мысу у озера Гидрографического С.И. Руденко обнаружил обнажения культурного слоя пунукской стадии мощностью 1–1,5 м. Там были найдены наконечник китового гарпуна, изделия из китового уса (наиболее интересными представляются рыбка, коробочка, костяная закрутка в специальном футляре, использовавшаяся при изготовлении луков) (Руденко С.И., 1947, с. 41–42).

Между мысом Чукотским и бухтой Провидения возле озера Истихетское, рядом с заброшенным поселком эскимосов Авань было исследовано древнее эскимосское поселение пунукского времени. Проведена зачистка культурного слоя при входе в одно из жилищ, найдены фрагменты керамических сосудов, шлифованные сланцевые женские ножи, наконечник гарпуна и др. (Руденко С.И., 1947, с. 43–44).

В бухте Пlover на косе было найдено поселение, где заложены два шурфа глубиной 0,5–0,6 м (ниже оказались грунтовые воды), показавшие разновременность заселения. Здесь были обнаружены каменные наконечники стрел, кремневый и обсидиановый скребки, мужские и женские ножи (Руденко С.И., 1947, с. 43).

Самые большие раскопки на Чукотском полуострове С.И. Руденко проводились возле современного эскимосского поселка Сиреники, где были обнаружены три разновременных поселения. Разведка проводилась И.П. Лавровым, а раскопки – С.И. Руденко. На одном поселении было вскрыто около 25 кв. м, на втором – около 4 кв. м. Первое поселение состояло из жилищ большого – до 200 кв. м – размера с узким и длинным (14 м) коридором. В значительном количестве были обнаружены предметы, относящиеся к пунукскому времени – орудия промысла, охоты, рыболовства, посуда, предметы искусства, культового назначения и пр. Раскопки в Сирениках позволили С.И. Руденко сделать вывод о том, что эскимосы заселяли это место начиная с древнеберингоморской стадии и до современности. Сергей Иванович отмечал о необходимости и многообещающих результатах исследования местонахождений у поселка Сиреники (Руденко С.И., 1947, с. 43–55).

В 1956 г. древние стоянки в Сирениках посещались Н.Н. Диковым. На месте больших древнеэскимосских землянок местные жители построили ледники и найденные при этом вещи – каменные и костяные орудия древнеберингоморского и пунукского облика – были переданы Н.Н. Дикову (1977, с. 158–159).

Исследования на Чукотском полуострове позволили С.И. Руденко подтвердить предположение, основанное на случайных находках, что север Берингова моря, с Беринговым проливом и островами, а также западное и восточное побережья Чукотского моря издревле представляли собой единую культурную область – центр длительного развития и процветания культуры морских зверобоев, распространившейся затем на громадных просторах арктического побережья. Несмотря на рекогносцировочный характер изысканий, С.И. Руденко удалось обнаружить там наличие всех стадий развития культур эскимосской культуры, установленных исследованиями американских и датских ученых на островах севера Берингова моря, а также на арктическом побережье Аляски. Обнаруженный им материал позволил осветить ряд спорных вопросов по истории заселения Америки и о происхождении культуры эскимосов (Руденко С.И., 1947, с.107–113).

Результаты экспедиции 1945 г. и материалы из коллекций Н.П. Борисова, Д.Е. Беттака, И.П. Лаврова были обобщены С.И. Руденко в монографии «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема», которая вышла в 1947 г. в издательстве Главсевморпути. В книге, изданной практически сразу после экспедиции, С.И. Руденко выделил уже не только древнеберингоморскую и пунукскую хронологические группы азиатских древнеэскимосских находок, но и более древнюю, узелено-оквикскую. Впоследствии Н.Н. Диков (1979, с. 175) переименовал ее в оквикскую.

Благодаря исследованию С.И. Руденко и последующим открытиям А.П. Окладникова на Колыме (экспедиция А.П. Окладникова в 1946 г. прошла р. Колыму до ее устья и там детально исследовала древнеэскимосские жилища бирнирской стадии (Окладников А.П., Береговая Н.А., 1971)) проблемы эскимосской культуры стало возможно решать более полно, чем прежде на отечественных материалах. И если раньше в вопросе происхождения эскимосов преобладали теории их американского происхождения, то теперь большим признанием стала пользоваться гипотеза их азиатского происхождения (Диков Н.Н., 1977, с. 24). Именно С.И. Руденко (1947, с.112) одним из первых высказал идею, что «на арктическом побережье Азии культура морских зверобоев продвигалась с востока на запад, а не в обратном направлении».

На Камчатке в послевоенные годы еще не проводились новые полевые археологические исследования. Но известно, что сначала С.И. Руденко (1948), а затем В.В. Антропова (1949)

выступили со статьями, обобщающими археологические данные по этому полуострову. С.И. Руденко в сжатом виде предложил обстоятельную типологию основных категорий каменных и костяных орудий, а также керамики. Его вывод по археологии Камчатки был тогда весьма пессимистичен. Он признал, что на Камчатке в то время известны только сравнительно поздние памятники. С.И. Руденко выделил три группы археологических памятников, которые связывал с коряками (северную), ительменами (центральную) и айнами (южную) (Руденко С.И., 1948; Диков Н.Н., 1977, с. 24). Впоследствии на Камчатке были открыты десятки памятников от палеолита до палеометалла (Диков Н.Н., 1977, 1979; Дикова Т.М., 1983; Пономаренко А.К., 2000; и др.).

В целом результаты работы С.И. Руденко по изучению древней истории Чукотского полуострова и Камчатки значительны. Собранный и хранящийся в Музее археологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург) материал насчитывает сотни экземпляров, каждый из которых, учитывая достижения современной науки, сегодня может стать предметом отдельного исследования. Признанием заслуг Сергея Ивановича является постоянное обращение к его работам как ценнейшему источнику по истории населения Севера Дальнего Востока России.

Библиографический список

Антропова В.В. К истории археологического изучения Камчатки // Сборник МАЭ. Л., 1949. Т. XI.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979.

Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000.

Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947.

Руденко С.И. Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. 1948. №1.

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

**ВКЛАД С.И.РУДЕНКО
И ЛЕНИНГРАДСКИХ АРХЕОЛОГОВ
В ИЗУЧЕНИЕ БОЛЬШИХ КУРГАНОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ***

Среди наиболее известных исследователей больших курганов Алтая С.И. Руденко (1885–1969) заслуженно занимает свое особое место. Хорошо известно, что при отсутствии письменных источников, археологические объекты являются основой для последующих культурологических, исторических и социально-экономических реконструкций. Многогранной информативностью обладают и элитные памятники древних кочевников Евразии, а среди них всемирно известные большие курганы Центральной Азии I тыс. до н.э.

Раскопки хуннского могильника Ноин-Ула в Северной Монголии, проведенные в 1924–1925 гг. экспедицией известного санкт-петербургского (ленинградского) путешественника П.К. Козлова, при непосредственном участии С.А. Кондратьева, а также археологов С.А. Теплоухова и Г.И. Боровки, отразились на изучении больших курганов Алтая и до сих пор являются одними из самых крупных исследований в Монголии. В монографии С.И. Руденко (1962) наиболее полно опубликованы результаты этих обширных работ.

С 1924 по 1929 г. в горах и предгорьях Алтая полевыми изысканиями занималась Алтайская экспедиция Этнографического отдела Русского музея под руководством С.И. Руденко. В 1924 г. была обнаружена группа больших каменных курганов в урочище Пазырык. Закладка разведочных шурфов подтвердила наличие «линзы» мерзлоты под большими каменными сооружениями.

В 1927 г. отряд М.П. Грязнова (начальник экспедиции С.И. Руденко) раскопал большой каменный курган в урочище Шибе, в Центральном Алтае, в долине р. Урсул. В первой информации об исследовании этого кургана М.П. Грязнов предположил, что «время сооружения кургана по целому ряду соображений должно быть близким к началу нашей эры. Основанием к такому оп-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №03-01-0468а.

ределению служат многочисленные параллели с Ноин-Улинскими курганами в Монголии и с рядовыми алтайскими курганами, исследованными экспедицией в 1925 г.» (Грязнов М.П., 1928, 1992). В 1960–1990-е гг. дата сооружения этого кургана была отнесена к IV в. до н.э. (Руденко С.И., 1960; Баркова Л.Л., 1978–1980; Марсадоллов Л.С., 1985, 1996, 2000).

Летом 1929 г., по предложению начальника экспедиции С.И. Руденко и при его временном участии, отряд М.П. Грязнова раскопал первый большой каменный курган в урочище Пазырык. В раскопках принимали участие М.Н. Комарова, В.С. Адрианов, А.З. Доскач, К.И. Ульрих и др. В послевоенное время научные исследования и раскопки на этом памятнике возобновились в более обширных, чем ранее, масштабах. В 1947–1949 гг. С.И. Руденко продолжил и завершил изучение остальных четырех больших курганов в Пазырыке. В 1947 г. был раскопан 2-й курган, в 1948 г. – 3-й и 4-й, а в 1949 г. – 5-й и три малых (№6, 7 и 8). В разные годы в работе Горно-Алтайской археологической экспедиции ИИМК и Эрмитажа (с 1948 г.) участвовали В.О. Витт, А.А. Гаврилова, Л.Н. Гумилев, Н.В. Исаченко, С.Н. Погодин, Н.М. Руденко, В.М. Сунцова и др.

В 1950 г. эта же экспедиция С.И. Руденко на могильном поле Башадар (Центральный Алтай, близ поселка Кулада) исследовала в разных «цепочках» два кургана, а в 1954 г. раскопала у с. Туэкта еще два кургана – большой (№1) и средний (№2). Было обнаружено много нового материала, более раннего, чем в Пазырыке. Археологические находки из курганов в Пазырыке, Башадаре, Туэкте исчислялись не десятками, не сотнями, а тысячами предметов, большинство из которых сохранились в первоизданном виде (Грязнов М.П., 1950; Руденко С.И., 1953, 1960). Обширный и уникальный материал всесторонне освещал материальную и духовную культуру древних племен Алтая. Эти находки послужили основой не только для различных археологических построений, но и для детальнейшего изучения палеозоологами, антропологами, искусствоведами, этнографами, дендрохронологами, радиоуглеродчиками, музыкантами, геологами и другими специалистами.

По предложению С.И. Руденко в 1950-е гг. были доисследованы большие курганы, ранее раскопанные В.В. Радловым в 1865 г. Катандинский отряд, возглавляемый А.А. Гавриловой, в 1954 г. закончил доисследование большого Катандинского кур-

гана. Отсутствие захоронения коней выделяло этот курган из общей группы больших алтайских курганов и послужило поводом для сопоставления с хуннскими погребениями в Северной Монголии (Ноин-Уле). Раскопками между северными стенками погребальной камеры и могильной ямы обнаружены скелеты 22 коней (Гаврилова А.А., 1957). В 1959 г. Южно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством С.С. Сорокина доисследовала Большой Берельский курган (Сорокин С.С., 1969; Марсадолов Л.С., 1988).

Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР, руководимая С.С. Черниковым, в 1960 г. раскопала большой 5-й Чиликтинский курган, названный «Золотым». После проработки аналогий наконечникам стрел и предметам с изображениями этот курган был датирован рубежом VII–VI вв. до н.э. (Черников С.С., 1965, с. 65). В дальнейшем дата этого памятника была удревнена (Марсадолов Л.С., 1985, 1996; Исмагилов Р.Б., 1988; и др.).

В 1968 г. Саяно-Тувинская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством А.Д. Грача раскопала большой культовый комплекс Улуг-Хорум в южной части Тувы, около границы с Монголией (Грач А.Д., 1980; Марсадолов Л.С., 2001).

В 1971–1974 гг. в Туве, в долине р. Уюк, М.П. Грязнов и М.Х. Маннай-оол исследовали огромный «царский» курган Аржан, давший новый многообразный материал, более ранний, чем из других больших курганов, что послужило основой для последующих многочисленных передатировок памятников Евразии (Грязнов М.П., 1980, 1983; Бидзиля В.И., Яковенко Э.В., 1973; Тереножкин А.И., 1976; Шер Я.А., 1980; Марсадолов Л.С., 1985, 2000; Боковенко Н.А., 1986; Исмагилов Р.Б., 1988; Савинов Д.Г., 1994; Членова Н.Л., 1997; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; и др.).

Обобщив сведения о 20 элитных курганах Центральной Азии, можно отметить следующие тенденции (см. табл.):

1. Пространственно-временная – исследование больших курганов было начато в Монголии в середине 1920-х гг., продолжено в более северных районах Алтая (1920–1950 гг.), затем велось в Казахстане (на юго-западе) и завершилось на северо-востоке, в центре Азии, в Туве (1960–1970 гг.).

2. Временная – если в 1920-е гг. раскапывались поздние объекты (I в. до н.э. – I в. н.э., Ноин-Ула), затем большие курга-

Исследованные ленинградскими археологами в XX в. большие курганы Центральной Азии

№ п/п	Курганы	Автор и год раскопок	Дата кургана	Глубина могильной ямы	Диаметр насыпи
1-8	Ноин-Ула, 8 курганов (Монголия)	Козлов П.К., Кондратьев С.А., Боровка Г.И., Теплоухов С.А., 1924-1925	I в. до н.э. – I в. н.э.	7-13 м	от 18 до 35 м
9	Шибе (Алтай)	Грязнов М.П., 1927	IV в. до н.э.	6,7 м	45 м
10	Пазырык-1 (Алтай)	Грязнов М.П., Руденко С.И., 1929	середина V в. до н.э.	4 м	47 м
11-14	Пазырык №2-5 (Алтай)	Руденко С.И., 1947-1949	2-я пол. V в. до н.э.	от 4 до 5,2 м	36-42 м
15-16	Башадар №1 и 2 (Алтай)	Руденко С.И., 1950	1-я пол. VI в. до н.э.	4,2 и 6,1 м	40 и 58 м
17-18	Туэкта №1 и 2 (Алтай)	Руденко С.И., 1954	1-я пол. VI в. до н.э.	4,5-7,1 м	32 и 68 м
19	Чиликта-5 (Казахстан)	Черников С.С., 1960	конец VIII-начало VII вв. до н.э.	ок. 1 м	66 м
20	Улуг-Хорум (Тува)	Грач А.Д., 1968	VIII в. до н.э.	на уровне горизонта	66 м
21	Аржан (Тува)	Маннай-оол М.Х., Грязнов М.П., 1971-1974	конец IX в. до н.э.	на уровне горизонта	110 м

ны IV–V вв. до н.э. (Шибе, Пазырык), то в 1950-е гг. – предшествующие им объекты VI в. до н.э. (Башадар, Туэкта), в 1960–1970-е гг. – наиболее ранние археологические памятники – конец IX–VII вв. (Чиликта, Улуг-Хорум, Аржан – см. Марсадолов Л.С., 1996, 2000).

3. Метрическая – если раскопанные в Монголии в 1920-е гг. курганы имели размеры насыпей от 18 до 35 м, а изученные в 1920–1950-е гг. на Алтае объекты – до 68 м, то исследованный в 1970-е гг. курган Аржан был одним из самых больших в Центральной Азии – до 110 м в диаметре.

Изученные в 1920-е гг. курганы имели самые глубокие могильные ямы (до 13 м, Ноин-Ула), алтайские объекты – от 4 до 7 м, а в курганах, раскопанных в 1960–1970-е гг., погребения в древности были совершены в неглубоких ямах (до 1 м, Чиликта) или на уровне древней дневной поверхности (Улуг-Хорум, Аржан). Это предположение в чем-то весьма близко к высказанной ранее гипотезе Г.Н. Курочкина (1980) о развитии погребальной обрядности в VIII–IV вв. до н.э. – от захоронений на уровне горизонта (Аржан) к поздним скифским курганам с глубокими ямами (от 6–7 до 11–12 м; Александрополь, Чертомлык).

Из 12 изученных археологами в XX в. больших курганов Алтая восемь (Пазырык-2–5, Башадар-1–2, Туэкта-1–2) раскопаны под руководством С.И. Руденко и еще четыре кургана – по его инициативе или частично при его временном участии (Пазырык-1, Шибе, Катанда, Берель).

Достижения С.И. Руденко не могут быть повторены в наше время как по общему объему полевых работ, так и по количеству найденного материала. Хотя С.И. Руденко и пострадал от советской власти в 1930-е гг., но эта же власть выделила немалые средства для его полевых изысканий, камеральной обработки и публикаций их результатов, а также, учитывая его несомненные большие заслуги перед страной и наукой, присвоила ему воинское звание генерала, ученую степень доктора технических наук, наградила престижными правительственными и научными орденами, медалями, званиями.

В начале 1990-х гг. в России завершился период социализма, быстро развалилась могущественная советская «империя», ушли в прошлое гигантские стройки, экспедиции и передовые открытия во многих областях науки и культуры, изменились формы полевых исследований, их финансирование, подходы к материалу и т.п.

Общий объем работ, произведенных на памятниках Центральной Азии ленинградскими археологами в XX в., остается уникальным и пока непревзойденным. В целом следует отметить, что раскопки каждого большого кургана были настоящим «прорывом» ученых в прошлое.

Библиографический список

Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 37–44.

Баркова Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 55–65.

Баркова Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 48–58.

Бидзиля В.И., Яковенко Э.В. Киммерийские погребения Высокой могилы // СА. 1974. №3. С. 148–159.

Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 24 с.

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника. (Работы Катандинского отряда Горно-Алтайской экспедиции 1954 г.) // СА. 1957. №XXVII. С. 250–268.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

Грязнов М.П. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. №2–4. С. 217–219.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 90 с.

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 63 с.

Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 3–18.

Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 29–47.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Курочкин Г.Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII–VII вв. до н.э. и курган Аржан (к проблеме происхождения скифов) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Мат. I Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1980. С. 105–117.

Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.

Марсадолов Л.С. О дате Большого Берельского кургана // СГЭ. 1988. Вып. 53. С. 24–26.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Марсадолов Л.С. Новые исследования на Улуг-Хоруме в Туве (предварительное сообщение) // Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. СПб., 2001. С. 155–158.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 403 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. 206 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 209 с.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды ГЭ. 1969. Т. X. С. 208–236. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 223 с.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965. 189 с.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997. 98 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.

О.Г. Шмидт

Алтайский государственный университет, Барнаул

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА РУДЕНКО

Одним из главных направлений в научной деятельности Сергея Ивановича Руденко были исследования в области археологии. Стоит отметить, что еще во время обучения на естественном отде-

лении физико-математического Императорского Санкт-Петербургского университета 1904–1910 гг. молодой студент Сергей Руденко получал глубокие знания и практику по антропологии, этнографии, археологии, географии и другим дисциплинам. Большое влияние на становление С.И. Руденко как ученого оказывал его учитель – Федор Кондратьевич Волков (Вовк) – этнограф и антрополог. Их знакомство произошло в 1907 г., когда Ф.К. Волков начал читать лекции по анатомической антропологии, доисторической археологии и этнографии в Санкт-Петербургском университете. К этому времени Федор Кондратьевич Волков был известен как в ученых кругах зарубежных стран, так и в России. Его научно-популярное наследие включает 455 публикаций (Франко А.Д., Франко О.Е., 1990, с. 93)*. Ф.К. Волков принадлежал к французской школе антропологов, поэтому в своих трудах он часто использовал работы известных западно-европейских ученых, таких как Мортилье, Обермайер, Брейль, Эванс и др. Сергей Иванович Руденко унаследовал многие научные положения от своего учителя.

В студенческие годы Сергей Иванович под руководством Федора Кондратьевича принимал участие в раскопках Мезинской палеолитической стоянки. Данный памятник был открыт случайно, благодаря находкам костей мамонта при земляных работах в с. Мезине бывшего Кролевецкого уезда Черниговской губернии. В 1906 г. представитель Предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда побывал в с. Мезине, собрал обнаруженные кости мамонта и произвел небольшие зачистки в местах их нахождения. Кости ископаемых животных из Мезина в 1908 г. были экспонированы на выставке XIV Археологического съезда. Осматривая их, Федор Кондратьевич обнаружил в приставшем к ним лессе небольшое число мелких кремней с признаками искусственного расщепления. Оценив научную значимость находок из Мезина, Ф.К. Волков вместе со своим учеником С.И. Руденко посетил Мезинскую палеолитическую стоянку в окрестностях Чернигова, где они провели небольшие раскопки (Тишкин А.А., Шмидт О.Г. (Лыжникова) 2001, с. 16–19). Начавшиеся в 1908 г. раскопки в Мезине продолжились под руководством Федора Кондратьевича его учениками. Исследование Мезинской палеолитической стоянки было по сути первым серьезным знакомством Сергея Ивановича с методикой проведения археологических исследо-

* Библиографическое описание ссылок имеется в Приложениях 1 и 2.

ваний. Поскольку в следующем 1908 г. С.И. Руденко отправился в самостоятельную этнографическую экспедицию в район Нижней Оби, принять участие в исследованиях Мезинской стоянки ему не удалось.

Важным этапом в становлении С.И. Руденко как исследователя была его самостоятельная экспедиция 1909–1910 гг. в Сибирь, где им проводились разнообразные исследования по этнографическому, антропологическому и археологическому изучению коренных народов Нижнего Приобья. Несмотря на то, что археологические исследования не являлись главной целью данной поездки, Сергею Ивановичу представилась возможность изучить часть остяцкого могильника у с. Обдорска Березовского уезда Тобольской губернии, лежащего при впадении р. Полуя в Обь (Руденко С.И., 1914в, с. 35). Данное кладбище располагалось на крутом берегу реки, который при высоком уровне воды разрушался вместе с находящимися на нем могилами. Молодой исследователь ограничился сбором предметов, находившихся на поверхности и раскопкой только тех могил, которым угрожало разрушение в ближайшее время. Сергеем Ивановичем было исследовано девятнадцать могил, которые дали интересный сравнительно-этнографический материал, характеризующий погребальный обряд и культ мертвых у остяцкого населения. Изученные погребения С.И. Руденко отнес к 40–50 гг. XIX в. Результаты проведенных исследований были опубликованы в 1914 г. под названием «Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска» (Руденко С.И., 1914в). Ученый проанализировал особенности погребального обряда, сопроводительный инвентарь с описанием наиболее характерного (оружие и орудия, ножи, ножны, котлы, ковши, табакерки, остатки костюмов и украшения, домашняя утварь и другие предметы). Археологические находки, полученные в результате исследований могильника хантов, имели огромную научную ценность, так как позволили реконструировать отдельные стороны материальной и духовной культуры обских угров (Соловьева К.Ю., 1990, с. 64). Опубликованные С.И. Руденко результаты раскопок часто используются исследователями в качестве сравнительного материала с более ранними археологическими памятниками.

В 1913–1914 гг. С.И. Руденко отправляется в зарубежную поездку. Ему удалось побывать в Турции, Сирии, Пакистане, Египте, Испании, Италии, Франции, где он знакомился с музеями и

историческими памятниками, а также с новейшими достижениями в различных науках (Решетов А.М., 1998, с. 9). С.И. Руденко прослушал лекции профессоров А. де Мортилье, Антони, Мануврие и др. Эта командировка имела важное значение для всей последующей деятельности ученого. В связи с заграничной поездкой полевые исследования молодого ученого на некоторое время прекратились. Однако вернуться к ним он смог в ближайшее время. В 1915 г. Сергей Иванович – ассистент Петроградского университета, секретарь университетского Антропологического общества – принимал участие в почвенно-ботанической экспедиции Оренбургского земства и казачьего войска, где составил гипсометрическую карту Оренбургской губернии. Во время работ данной экспедиции С.И. Руденко получил от профессора М.И. Ростовцева предложение заняться изучением древних погребений в окрестностях с. Прохоровки, которые хищнически раскапывались местными крестьянами в течение ряда лет (Руденко С.И., 1918а, с. 1). Высокая значимость находок, полученных Оренбургской Архивной Комиссией привела М.И. Ростовцева к мысли о необходимости проведения научного доисследования курганов. Со всем этим мог справиться только опытный археолог, и поэтому профессор Ростовцев был очень рад, поскольку Сергей Иванович принял предложение. Весной 1916 г. молодой ученый обратился в Археологическую комиссию с запросом о выдаче ему Открытого листа на право производства раскопок в Оренбургской губернии без запроса средств и точного указания памятников, на что получил положительный ответ.

По просьбе М.И. Ростовцева Императорская Археологическая Комиссия ассигновала на раскопки курганов 200 руб. Кроме этого, значительные средства были выделены Оренбургской Архивной Комиссией. В задачи С.И. Руденко входило следующее: 1) по распросам на месте установить, как распределяются по погребениям доставленные в Оренбургскую Комиссию древности; 2) раскопать по возможности все курганы, в которых были найдены предметы; 3) раскопать хотя бы один курган из уцелевших в данной группе. Съёмка местности, нивелировка курганов, а также выяснение характера погребальных сооружений подразумевались сами собой (Руденко С.И., 1918а, с. 2). Для выполнения этих заданий С.И. Руденко дважды приезжал в Прохоровку: первый раз в июле, для ознакомления с работами крестьян, второй раз – в конце августа для самих раскопок. Вместе с топографами Сер-

гей Иванович занимался составлением топографического плана памятника. Курганы располагались цепочкой, ориентированной с северо-востока на юго-запад и находились между деревнями Прохоровка и Кузьминовка. 27 августа, наняв 15 человек для производства земляных работ, С.И. Руденко за шесть дней доисследовал в южной части могильника два кургана, раскопанных крестьянами в 1911 г. (№1 и 2), а также раскопал к северу от них на расстоянии полукилометра и километра еще два кургана (№3 и 4) (Зуев В.Ю., 2003, с. 39).

Судя по отчету, методика исследования выглядела следующим образом. «После инструментальной съемки местности и группы курганов, произведенной И.В. Молчановым, курганные насыпи нивелировались при помощи эклиметра в двух направлениях – N.-S. – O.-W. Затем в этих же направлениях намечались траншеи шириною в 5,5–6 м. Таким образом, курган разбивался на пять квадратов, один центральный и четыре обозначаемых по сторонам света. Раскопки велись начиная от краев курганов. Причем сначала снималась насыпь с крайних квадратов (северного и южного), а потом с центрального. Траншея в северо-южном направлении прокапывалась до грунта, а вся земля из нее выносилась. Западный же и восточные квадраты копались перевалом. При раскопках погребальной ямы земля выбрасывалась из нее в траншею, а при зарывании кургана скапывалась оставшаяся нетронутой часть насыпи и этим материалом зарывался курган» (Руденко С.И., 1918а, с. 6). Таким образом, в результате доисследования курганов появилась возможность выяснить особенности их конструкции, уточнить положение скелетов в погребениях, восстановить особенности погребального обряда. Однако необходимо было еще найти хотя бы один нетронутый курган, современный Прохоровским. Сергей Иванович не смог обнаружить поблизости нераскопанный курган этого же времени, поскольку после раскопок в 1911 г. по всей округе прошла кладоискательская эпидемия. Желая раскопать нетронутый курган, С.И. Руденко уехал за 50 верст к юго-востоку от Прохоровки, где ранее им была отмечена группа из трех курганов. К сожалению, раскопанные курганы по способу погребения, по найденным в них предметам и по другим особенностям оказались совсем иными, чем Прохоровские.

В начале сентября раскопки были закончены, и Сергей Иванович отбыл в Оренбург. В ноябре 1916 г. он представил в Архе-

ологическую комиссию финансовый отчет и рукопись о полевых исследованиях у деревни Прохоровка, которая потом целиком вошла в книгу М.И. Ростовцева «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма». По мнению профессора Ростовцева, с задачами, которые были поставлены, авторитетный и опытный исследователь при материальном содействии как Петроградской Археологической комиссии, так и Оренбургской Архивной комиссии справился превосходно. Об этом свидетельствует опубликованный им в 1918 г. отчет (Руденко С.И., 1918а, с. 2–12; 1918б, с. 84–102).

Таким образом, во время обучения в университете Сергей Иванович освоил методiku археологических работ и приобрел практические навыки в их проведении. Археологические памятники, которые раскапывались им в эти годы, относились к разному времени и представляли собой совершенно разные погребальные сооружения. Необходимо отметить, что в данный период занятия археологией не были определяющими в научной деятельности ученого. Основное внимание исследователя было сосредоточено на написании магистерской диссертации по этнографии башкир.

Экспедиция 1924–1925 гг.

В 1920-е гг. начались исследования Сергея Ивановича Руденко на Алтае, которые в дальнейшем определили научный интерес на долгие годы. В 1924 г. он возглавил Алтайскую экспедицию Русского музея. Задачей данной экспедиции являлись археолого-этнографические исследования Восточного Алтая. В мае 1924 г. С.И. Руденко сделал запрос в Российскую академию истории материальной культуры на получение Открытого листа на право производства раскопок в пределах Ойротской области и Уймонской степи сроком с 1 июня по 1 сентября 1924 г. (Архив ИИМК. Ед. хр. 126. 1924 г. Л. 1). Данное ходатайство было удовлетворено и зав. Этнографическим Отделом Русского музея С.И. Руденко получил Открытый лист (Приложение 3, документ 1). В этом году экспедиция Русского музея состояла из пяти человек. Под руководством Сергея Ивановича находились два студента – Б.А. Борнеман и С.П. Суслов, научный сотрудник Этнографического отдела Л.Н. Глушков (псевдоним – А.Н. Глухов) и переводчик-теленгит – Я.П. Челтушев. Отряд продвигался на лошадях из с. Улала (ныне – г. Горно-Алтайск) до с. Кебезень на р. Бии, оттуда по Телецкому озеру до р. Чулышман и далее по долине р. Улаган

на р. Башкауc, а оттуда через Курайский перевал на р. Чую, затем вверх по ней в Чуйскую степь, в верховье р. Байлюгем и на урочище Язула на р. Чулышман. После этого двумя отрядами – одним через хребет Кабак – тайга на р. Улаган и до Телецкого озера, другим – вниз по Чулышману до Телецкого озера, далее – на плотах по р. Бии до г. Бийска (Руденко С.И., 1926в, с. 61–62).

В 1925 г. в состав Алтайской экспедиции входили, кроме руководителя, студентки Н.М. Сунцова (будущая жена ученого), М.Н. Комарова, инструктор Этнографического отдела К.И. Ульрих, переводчик А.Д. Табакаев, А.Н. Глухов и М.П. Грязнов (тогда научный сотрудник Этнографического отдела). Отрядом С.И. Руденко была исследована западная часть бассейна Катуня, А.Н. Глухов прошел из с. Улалы до с. Салганды и Саразона, и далее в бассейн р. Пыжи до с. Артыбаш на Телецком озере, и в низовье р. Чулышман, и обратно возвращался по Телецкому озеру и р. Бии до г. Бийска. М.П. Грязнов обследовал по рекам Бии и Оби 16 доисторических стоянок, в хронологическом диапазоне от эпохи неолита до средневековья. Кроме этого, были произведены раскопки двух поселений бронзовой культуры у с. Большая Речка (Руденко С.И., 1926в, с. 76).

Алтайская экспедиция 1924–1925 гг. проделала весьма значительную работу. Внимание исследователей привлекла группа больших курганов с каменной насыпью, расположенных на высоком Улаганском плоскогорье в долине Пазырык, на правом берегу р. Ян-Улаган. К тому времени подобные объекты уже были известны и раскапывались В.В. Радловым в 1865 г. В 1924 г. было произведено рекогносцировочное обследование местности, зафиксирована группа Пазырыкских курганов и заложены разведочные шурфы. Однако для проведения полномасштабных исследований в то время необходимых средств не было (Руденко С.И., 1931, с. 25). В том же году в Восточном Алтае в урочище Арагол на правом берегу р. Ян-Улаган участники экспедиции обнаружили группу из четырех курганов, два из которых были исследованы. Сергей Иванович уже в 1926 г. опубликовал данный материал в работе «Погребение человека каменного века в Восточном Алтае». Он описал местонахождение, особенности погребального обряда, физический тип погребенных мужчин. К сожалению, из инвентаря был найден только один наконечник стрелы. По мнению С.И. Руденко, изделие принадлежало к типу, распространенному на неолитических стоянках верховьев Оби.

Аналогов арагольским погребениям в то время не существовало, поэтому сам ученый отнес их предварительно к позднему неолиту (Руденко С.И., 1926, с. 109). Впоследствии данные погребения были признаны афанасьевскими. В следующем 1925 г. в устье р. Кокса ученый раскопал еще два афанасьевских захоронения. Исследования Сергеем Ивановичем этих погребений в Горном Алтае оказали значительное влияние на изучение афанасьевской культуры (Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В., Цыб С.В., 1986, с. 91).

Исключительный материал дали исследования могильника Кудыргэ, открытого Алтайской экспедицией в 1924 г. Он раскапывался в течение 1924–1925 гг. под руководством С.И. Руденко при участии А.Н. Глухова, Б.А. Борнемана и С.П. Сулова. Данный памятник находится в низовьях р. Чулышман и представляет собой могильник из отдельных групп могил, разбросанных на узких песчаных холмиках, вытянутых в направлении, параллельному руслу реки. Исследователи отметили около 40 могил, 21 из них раскопали. По результатам полученных материалов были написаны две работы: С.И. Руденко «Алтайская экспедиция» (1926в) и С.И. Руденко, А.Н. Глухов «Могильник Кудыргэ на Алтае» (1927). В них дано подробное географическое описание местности, планиграфия раскопанных курганов, внутримогильное устройство. Среди богатого погребального инвентаря были найдены остатки шелковой и шерстяной одежды, мех, бронзовые, медные и золотые украшения, предметы искусства и домашнего обихода, оружие и конское убрание. Анализ предметного комплекса позволил до известной степени составить представление об образе жизни населения, оставившего раскопанный памятник. В частности, было высказано предположение об оседлости населения при ведущей роли скотоводства и земледелия, отмечена важная роль лошади в жизни «древних кудыргинцев» (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 49–50). Найденные шелковые китайские ткани и зеркала, бесспорно, свидетельствовали о культурных связях с Китаем, однако не давали возможности точной датировки памятника. Тем не менее по совокупности погребального инвентаря и аналогии с другими подобными памятниками могильник Кудыргэ был отнесен к VII в. н.э. Необходимо отметить, что в указанных работах были впервые опубликованы широко известные впоследствии находки: камень-валун с изображением «сцен коленапреклонения» и обкладка передней луки седла, покрытая изображениями животных и охотничьих сцен, которые до сих пор

привлекают внимание ученых (Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В., Цыб С.В., 1986, с. 92).

Экспедицией раскапывались и другие памятники. Так, на могильнике Катанда-II в долине р. Катунь, на левом берегу, в 1 км от впадения в Катунь р. Катанды были вскрыты два кургана, результаты исследования которых ученый опубликовал в 1960 г. (Руденко С.И., 1960в, с. 13–14).

Наряду с изучением погребальных объектов экспедицией исследовались и поминальные каменные оградки. На левом берегу Б. Улагана в 2,5 км ниже впадения в нее Балыктыюла, в раскопанной оградке в ямке на глубине 0,4 м от поверхности почвы были найдены кости человека и овцы, железные удила, наконечники стрел и пряжки (Руденко С.И., 1960, с. 25). В урочище Мешайлок, вблизи урочища Арагол на р. Улаган С.И. Руденко были вскрыты две тюркские оградки, которые исследователь датировал тем же временем, что и курган Кудыргэ (Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В., Цыб С.В., 1986, с. 92). Раскапывались исследователем и другие каменные оградки, однако никаких следов захоронений человека в них обнаружено не было.

В 1925 г. сотрудник Бийского краеведческого музея М.Д. Копытов открыл курганный могильник в окрестностях с. Сростки. Им было раскопано 26 курганов. С результатами своих исследований он познакомил С.И. Руденко, который поручил М.Н. Комаровой изучение этого памятника. В дальнейшем на основе полученных результатов исследования данного курганного могильника была выделена сросткинская культура Алтая (Грязнов М.П., 1956, с. 145). Полную публикацию материалов, полученных в ходе работ М.Н. Комаровой, осуществил в 1996 г. Д.Г. Савинов (1996, с. 192–206). Дмитрий Глебович проанализировал материал и пришел к выводу, что комплекс предметов сопроводительного инвентаря из погребений, раскопанных М.Н. Комаровой и С.М. Сергеевым, обычен для сросткинской культуры и может считаться эталонным для ее северо-алтайского варианта. Для него характерны костяные и бронзовые пряжки с острым носиком, преимущественно плоские (или уплощенные) ромбические наконечники стрел, удила с большими внешними кольцами, срединные накладки луков, топоры-тесла, крюки на кольцах (Савинов Д.Г., 1998, с. 179). Установлена датировка могильника – от середины IX до начала XI вв. н.э. (скорее всего, вторая половина этого периода) (Савинов Д.Г., 1998, с. 189).

В результате экспедиции 1924–1925 гг. был получен разнообразный материал, позволяющий судить о физическом типе населения Алтая в различные культурные эпохи. Большое количество остеологического материала позволяло восстановить некоторые породы домашних животных. Экспедицией было составлено восемь планов могильников, большое количество чертежей и разрезов обследованных памятников древних культур, раскопками добыто свыше 1450 предметов (Руденко С.И., 1926в, с. 77).

Экспедиция 1927 г.

Палеоэтнологические исследования продолжились в 1927 г., когда экспедицией изучалась южная часть Горного Алтая. Российская академия истории материальной культуры, рассмотрев отношение Русского музея о предложенных сотрудниками Музея палеоэтнологических раскопок и разведок разрешила сотрудникам Русского музея провести намеченные ими исследования. С.И. Руденко планировал разведки и раскопки в окрестностях г. Бийска и в Ойротской автономной области, в частности, раскопки могильников у с. Улала и в бассейне р. Катунь. М.П. Грязнов должен был исследовать территорию по верхнему течению Оби (между г. Бийском и г. Барнаулом) под наблюдением С.И. Руденко. А.Н. Глухову поручили продолжить исследование могильника Кудыргэ в низовьях Чулышмана, раскопки которого производились им в 1924 г. под наблюдением С.И. Руденко (Архив ИИМК. Ф. 2. Ед. хр. 128).

Сергей Иванович уезжал на Алтай с намерением раскопать курганы железного века, но точного места их расположения не знал (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 128). В этот год отряд Алтайской экспедиции обследовал могильник близ северо-западного края с. Катон-Карагай. Памятник представлял собой могильное поле из 15 могильных насыпей. Исследования начались с самых крупных из них. Первая каменная насыпь (20 м в диаметре) раскапывалась с закладкой траншеи в восточной части кургана. В гумусовом слое почвы обнаружили истлевшие останки человека. Из погребального инвентаря были найдены две одинаковые китайские монеты Танской династии и красная сердоликовая бузина. Во втором кургане после снятия каменной насыпи и исследования центральной его части погребения обнаружено не было. Дальнейшие раскопки не производились. По результатам иссле-

дований 1927 г. Сергей Иванович опубликовал работу «К палеоантропологии Южного Алтая» в 1930 г., в которой автор обращался к своим археологическим исследованиям во время Алтайской экспедиции, а также рассматривал раскопки А.В. Адрианова в северо-восточном Казахстане в 1911 г. в долине р. Майэмира.

Летом этого года под руководством сотрудника Русского музея М.П. Грязнова был раскопан огромный каменный курган диаметром 45 м и высотой 2 м в урочище Шибе на р. Урсул. Несмотря на то, что погребение было ограблено еще в древности, в нем осталось большое количество различных предметов: золотые нашивные пуговицы и бляшки, различные фигурки, вырезанные из листового золота, обломки железных предметов с золотой инкрустацией, бусы и многое другое. Краткие сообщения о раскопках данного памятника появляются в периодических изданиях (Красная Панорама, 1929, с. 11–12). Материалы из этого кургана были отнесены С.И. Руденко к 1-й половине IV в. до н.э.

Спустя многие годы научный сотрудник Государственного Эрмитажа Л.Л. Баркова (1978–1980) в ряде статей полностью опубликовала материалы кургана Шибе. Подробно рассмотрев погребальный обряд, антропологический тип «шибинца» и все находки из кургана, Л.Л. Баркова пришла к следующим основным выводам: «Датировка кургана Шибе укладывается в рамки времени сооружения больших Алтайских курганов, т.е. не позднее III в. до н.э. Наиболее тесные параллели наблюдаются при рассмотрении материала из Шибинского кургана с находками из третьего Пазырыкского кургана, и его хронология, пожалуй, укладывается в те же рамки, т.е. V–IV вв. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1996, с. 46–47).

Экспедиция 1929 г.

Наиболее успешными оказались археологические работы в 1929 г., когда Алтайская экспедиция Государственного Русского музея, продолжая свои исследования, задалась целью вскрыть один из курганов Улаганской группы (урочище Пазырык), открытой в 1924 г. Исследованный памятник представлял собой большую плоскую насыпь из крупного камня более 2 м в высоту и около 50 м в диаметре. В центре кургана под насыпью находилась большая квадратная могильная яма, глубиной 4 м и площадью

52 (7,2x7,2) кв. м. Погребальная камера занимала не всю яму и состояла из двух срубов, как бы вставленных друг в друга. Стены и пол внутреннего сруба были сделаны из толстых плах, а потолок и весь внешний сруб – из круглых бревен. Помещение внутри данной конструкции предназначалось для человека, а свободное пространство, в северной части могильной ямы, – для лошадей. Все это было заложено сверху несколькими рядами бревен, а затем уже засыпано землей. Уникальность данного памятника заключалась в том, что благодаря попаданию в курган воды и ее замерзанию сохранился ряд предметов, которые обычно быстро истлевают. Подготовительные работы к раскопкам этого кургана велись М.П. Грязновым, им же велся дневник и заканчивались раскопки (Руденко С.И., 1931, с. 26). Находки этого года представляли одно из самых блестящих открытий советской археологии (Решетов А.М., 1998, с. 13). В условиях вечной мерзлоты сохранились деревянные предметы, остатки войлочного ковра, изделия из кожи, тела людей с татуировкой и многое другое. Чрезвычайно богатый материал дали нетронутые и хорошо сохранившиеся конские погребения: седла, узды, уникальные маски для лошадей, сделанные из кожи, войлока и меха и другие предметы. Весь погребальный инвентарь насыщен предметами изобразительного искусства.

В периодической печати появляются статьи, рассказывающие о сенсационном открытии профессора С.И. Руденко. Журнал «Хочу все знать» оповещал своих читателей: «Раскопки, произведенные этим летом экспедицией С.И. Руденко, неожиданно ознаменовались громадным успехом и дали результаты, составляющие, по мнению крупнейших советских палеонтологов и археологов, целую эпоху в истории скифской культуры... Замечательное открытие экспедиции профессора Руденко, привлекшее внимание ученых всего мира, по решению Академии наук должно послужить началом новых раскопок на Алтае» (Хочу все знать, 1929). Однако судьба распорядилась по-иному. Возобновить археологические исследования на Алтае ученому удалось лишь по прошествии многих лет. Опубликовать же результаты своих раскопок он смог только в небольшой статье «Скифское» погребение Восточного Алтая», вышедшей в 1931 г., подписанной лишь «С.Р.», так как в этом году он уже был осужден и отбывал свой срок на строительстве Беломорканала. Публикация материалов первого Пазырыкского кургана была предпринята другим ученым (Грязнов М.П., 1937,

1950). Некоторые из современных исследователей видят истоки конфликта М.П. Грязнова и С.И. Руденко именно в том, что первому удалось раскопать памятник и опубликовать его материалы без согласия на то Сергея Ивановича.

Заканчивая рассмотрение деятельности экспедиций Русского музея на Алтае в 1920-е гг., необходимо заметить, что археологические исследования не являлись главными ее задачами. Они велись параллельно с этнографическим, географическим и антропологическим изучением края. Однако именно палеоэтнологические (археологические) исследования на Алтае впоследствии принесли ученому мировую известность.

Экспедиции 1940-х гг.

Сразу после окончания войны, летом 1945 г., Сергей Иванович поехал в командировку на Чукотский полуостров. Целью данной поездки было разрешение так называемой эскимосской проблемы с помощью археологических исследований. Археологические разведки проводились в различных населенных пунктах побережья Чукотского полуострова от поселка Уэлен на севере до поселка Сирэнек на юге, по поручению Ленинградского отделения ИИМК совместно с Арктическим институтом ГУСМП. Сергей Иванович находился в командировке с 25 июля по 10 октября 1945 г. (Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. 262. Л. 19).

Организация этой экспедиции была вызвана тем исключительным интересом, который проявили американские, канадские и датские ученые. Они провели успешные раскопки в Гренландии, на Аляске и островах Тихого океана, раскрывшие многовековую, оригинальную и сложную культуру эскимосов. В России в изучение данной проблемы внесли вклад такие ученые, как В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон. Исследователи разных стран высказывали противоположные точки зрения относительно генезиса эскимосской культуры. Так, американские ученые считали культуру эскимосов своего континента более древней, чем культуру азиатских эскимосов, и делали вывод, что на Чукотском полуострове эскимосы появились позднее, придя сюда с Аляски через Берингов пролив. В.Г. Богораз был не согласен с данной точкой зрения и считал, что эскимосы появились в Америке, придя туда из Азии (Степанов Н.Н., 1965, с. 296).

После проведения археологических исследований, а также изучения материалов, переданных И.П. Лавровым, и археологических коллекций с Чукотского полуострова, хранящихся в Русском музее, Сергей Иванович приступил к интерпретации полученных материалов. В результате был опубликован ряд работ: «Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов» (1947а), «Культура доисторического населения Камчатки» (1948б), «Татуировка азиатских эскимосов» (1949г). Кроме того, в 1947 г. ученый опубликовал монографию «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема». Данный труд состоит из двух частей: описательной, где дана характеристика и описание найденных материалов, и сравнительной, где этот материал представлен в виде реконструкции жилища, искусства, социального строя, а также подробного анализа промысловых и производственных орудий. При этом сама книга открывается с подробного рассмотрения эскимосской проблемы в отечественной и иностранной историографии. В результате С.И. Руденко пришел к выводу о том, что все этапы эскимосской культуры, представленные раскопками на Аляске и в Гренландии, были и в развитии культуры азиатских эскимосов. Кроме того, ученый высказал смелую гипотезу о том, что эскимосы в сравнительно позднее время появились в районе Берингова моря из Океании, а затем уже заселили Чукотку, Аляску и арктическое побережье Канады и Гренландии. Как сводка археологических материалов этот труд полностью сохраняет свое значение (Массон В.М., 1965, с. 239). Данная работа была переведена на английский язык и издана в 1961 г. в Канаде (Rudenko S.I., 1961).

Возобновить исследования больших Пазырыкских курганов С.И. Руденко смог лишь в 1947 г. при участии Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного Эрмитажа. Учитывая ряд трудностей, неизбежных в таком удаленном и малонаселенном районе, каким являлся Улаганский аймак Горно-Алтайской автономной области, Институт истории материальной культуры (далее – ИИМК) им. Н.Я. Марра АН СССР в 1947 г. запланировал раскопки только одного из группы каменных курганов (Руденко С.И., 1949б, с. 261). Помимо начальника экспедиции С.И. Руденко, в раскопках второго Пазырыкского кургана деятельное участие принимали Нина Михайловна Руденко и на первой стадии работ С.А. Семенов. В задачи Улаганской экспеди-

ции входили не только археологические исследования, но и выяснение причин образования вековой мерзлоты в алтайских курганах с каменной наброской. Последним занимался специальный отряд Института мерзлотоведения им. Обручева АН СССР в составе И.Я. Баранова, П.И. Колоскова, Г.А. Мышковской и Л.Г. Парамоновой. За исключением некоторых деталей курган, исследованный в 1947 г., мало отличался от раскопанного в 1929 г. (Полное представление о раскопках в Улагане можно получить при прочтении книги С.И. Руденко «Второй Пазырыкский курган», изданной в 1948 г.). Внимательно продуманная организация работ позволила С.И. Руденко хорошо справиться с сохранением и извлечением из могил обильного материала, залежавшего в необычных для археологов условиях вечной мерзлоты. На месте раскопок производилось предварительное описание, консервация и зарисовка находок, благодаря чему удалось зафиксировать окраску тканей, войлока, ковров и других предметов, обычно теряющих свой первоначальный цвет после извлечения из земли. Последующими реставрационными и консервационными работами, произведенными уже в лабораторных условиях, была полностью восстановлена и сохранена уникальная коллекция предметов из Пазырыкских курганов (Евтюхова Л.А., 1954, с. 146).

Однако при исследовании второго Пазырыкского кургана были и некоторые трудности. Они заключались в том, что оттаивание льда в погребальной камере шло крайне медленно вследствие низкой температуры, большой глубины и позднего времени года раскопок. Из-за плохих погодных условий 4 сентября работы пришлось прекратить, не закончив раскрытия содержимого погребальной камеры (Руденко С.И., 1949б, с. 264–265). Памятник был законсервирован до весны 1948 г.

В 1948 г. экспедиция состоялась при содействии Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного Эрмитажа. В ней приняли участие В.О. Витт, А.А. Гаврилова, Н.В. Исаченко, В.Е. Юшелев, С.Н. Погодин, Н.М. Руденко и В.М. Сунцова. В этот год исследовалось три кургана – второй, третий и четвертый. В следующем, 1949, году раскапывался пятый Пазырыкский курган и три малых кургана – шестой, седьмой и восьмой. Несмотря на то, что все царские курганы были ограблены еще в древности, они дали исключительный по обилию, разнообразию и научной ценности материал. В деталях исследовалось

пять погребальных сооружений, четыре мумифицированных тела и три скелета погребенных; 20 трупов и 34 скелета лошадей. Подробно изучены многочисленные предметы одежды и украшений, разнообразные ткани, предметы домашней утвари, искусства и культа, многочисленные предметы конской упряжи. Помимо огромного количества предметов, свидетельствующих об оригинальной и блестящей местной культуре, в Пазырыкских курганах впервые были найдены древнейшие переднеазиатские и китайские ткани и ковры чрезвычайно высокой художественной и исторической ценности (Руденко С.И., 1953, с. 6).

Результаты исследований в Пазырыке были опубликованы в целом ряде работ Сергея Ивановича: «Второй Пазырыкский курган: Результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г. Предварительное сообщение» (1948а); «Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов» (1949а); «Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г.» (1949б); «Древнейшая скифская татуировка» (1949д); «Раскопки Пазырыкской группы курганов» (1950б); «Пятый Пазырыкский курган» (1951а); «Горноалтайские находки и скифы» (1952б); «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (1953) и многих других. В последней из указанных работ Сергей Иванович обобщил в культурно-историческом плане данные, добытые при раскопках Пазырыкской группы курганов. Отдельно рассмотрены географические условия долины и особенности образования подкурганной мерзлоты. Кроме этого, подробному анализу подверглись различные аспекты жизнедеятельности пазырыкцев: хозяйство и образ жизни, средства передвижения, одежду и украшения, искусство и др.

В 1948 г. А.А. Гавриловой было продолжено изучение могильника Кудыргэ при содействии С.И. Руденко. В 1965 г. вышла в свет монография А.А. Гавриловой «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен», где была дана общая характеристика этого памятника. «...Могильник Кудыргэ, считавшийся ранее памятником одновременным, оказался местом погребения в течение двух периодов – в период тюркского господства (VI–VII вв.) в основной его части и в период монгольского господства (XIII–XIV вв.) в меньшей части...» (Гаврилова А.А., 1965, с. 5).

Экспедиции 1950-х гг.

В 1950-е гг. ученый продолжил археологические исследования теперь уже в Центральном Алтае. Обращает на себя внимание исследование С.И. Руденко в 1954 г. Усть-Канской пещеры. Не являясь специалистом в такой специфической области археологии, как палеолит, Сергей Иванович, верный своей методике, пристальное внимание уделил реконструкции природных условий, окружавших обитателей стоянки. Он датировал находки верхним плейстоценом – теплой фазой, предшествовавшей последнему оледенению Алтая (Руденко С.И., 1960д, с. 125). Весь археологический материал он считал одновременным. Дальнейшие исследования стоянки подтвердили правоту ученого (Бородаев В.Б., 1986, с. 7). Широкая публикация полученных Сергеем Ивановичем материалов сделала Усть-Канскую пещеру хрестоматийным объектом по палеолиту Евразии (Деревянко А.П. и др., 1999, с. 105). Тем не менее мустьерский возраст памятника не был доказан. В свете новых открытий раннепалеолитических памятников Северной и Центральной Азии возникла необходимость дальнейшего изучения пещеры. Спустя десятилетия новосибирскими учеными возобновились исследования Усть-Канской пещеры Горного Алтая на качественно новом уровне. С конца 1990-х гг. там начались комплексные исследования Института археологии и этнографии СО РАН.

В 1950 и 1954 гг. экспедициями Института истории материальной культуры Академии наук СССР производились раскопки в бассейне р. Урсул, левого притока р. Катунь, в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области. В 1950 г. раскапывались два больших кургана на р. Каракол, притоке р. Урсул, близ аила Кулода, получивших название Башадарских. В изучении памятников принимали участие Н.Н. Новоуспенский, С.Н. Погодин, Н.М. Руденко, В.М. Сунцова и И.С. Чевалков. В 1954 г. производились раскопки двух больших курганов в долине р. Урсул у с. Туэкта, в которых принимали участие И.М. Павлюченко, Н.М. Руденко, В.М. Сунцова и П.Е. Тадыев (Руденко С.И., 1960в, с. 5). Кроме того, в том же году отрядом А.А. Гавриловой при участии Л.А. Давыдовой и М.А. Сабуровой был исследован большой Катандинский курган, раскопанный В.В. Радловым в 1865 г., но вскрытый им не полностью. Дополнительные, весьма ценные материалы, полученные в результате раскопок Башадарских и

Туэктинских курганов, дали возможность шире поставить вопрос о происхождении и характере культуры населения Горного Алтая в скифское время.

Обобщающая характеристика курганов с каменной наброской, раскопанных С.И. Руденко в Горном Алтае в 1950-е гг., была дана в его монографии «Культура населения Центрального Алтая в скифское время», вышедшей в 1960 г. На основании тщательного анализа и сопоставления горноалтайских находок с большим кругом степных культур, в основном скифского времени, а также с переднеазиатскими земледельческими культурами автор сделал ряд важных выводов о хозяйстве, быте, ремеслах, искусстве горноалтайских племен и их культурных связях. Данная работа Сергея Ивановича начинается с рассмотрения сведений о раскопанных ранее курганах с каменной наброской на Алтае. В частности, учитываются сведения об исследованиях В.В. Радлова в 1865 г., А.В. Адрианова в 1911 г., М.П. Грязнова в 1927 г. и 1929 гг., Г.П. Сосновского в 1936 г., С.В. Киселева в 1937 г., а также результаты раскопок Алтайской экспедиции Государственного исторического музея в 1934 г., Саяно-Алтайской экспедиции в 1935, 1937 гг. В дальнейшем раскопки больших курганов с каменной наброской производились Горно-Алтайской экспедицией ИИМК.

Первоначально дискуссионным являлся вопрос о возрасте открытых памятников, которые С.И. Руденко неизменно относил к скифскому времени. Но далеко не все исследователи придерживались данной точки зрения. На страницах периодических изданий развернулось бурное обсуждение датировки горноалтайских курганов (Смирнов К.Ф., 1952, с. 119–122; Чернецов В.М., 1954, с. 183–187; Кызласов Л.Р., Смирнов К.Ф., 1954, с. 328–335; Евтюхова Л.А., 1954, с. 145–150). К середине 1950-х гг. сложились три основных точки зрения на датировку больших курганов Алтая.

М.П. Грязнов время возникновения больших курганов разделял на два этапа: пазырыкский (V–III вв. до н.э.) и шибинский (II в. до н.э. – I в. н.э.). С.В. Киселев относил эти же курганы к гунно-сарматскому времени III–I вв. до н.э., считая наиболее ранним первый Пазырыкский курган. Точку зрения С.В. Киселева о «гунно-сарматском времени» больших курганов в Пазырыке поддерживали московские археологи Л.А. Евтюхова, Л.Р. Кызласов, К.Ф. Смирнов, а также К. Иеттмар (Марсадолов Л.С., 1996,

с. 30). С.И. Руденко период с VII по IV вв. до н.э. называл «скифским временем» без подразделения на культурно-исторические этапы (Руденко С.И., 1960в, с. 114). В своей датировке Пазырыкских курганов Алтая ученый в основном исходил из анализа стиля искусства, из сопоставлений с предметами, находимыми в хорошо датированных курганах Причерноморья, а также из анализа предметов, попавших сюда из Передней Азии. Стоит отметить, что в своих выводах С.И. Руденко более всего ориентировался на материалы Восточной Европы и их интерпретацию (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 16). Отстаивая свою точку зрения, ученый широко привлекал естественно-научные методы датирования, что позволило ему в конечном итоге создать небывалую для того времени хронологию алтайских курганов (Бородаев В.Б., 1986, с. 6).

С.И. Руденко активно содействовал в работе по развитию и внедрению методов естественных наук в гуманитарные исследования. Данное обстоятельство совершенно не случайно, так как через весь творческий путь ученого проходит интеграция гуманитарных и естественных наук. Наиболее известные археологические исследования С.И. Руденко Пазырыкских курганов подтверждают данное обстоятельство. При раскопках в Пазырыке и в ходе обработки полученных материалов были проведены исследования в следующих областях: ботанике и палеоботанике, палеозоологии и гиппологии, антропологии и дендрохронологии, трасологии и радиоуглеродном датировании (Бородаев В.Б., 1986, с. 7). Сравнительно небольшое количество металлических изделий из Пазырыкских курганов подверглось спектральному и металлографическому анализам (Руденко С.И., 1953, с. 250), что было новым для тех лет. В 50-е гг. XX в. методы естественных наук только начали внедряться в практику археологических исследований. К этому времени за плечами ученого были огромные знания и многолетний успешный опыт работы в археологии, этнографии, антропологии и других дисциплинах. Поэтому не случайно именно под его руководством в Ленинградском отделении Института археологии Академии наук СССР создали Лабораторию археологической технологии, к организации которой приступили в 1955 г. (Долуханов П.М., 1986, с. 9; ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 88. С. 2). По мнению С.И. Руденко, Лаборатория возникла в связи с необходимостью разрешения ряда кардинальных вопросов современной археологии методами естественных наук и путем экс-

перимента (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 97). Поскольку археология наука историческая, то, с точки зрения профессора, первостепенное значение для нее имеет по возможности точное определение времени наиболее важных событий в жизни человека, бытования той или иной культуры и отдельных археологических памятников. Это особенно важно, по словам ученого, для доисторических времен, когда в связи с теми или иными климатическими и палеогеографическими изменениями происходило постепенное освоение человеком обитаемой им территории. Данная проблема может быть разрешена, на взгляд профессора, различными способами и в первую очередь радиоуглеродным методом (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 97).

Применение метода радиоуглеродного датирования в археологических исследованиях позволило ученому доказать, что памятники Алтая, раскопанные им в разные годы (Пазырык, Туэкта, Катанда, Шибе), относятся к скифскому времени. В частности, в 1959–1961 гг. в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР С.В. Бутомо получил несколько датировок по ^{14}C для ряда больших курганов Алтая. Им были установлены абсолютные даты по ^{14}C для бревен перекрытий из 2-го Пазырыкского кургана (2350 ± 140 лет), 5-го Пазырыкского кургана (2440 ± 50 лет), Катандинского кургана (2420 ± 130 лет), кургана Шибе (2420 ± 100 лет) и для 1-го Туэктинского кургана (2450 ± 120 лет) (Бутомо С.В., 1963, с. 26). Однако, как писал С.И. Руденко: «...радиокарбонный метод для таких сравнительно поздних памятников, как интересующие нас курганы, не может служить надежным критерием для абсолютного возраста каждого кургана в отдельности. Важно только, что их возраст укладывается в пределах скифского времени, т.е. примерно между 520 и 340 гг. до н.э. (Руденко С.И., 1960в, с. 395). Привлекал Сергей Иванович и другие методы для более точной датировки курганов. По его предложению, в Лаборатории археологической технологии ИИМК АН СССР в 1956–1957 гг. старший лаборант И.М. Замоторин выполнил дендрохронологическую работу на археологическом материале из пяти больших Пазырыкских курганов и построил дендрошкалу протяженностью 235 лет, что позволило с точностью до одного года установить очередность сооружения курганов. Таким образом, методы естественных наук позволили более точно определить датировку курганов и подвести черту в долгих дискуссиях по этому поводу.

Кроме того, довольно ярко интерпретировать материалы Пазырыкских курганов Сергею Ивановичу позволяли обширные знания в этнографии (Тишкин А.А., Лыжникова О.Г., 2000, с. 110). В трудах профессора, посвященных данным памятникам, довольно часто приводятся аналогичные этнографические сведения о более поздних скотоводческих племенах (казахов, киргизов, тюрок и др.). В работах по археологии С.И. Руденко рассматривал различные аспекты быта, искусства, хозяйственной деятельности скифских племен Горного Алтая. Сергей Иванович считал, что «...основываясь на вещественных доказательствах, можно восстановить материальный быт, образ жизни и занятия, ремесла, уровень техники, художественные занятия, идеи по погребальным обычаям. Поскольку зависимость человека от окружающей среды так важна, поэтому необходимо знание об окружающей среде, в которой жило древнее население (ландшафт, климатические условия, почва и растения, животный мир)» (С.И. Руденко. Цель и методы археологии: Проспект доклада // ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 149. 7 л.). Эти идеи С.И. Руденко реализовал в своих фундаментальных трудах по древней истории Алтая, которые до сих пор часто используются современными исследователями.

Пазырыкские курганы дали невиданное количество предметов древнего искусства, которые были подвергнуты всестороннему изучению (Руденко С.И., 1953, с. 272). Данной теме посвящены не только отдельные главы в монографиях Сергея Ивановича, но и отдельные работы: «Искусство скифов Алтая» (1949в) и «Искусство Алтая и Передней Азии. Середина I тысячелетия до н.э.» (1961б). Ученый отмечал древние культурные связи Горного Алтая с переднеазиатским культурным миром, со Средней Азией и ахеменидской Персией (Руденко С.И., 1953, с. 306, 318). Кроме того, исследователем рассматривались приемы и техника изобразительного искусства, его орнаментальные мотивы, происхождение, переднеазиатские элементы, сложные художественные композиции и ансамбли и др.

Прекрасные знания в области скифского искусства, а также раскопки, проведенные в Горном Алтае в 1940–1950-е гг., позволили Сергею Ивановичу найти ключ к интерпретации Сибирской коллекции Петра I. Детальное, особенно стилистическое исследование вещей, входящих в нее, показало, что они разновременные и в большинстве своем – скифского и сарматского времени (Руден-

ко С.И., 1962в, с. 5). Полная публикация Сибирской коллекции Петра I, в которую входили исключительно золотые вещи, хранящиеся в Эрмитаже и получившие в литературе название «скифо-сибирского золота», состоялась в 1962 г. (Руденко С.И., 1962в). Помимо описания многочисленных изделий из золота, Сергеем Ивановичем была рассмотрена техника изготовления ювелирных изделий, художественные мотивы и стиль искусства, а также дана история создания коллекции и ее культурно-историческое значение. Благодаря полному изданию Сибирской коллекции Петра I, появилась возможность ее использования для дальнейших всесторонних исследований.

Подводя краткий итог, необходимо отметить, что изучение древнейшей истории Алтая было одним из ведущих аспектов многогранной научной деятельности профессора. Ученый всей душой любил Алтай и посвятил его изучению лучшие годы своей жизни. Археологическое исследование края велось им начиная с 20-х гг. и заканчивая серединой 50-х гг. XX в. Внимание ученого привлекали совершенно различные в хронологическом плане памятники: начиная от эпохи палеолита и заканчивая средневековьем. Но, конечно, излюбленной темой Сергея Ивановича были Пазырыкские курганы и скифская эпоха Алтая в целом.

Огромный опыт и накопленные за долгие годы знания позволили Сергею Ивановичу проанализировать и опубликовать материалы Ноинулинских курганов. Вышедшая в 1962 г. работа «Культура хуннов и Ноинулинские курганы» освещала культуру хунну ранней поры их процветания. При написании автор использовал различные источники, в том числе китайские летописные источники, данные археологических раскопок на территории Забайкалья и Монголии. Особое значение придавалось материалам, которые были получены в ходе Монголо-Тибетской экспедиции Русского Географического общества под начальством П.К. Козлова. Необходимо отметить, что к 60-м гг. XX в. результаты раскопок Ноинулинских курганов были опубликованы лишь частично, поэтому основное внимание Сергей Иванович уделил именно данному памятнику. Основываясь на анализе материалов и привлекая этнографические данные, ученый попытался реконструировать ряд аспектов культурной жизни хунну, в том числе хозяйственный уклад, военное дело, изобразительное искусство, общественную организацию, средства передвижения, одежду и украшения, типы жилищ и домашнюю

утварь. Таким образом, спустя десятилетия Сергей Иванович ввел в научный оборот и проанализировал материалы уникальных памятников культуры хунну.

Помимо непосредственного исследования памятников древностей, Сергей Иванович внес определенный вклад и в разработку методики полевых исследований. Как справедливо замечал ученый, «...в практике археологических раскопок у нас господствует принцип полного раскрытия, чаще, уничтожения памятников. Этот принцип, когда дело касается монументальных сооружений, например курганов емкостью в десятки тысяч кубических метров, вызывает большие непроизводительные расходы и уничтожение нередко первоклассных памятников древности» (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 97. С. 6). Сергей Иванович считал необходимым выработать более разумные методы раскопок, которым предшествовала бы предварительная разведка археологических памятников с применением геофизических, электромагнитных, нейтронно-картажных методов. Такая разведка, по мнению профессора, может дать общее и в деталях представление о конструкции и содержании намеченного к исследованию памятника (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 97. С. 6–7). На практике данные идеи ученого были реализованы в 1962 г. во время изучения неолитической стоянки Вьюн, находящейся в Сосновском районе Ленинградской области. Описание памятника и результаты, которые были получены в ходе работ экспедиции, были доложены Сергеем Ивановичем 17 мая 1967 г. на заседании Отделения этнографии ГО СССР. Исследования стоянки Вьюн подтвердили возможность вполне успешного применения методов естественных наук и для наиболее ранних археологических памятников.

Исключительно важное значение придавалось использованию методов точных наук при датировке археологических объектов. В этом направлении в Лаборатории велись работы по определению относительного возраста археологических памятников (с точностью до одного года) по кольцам древесины и абсолютного возраста радиоуглеродным методом. Изучая коллекции бронзовых изделий Минусинского музея и применяя методику радиокарбонных и дендрохронологических лабораторных исследований, Сергей Иванович смог не только уточнить некоторые даты, но и установить синхронность нескольких археологических культур

бронзы Минусинского края (Руденко С.И., 1968а), до этого времени считавшихся просто стадиями развития.

Таким образом, С.И. Руденко на протяжении всей жизни занимался решением различных проблем в отечественной археологии. Его капитальные труды в этой области до сих пор не теряют научной ценности и используются современными специалистами.

С.А. Васильев

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

РУДЕНКО И КРОФОРД: БРИТАНСКИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД И РОССИЙСКАЯ ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА В АРХЕОЛОГИИ*

Юбилей одного из самых ярких представителей палеоэтнологического направления в отечественной археологии С.И. Руденко дает повод обратиться к некоторым забытым страницам истории нашей науки. Палеоэтнология была, пожалуй, наиболее перспективным течением в первобытной археологии России и содержала интереснейшие творческие потенции, насильственно обрванные в начале.

С самого возникновения палеоэтнология в России развивалась в тесной связи с циклом географических наук. Как в Москве, так и в Петербурге деятельность по исследованию первобытных древностей сосредоточивалась на университетских кафедрах географии и этнографии. Для основателя московской школы Д.Н. Анучина география была основной специальностью. Лидер петербургской школы Ф.К. Волков (1915) рассматривал доисторическую антропологию или палеоэтнологию в ряду естественных наук, подчеркивая ее тесную связь с геологией и географией.

Новое дыхание это содружество приобрело при организационной перестройке археологических учреждений после революции. Институт археологической технологии – одна из первых в мире

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и РФФИ (грант №02-06-80456).

специализированных лабораторий по применению методов естественных наук – был создан в ГАИМК еще в 1919 г. При этом, наряду с изучением археологических материалов и техники изготовления древних вещей, в рамках деятельности института (его «биологического разряда») была поставлена задача исследования взаимоотношения ландшафта и материальной культуры, реконструкции палеоландшафтов (Фармаковский М.В., 1922).

В общем плане деятельность института была нацелена на введение археологии в «цикл научного мышления», привнесение основ естественно-научной методологии в эту область (Ферсман А.Е., Фармаковский М.В., 1924). Вряд ли случайно в этом контексте обращение русских палеоэтнологов к новейшим разработкам британской географической школы и организованный Ф.А. Фиельструпом под редакцией С.И. Руденко перевод книги Крофорда «Человек и его прошлое» (Крофорд О.Г.С., 1924). Это один из немногих случаев издания в России зарубежных теоретических трудов по археологии. В предисловии к книге С.И. Руденко (1924, с. 11–12) отмечал, что она представляет новое направление в исследовании прошлого человечества, основанное на синтезе разрозненных ныне дисциплин с естествознанием.

Следует сказать несколько слов относительно британского географического подхода. В первой четверти XX в. группа английских исследователей первобытности, среди которых лидирующее положение занимали О. Крофорд (Croford O.G.S., 1921) и С. Фокс (Fox S., 1923), активно занялась изучением пространственного распространения археологических памятников различных эпох и культур. При этом особое внимание уделялось выявлению связи тех или иных памятников с топографией местности, типами растительности и почв. Интересно, что традиции географического подхода к изучению доистории в Англии, в отличие от России (см. ниже), не прерывались десятилетиями. Уже в 1960-е гг., обратившись к обоснованию теоретических основ археологии, Д. Кларк (Clarke D.L., 1968) вновь попытался построить теоретические основы археологической науки, вдохновляясь на этот раз идеями так называемой новой географии.

Обращаясь к книге Крофорда, нельзя не отметить актуальности многих положений исследователя. Отрицая прямолинейный географический детерминизм Ратцеля, английский археолог подчеркивал решающее значение комбинации изменений среды и внутренних тенденций в развитии культуры. В качестве основы

изучения древних культур (автор предпочитал термины «культурные группы» или «культурные ареалы») в книге предлагалось картирование типов вещей, особенно массовых находок, и сопоставление получившихся конфигураций с географической картой. По мнению Крофорда, археология и география представляют собой два взаимосвязанных аспекта (временной и пространственный) изучения культуры. Он подчеркивал важность палеогеографического картирования для изучения путей расселения древнего человека. В качестве особых тем исследования предлагался анализ местоположения памятников в их связи со средой обитания, картирование распространения видов кремня, источников сырья и кремнеобрабатывающих мастерских и т.д.

Намеченная программа взаимодействия археологии и географии имела мало времени, чтобы развиться в нашей стране. В конце 1920-х гг. влияние идей Крофорда проявилось в трудах Б.С. Жукова (1929а, б), посвященных методологии выделения культурных групп в неолите, связанных, по его выражению, с территорией, расой и средой. Закономерности развития древней культуры были, по мнению Б.С. Жукова, определены природными ресурсами региона и направлением речных артерий – путей распространения культурных влияний.

Последовавший вскоре разгром палеоэтнологических школ привел к разрыву тесных отношений археологии с естествознанием. Правда С.И. Руденко, вернувшись после войны к занятиям археологией, вновь обратился к применению методов естественных наук в качестве руководителя Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.

Что касается собственно географического подхода к исследованию древних культур в их взаимосвязи с природной средой, то эта тематика была надолго прервана. Только в 1960–1970-е гг. прошлого века отечественные археологи снова обращаются к этому аспекту изучения доистории. В 1960-е гг. А.Л. Монгайт даже готовил в соавторстве с А.С. Амальриком к печати книгу «Археологическая картография». Характерно, что в опубликованном введении к этой работе (Монгайт А.Л., 1962) ссылка на книгу Крофорда дана на английское издание, не упоминая о наличии русского перевода.

Из числа других разработок отметим труды, посвященные методологии исследования взаимодействия общества и природной

среды (Микляев А.М., 1984), выделению факторов, воздействовавших на процесс антропогенеза, раннее расселение человечества и становление производящего хозяйства (Долуханов П.М., 1979). Кроме работ теоретического плана, появляются крупные региональные обобщения, рассматривающие динамику культурных процессов древности в связи с природной средой (Косарев М.Ф., 1991).

Библиографический список

- Clarke D.L. Analytical archaeology. London, 1968.
Crawford O.G.S. Man and his past. London, 1921.
Fox C. The archaeology of the Cambridge region. Cambridge, 1923.
Волков Ф.К. Антропология и ее университетское преподавание // Ежегодник Русского антропологического общества. Пг., 1915. Т. V. С. 99–107.
Долуханов П.М. География каменного века. М., 1979.
Жуков Б.С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. М., 1929а. С. 31–35.
Жуков Б.С. Теория хронологической и культурной модификации некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // СЭ. 1929б. №1. С. 54–77.
Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. М., 1991.
Крофорд О.Г.С. Человек и его прошлое. Л., 1924.
Микляев А.М. Археологическая география: предмет, задачи, метод // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 127–130.
Монгайт А.Л. Задачи и возможности археологической картографии // СА. 1962. №1. С. 16–35.
Руденко С.И. Предисловие // Крофорд О.Г.С. Человек и его прошлое. Л., 1924. С. 11–12.
Фармаковский М.В. Институт археологической технологии // Известия Института археологической технологии. Пг., 1922. Вып. I. С. 1–8.
Ферсман А.Е., Фармаковский М.В. Три года работы Института археологической технологии // Известия Института археологической технологии. Л., 1924. Вып. II.

Н.А. Томилов

*Омский филиал Объединенного института
истории, филологии и философии,
Омский государственный университет, Сибирский филиал
Российского института культурологии, Омск*

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СИБИРЕВЕДЕНИЕ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Выявление проблем, а соответственно и определение задач этнографического изучения народов России сегодня не менее актуально, чем это было на разных этапах истории отечественной этнографии. Но это невозможно сделать без подведения итогов исследований прошедших периодов, без изучения истории этнографической науки. В данной публикации отражены некоторые итоги продолжающейся работы по созданию периодизации этнографического сибиреведения.

Конечно же, историографические исследования по истории этнографии Сибири XVIII–XX вв. проводились и ранее. Но обобщающих трудов по этой проблеме нет до сих пор, а значит и наши знания об итогах изучения этнографии народов Сибири и наши представления о нерешенных проблемах этнографического сибиреведения часто отрывочны и далеко не полны.

Одна из существующих проблем – это периодизация истории этнографического сибиреведения и его региональных направлений в отечественной науке. В самом общем виде она, по нашему мнению, включает следующие периоды: 1) донаучный, охватывает XVII – середину XIX вв. – это период накопления этнографических материалов о народах Сибири и Дальнего Востока и их интерпретация в рамках истории, географии, фольклористики и некоторых других наук; 2) период становления этнографического сибиреведения, он приходится на время с середины XIX в. до 1920-х гг. – это период не только становления, но и развития этнографии благодаря появлению и возрастанию числа собственно сибирских этнографов и сибирских научных центров; 3) период «социализации», если можно так выразиться, этнографического сибиреведения падает на 1920–1950-е гг. – это период возрастания объема научно-практического изучения народов для решения национальных проблем в советском обществе, позволившего функционировать этнографии не только как исторической науке, но и как

обществоведческой научной дисциплине; 4) период современного этнографического сибиреведения, он приходится на вторую половину XX в., начиная с 1960-х гг., – начало XXI в. – это становление и развитие новых научных направлений, в том числе и на стыке наук, в этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, становление новых этнографических научных центров в Азиатской России.

Второй период этнографического сибиреведения, наверное, правильно было бы разделить на следующие два этапа: 1) середина XIX в. – середина 1870-х гг. – этап становления этнографического сибиреведения; 2) вторая половина 1870-х гг. – первые два десятилетия XX в. – этап развития этнографического сибиреведения, связанный как с мощным развитием методолого-теоретических и эмпирических исследований в российской этнографии в целом, так и с возникновением в самой Сибири организаций, занимающихся самостоятельно проведением этнографических работ (выделение в 1877 г. из состава Императорского Русского географического общества (ИРГО) его Западно-Сибирского отдела (ЗСО), а соответственно преобразование затем Сибирского отдела ИРГО в его Восточно-Сибирский отдел, позднее деятельность Приамурского и Якутского отделов ИРГО, начало работы с 1880-х гг. Томского университета и образованного в нем первого в Сибири профильного археолого-этнографического музея, в котором в начале XX в. работали видные этнографы А.В. Адрианов и Г.Н. Потанин, и т.д.).

Третий период этнографического сибиреведения (1920-е гг. – середина XX в., т.е. фактически до конца 1950-х гг.) почти целиком связан с ведущей ролью научных и научно-образовательных учреждений Ленинграда и Москвы. На первом этапе этого периода, длившемся, по нашему мнению, почти до середины 1940-х гг., шло формирование и развитие этнографической школы советских этнографов на методологической основе научного материализма (марксизма), была развернута подготовка научных кадров этнографов, в том числе и для Сибири, возникали новые научные учреждения с этнографическим профилем, активизировавшие научно-исследовательскую работу (в том числе и полевую) среди народов Сибири, этнографы активно работали по решению национальных и прежде всего национально-культурных и национально-социальных проблем народов Сибири. В самой Сибири местными учеными этнографические исследования тогда проводились

более на краеведческом и музееведческом уровнях. Тем не менее именно в Сибири был организован первый советский этнографический журнал «Сибирская живая старина».

Второй этап третьего периода, как нам представляется, приходится на вторую половину 1940-х – 1950-е гг. Его характеризуют невиданный до этого размах этнографических полевых работ, проведение комплексных исследований проблем этногенеза, культурогенеза (именно в конце этого периода разворачивались работы Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, комплексные работы на стыке археологии, лингвистики и этнографии проводились в Томске А.П. Дульзоном и т.д.) и воплощение в определенной мере идей Д.Н. Анучина, поворот к изучению проблем современной культуры народов Сибири (изучались прежде всего социалистические преобразования), а также к изучению современных этнических процессов.

Четвертый период этнографического сибиреведения начальным этапом имеет 1960-е гг. и продолжается до наших дней. Основные его черты – возрастание методолого-теоретических и методических исследований (на сибирских материалах разрабатывались теории этнической истории, современных этнических процессов, структуры культуры, культурогенеза, историко-культурных общностей, хозяйственно-культурных типов, хозяйственных комплексов, эндогамных ареалов, ранних форм религиозных верований и т.д.), явное увеличение исследований этнографов на стыке с другими науками в таких сферах знаний, как этноархеология, этногенеалогия, этноэкология, этносоциология, этнографическое музееведение и др., возникновение в самой Сибири и на Дальнем Востоке новых и порой крупных этнографических центров. Ч.М. Таксами в 1997 г. писал: «Начиная с 60-х годов в Сибири создаются новые этнографические научные центры: в Новосибирске, Томске, Владивостоке, Магадане, Южно-Сахалинске, Тобольске, Салехарде, Анадыре, Ханты-Мансийске, Омске и других городах. Этнографией занимаются научно-исследовательские институты автономных республик: в Горно-Алтайске, Абакане, Кызыле, Якутске, Улан-Удэ». Небольшие, но достаточно успешно работающие группы этнографов складываются в последние годы в Барнауле, Екатеринбурге, Иркутске, Кемерово, Красноярске, Тюмени.

Наиболее крупный этнографический научный центр в Сибири сложился в Новосибирске в Институте археологии и этногра-

фии Сибирского отделения РАН благодаря усилиям сначала А.П. Окладникова, а затем А.П. Деревянко, создавшего сектор этнографии под руководством И.Н. Гемуева. На востоке Сибири таким центром является Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, где этнографическую работу возглавляют Н.В. Кочешков, В.А. Тураев. Вклад в создание новых этнографических коллективов и подготовку этнографических кадров внесли также Ю.В. Аргудяева, А.П. Бородавкин, А.В. Головнев, В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Н.А. Миненко, Т.М. Михайлов, Г.И. Пелих, Н.А. Томилов и др. В целом немало способствовали развитию этнографических исследований в Сибири руководители сектора Севера и Сибири Института этнографии в Москве Б.О. Долгих, И.С. Гурвич, З.П. Соколова и руководители сектора Сибири ленинградской части этого института (а с 1990-х гг. самостоятельного института «Музей антропологии и этнографии» РАН) Л.П. Потапов, И.С. Вдовин, Ч.М. Таксами. В подготовке этнографических кадров для Сибири заметен вклад московских и санкт-петербургских ученых С.И. Вайнштейна, В.И. Васильева, И.С. Вдовина, И.С. Гурвича, С.В. Иванова, Р.Ф. Итса, В.А. Козьмина, Л.П. Лашука, Л.М. Сабуровой, Д.Г. Савинова, З.П. Соколовой, Ч.М. Таксами и др. Но сегодня подготовка ученых-этнографов осуществляется и в самой Сибири в научных и научно-образовательных учреждениях Владивостока (есть кандидатский диссертационный совет), Новосибирска (есть докторский диссертационный совет), Омска (есть единственная до недавнего времени в Сибири кафедра этнографии в местном университете и кандидатский диссертационный совет), Томске (есть кандидатский диссертационный совет), Улан-Удэ.

Уже многие и многие десятки этнографов работают по изучению этнографии народов Сибири (для примера – в одном только Омске их сегодня более 40), поэтому назвать всех в рамках одной публикации не представляется возможным. В результате их работ получены новые значительные достижения и прежде всего в сферах исследования проблем истории народов с первобытных времен до наших дней, этнической истории, этнического и демографического состава населения, современных этнических процессов, культурогенеза и динамики явлений в материальной, соционормативной и духовной культуре, в изучении генезиса и развития социальных структур, связей и отношений на разных

исторических этапах и т.д. В последние годы в сибирской этнографии укрепляют свои позиции направления, развивающиеся на стыке с такими науками, как археология (в самой Сибири это и исследования ученых таких городов, как Омск, Кемерово, Томск, Якутск и др.), религиоведение (Новосибирск, Томск, Улан-Удэ и др.), экология (Иркутск, Омск и др.), социология (Горно-Алтайск, Красноярск, Кызыл, Омск и др.), искусствоведение (Владивосток, Новосибирск, Омск, Томск Улан-Удэ и др.), музееведение (Кемерово, Омск и др.), конфликтология (Кызыл, Омск и др.), генеалогия (Омск), хореология (Владивосток, Омск, Якутск и др.). Нужно отметить, что этнографами в четвертом периоде этнографического сибиреведения интенсивно проводились и проводятся исследования на стыке с историей и прежде всего в областях исторической этнографии и этнической истории (включая проблему этногенеза). Во многих из названных направлений и субдисциплин давно и успешно работают ученые научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, а также Екатеринбург, Казани и некоторых других городов европейской части России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ С.И. РУДЕНКО*

1908

Traditions et contes bachkirs // Revue de traditions populaires. Paris, 1908. Vol. 23. №2-3. P. 49-63.

1909

Traditions et contes bachkirs // Revue de traditions populaires. Paris, 1909a. Vol. 24. №4-6. P. 129-136.

Башкиры // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1909б. Т. 5. Стб. 483-508. Библиогр.: стб. 508.

Вогулы // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1909в. Т. 11. Стб. 46-47. Библиогр.: стб. 47.

Грузины // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1909г. Т. 15. Стб. 134-146. Библиогр.: стб. 136.

Камчадалы // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1909д. Т. 20. Стб. 665-666.

Корелы или Карелы // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1909е. Т. 22. Стб. 751-754. Библиогр.: стб. 754.

Култ предков // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1909ж. Т. 23. Стб. 632-634.

1910

Чувашские надгробные памятники // МЭР. СПб., 1910а. Т. 1. С. 81-88.

Этнографические коллекции из бывших Российско-Американских владений // МЭР. 1910б. Т. 1. С. 155-200 (в соавторстве с Ф.К. Волковым).

1911

Добывание огня трением у чувашей // Труды студ. науч. кружков физ.-мат. фак-та СПб. ун-та. 1911. Т. 1. Вып. 1. С. 61-67.

1912

Предварительный отчет об экспедиции на Север Тобольской губ. // Отчет Этнографического отдела Русского музея Императора Ал-ра III за 1910 г. СПб., 1912. Приложение. С. 44-50.

* Подготовлен О.Г. Шмидт.

1913

По поводу опыта антропологической классификации населения земного шара А.А. Ивановского // ЕРАО. 1913. Т. 4. С. 159–172.

1914

Поглядна антропологічні відносини в українського народу // Праці наукова ім. Т.Г. Шевченка. Львів, 1914а. С. 1–9 (в соавт. с И. Раковским).

Etudes de la crâne ossements humains // BMSA de Paris. 1914b, janv. P. 1–6 (в соавт. с И. Раковским).

Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // МЭР. Петроград, 1914в. Т. 2. С. 35–56.

Notes sur les variations de l'inclinaisons de la tête du fémur etsur la hauteur ischio-suscoty loidienne suivant l'indice busto-ceulique // BMSA de Paris. 1914г, mai. P. 200–204.

Resultats de mensuration antropologique sur le peuplade du Norouest de la Sibérie // BMSA de Paris. 1914д, mars. P. 123–143.

Etudes de la squelettes Gaulois // BMSA de Paris. 1914e, juin. P. 257–268.

Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири // ЗАН. Сер. 8: Физ.-мат. отд. 1914ж. Т. 33. №3. С. 1–125, 7 л. ил.

Инородцы нижней Оби (Этнографический очерк) // ТОЗ. СПб., 1914з. Т. 3 (1909–1918). С. 28–44, ил., 2 табл., 1 л. карт, 1 прилож.

Лаклинская и Игнатъева пещеры Южного Урала // ТОЗ. СПб., 1914и. Т. 3. С. 118–132, 5 табл., 2 л. карт.

1915

Размеры бедра и таза в пропорциях человеческого тела // ЕРАО. 1915а. Т. 5. С. 89–98.

Половое бессилие в этнографической литературе // Якобзон И. Половое бессилие. Пг., 1915б. С. 5–12.

Пособие для остеометрии. Пг., 1915в. 30 с., ил., табл.

1916

Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. I: Физический тип башкир // ЗРГО по отд. этногр. Пг., 1916а. Т. 43. Вып. 1. 312 с., ил., 4 л. карт.

Лебедев Н.Н. (некролог) // ЕРАО. 1916б. Т. 6. С. V–VIII.

Указатель русской антропологической литературы за 1912 и 1913 гг. // ЕРАО. 1916в. Т. 6. С. 167–176.

Обычай // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916г.
Т. 29. Стб. 194–197.

Огонь // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916д.
Т. 29. Стб. 249–253.

Одежда // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916е.
Т. 29. Стб. 262–270.

Орочи // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916ж.
Т. 29. Стб. 698–699.

Орудие // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916з.
Т. 29. Стб. 715–717.

Остеометрия // Новый энциклопедический словарь. Пг.,
1916и. Т. 29. Стб. 721–723.

Остяки // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916к.
Т. 29. Стб. 862–865.

1918

Отчет о раскопках Прохоровских курганов // МАР. 1918а.
№37. С. 2–12.

Описание скелетов из Прохоровских курганов (приложение
к статье Ростовцева И.И. «Курганные находки Оренбургской об-
ласти эпохи раннего и позднего эллинизма») // МАР. 1918б. №37.
С. 84–102.

1921

Остатки первобытного человека в Южной Африке // Экскур-
сионное дело. 1921. №2–3. С. 240–242.

1922

Ископаемые люди // Географический вестник. Пг., 1922а.
Т. I. Вып. 2–3. С. 21–24.

Последние данные к вопросу о происхождении человека
// Природа. 1922б. №89. С. 3–10.

1924

Географический и этнографический очерк Сибири // Вся Си-
бирь: Справочная и адресная книга на 1924 год. Л.: Изд-во
Сев.-Зап. областного отделения Главной конторы «Известия ЦИК
СССР и ВЦИК», 1924а. С. 1–16.

Предисловие к книге Кроффорда. Человек и его прошлое : Пер. с
англ. Ф.А. Фиельструп; Под ред. С.И. Руденко. Л., 1924б. С. 11–12.

1925

Инструкция для измерения черепа и костей человека: Мате-
риалы по методологии археологической технологии. Л.:
РАИМК, 1925а. 40 с.

Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2: Быт башкир // ЗРГО по отд. этногр. Л., 1925б. Т. 43. Вып. 2. 330 с., ил., 4 л. карт.

1926

Погребение человека каменного века в восточном Алтае // Природа. 1926а. №1–2. Стб. 108–109.

Главнейшие успехи антропологии в СССР за время Революции // Научный работник. 1926б. №1. С. 33–42.

Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Гос. Русского музея. Л., 1926в. С. 61–78.

Современное состояние и ближайшие задачи этнографического изучения турецких племен // Первый всесоюзный тюркологический съезд. Баку, 1926г. С. 58–66.

1927

Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. 1927а. Т. 3. Вып. 2. С. 37–52 (в соавт. с А.Н. Глуховым).

Physical Antropology in Russia (USSR) // American Journal of physical anthropology, 1927б, july-september. Vol. 10. №3. P. 483–486.

Антропологические особенности западных казаков // Мат. Особого Комитета по исслед. Союзн. и авт. Респ. 1927в. Вып. 3. С. 7–59.

Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза // Мат. Особого Комитета по исслед. Союзн. и авт. Респ. 1927г. Вып. 11. С. 83–134.

1928

Погляд на антропологічні відносини в українського народу // Пр. наукова товариства ім. Т.Г. Шевченка. Б.И., 1928. С. 1–10 (в соавт. с И. Раковским).

1929

Перевес // Мат. по этн. Издание Гос. Русского музея. 1929а. Т. 4. Вып. 2. С. 1–12 (рец. на фр. яз.).

Графическое искусство остяков и вогул // Мат. по этн. Издание Гос. Русского музея. 1929б. Т. 4. Вып. 2. С. 13–40 (рец. на фр. яз.).

Исключительная находка на Алтае: интервью с С.И. Руденко // Ленинградская правда. 1929в. 17 мая.

Les sépultures de l'époque des kourganes de Minoussinsk // L'Antropologie. Paris, 1929г. Т. 39. P. 401–430.

Объяснительная записка к этнографической карте Сибири // Труды комиссии по изучению племенного состава населения

СССР и сопредельных территорий / Ред. издания акад. С.Ф. Ольденбург и С.И. Руденко. Л.: Изд-во АН СССР, 1929д. №17.

1930

Очерк быта северо-восточных казаков // Материалы комиссий экспедиционных исследований. Вып. 15: Казаки: Сб. ст. антропологического отряда Казакстанской экспедиции АН СССР. Исслед. 1927 / Под ред. С.И. Руденко. Сер. казакстанская. Л.: Издание АН СССР, 1930а. С. 1–72.

К палеоантропологии Южного Алтая // Материалы комиссий экспедиционных исследований. Вып. 15: Казаки: Сб. ст. антропологического отряда Казакстанской экспедиции АН СССР. Исслед. 1927 / Под ред. С.И. Руденко. Сер. казакстанская. Л.: Издание АН СССР, 1930б. С. 137–148.

1931

«Скифское» погребение Восточного Алтая // СГАИМК. 1931. №2. С. 25–31, ил.

1932

Эмпирические данные об элементах волны на озерах средней величины и искусственных бьефах // За качество. Медвежья Гора, 1932. 1 дек. №8. С. 116–119.

1933

Волны и ветер // За качество. Медвежья Гора, 1933а. 2 мая. С. 221–224.

Сгонные и нагонные явления на озере Выг // За качество. Медвежья Гора, 1933б. 18 мая. С. 225–228.

1935

Донный лед на реке Нижний Выг // Беломор.-Балт. Комбинат. Медвежья Гора, 1935а. №4. С. 13–15 (в соавт. с Н.И. Бочановским).

Приливы и отливы на участке Нижне-Тулومского строительства // Беломор.-Балт. комбинат. Медвежья Гора, 1935б. №5. С. 11–16.

Пропуск паводка 1935 г. через Нижне-Тулумский гидротехнический узел // Беломор.-Балт. комбинат. Медвежья Гора, 1935в. №10–11. С. 40–44.

1938

Вопросы расчета потерь на испарение при проектировании водохранилищ // Труды гос. гидролог. ин-та. 1938. Вып. 2. С. 255–286.

1939

Об учете влияния ледяного и снегового покровов на водный баланс естественных и искусственных водоемов // Метеорология и гидрология. 1939. №1. С. 56–68 (в соавт. с В.Г. Андреевым).

1941

Вопросы расчета потерь на испарение при проектировании водохранилищ // Труды Гос. гидролог. ин-та. Вып. 2 : Вопросы гидрофизики. 1941. С. 285–286, ил. Библиогр.: с. 284–286.

1944

Скифская проблема и алтайские находки // ИАН. Серия ист. и филос., 1944. Т. 1. №6. С. 266–275, ил.

1946

К методике изучения элементов озерной волны // Науч. бюл. ЛГУ. 1946. №7. С. 31–34.

1947

Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов // ТИЭ. Новая серия. 1947а. Т. 2. С. 233–256, ил.

Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Изд. Главсевморпути, 1947б. 135 с., ил., карт. Библиогр.: с. 114–116.

1948

Второй Пазырыкский курган: Результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. Л.: Гос. Эрмитаж, 1948а. 64 с., ил., 15 л., карт.

Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. 1948б. №1. С. 153–179.

Испарения с водной поверхности и потери на испарение с больших водохранилищ // Труды Гос. гидролог. ин-та. 1948в. Вып. 357. С. 3–90.

1949

Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов // КСИИМК. 1949а. Вып. 26. С. 97–109, ил.

Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. // СА. 1949б. №II. С. 261–270.

Искусство скифов Алтая. М.: Изд. ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1949в. 90 с., ил. (в соавт. с Н.М. Руденко).

Татуировка азиатских эскимосов // СЭ. 1949г. №1. С. 149–154.

Древнейшая скифская татуировка // СЭ. 1949д. №3.
С. 133–143.

1950

К древнейшей истории Горного Алтая: Горноалтайская экспедиция ИИМК АН СССР 1949 г. // ВИ. 1950а. №2. С. 155–159.

Раскопки Пазырыкской группы курганов // КСИИМК. 1950б. Вып. 32. С. 11–25, ил.

1951

Пятый Пазырыкский курган // КСИИМК. 1951а. Вып. 37. С. 106–116.

Башадарские курганы // Тез. докл. на сессии Отд. ист. и филос. и пленуме ИИМК, посвящ. итогам археологических исследований 1946–1950 гг. М., 1951б. С. 49–51.

Сокровища Пазырыкских курганов // По следам древних культур. М., 1951в. С. 113–142, ил.

Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука // Исторический памятник русского мореплавания XVII в. М.; Л., 1951г. С. 97–102 (в соавт. с Я.В. Станкевич).

Der Zweite Kurgan von Pazyryk. Arbeits ergebnisse der Expedition des Instituts für Geschichte der Materialen Kultur der Akademie der Wissenschaften der UdSSR v.g. 1947. Berlin, 1951д. 96 s., mit. 11; 15 sit.

1952

Башадарские курганы // КСИИМК. 1952а. Вып. 45. С. 30–39, ил.

Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952б. 268 с., ил. Библиогр.: с. 259–261.

1953

Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с., ил., 120 табл. Библиогр.: с. 377–380.

1954

В курганах Горного Алтая: Работы Института истории материальной культуры (беседа с начальником экспедиции С.И. Руденко) // Вечерний Ленинград. 1954. 22 окт.

1955

Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955а. 392 с., ил., 5 л. карт.

О датировке Горноалтайских курганов // ВИ. 1955б. №11. С. 120–123.

Сокровища Горного Алтая // Нева. 1955в. №4. С. 134–140, ил.

1957

К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок // СА. 1957а. Т. 27. С. 301–306.

О древних связях Китая с племенами Алтая // Каогу сюэбао. 1957б. №2 (16). С. 37–48 (на кит. яз.).

I grifoni custodi dell'oro // Realta sovietica Roma. 1957в. An 5. №6. P. 28–29, 6 photo (на итал. яз.).

1958

The mytho-logical Eagle, the Gryphon, the winged Lion and the Wolf in the Art of Northern Nomads // Artibus Asiae. 1958а. Vol. 21. №2. P. 101–122, il. 5 tb.

О чем поведали курганы // Наука и жизнь. 1958б. №10. С. 23–25, ил.

1960

The Troove of Pazyryk Horison // Magasine of the Arts. N.Y., 1960а. №1, janv. P. 110–112, il.

Алтай и его древние обитатели // Доклады на ежегодных чтениях памяти Л.С. Берга. ГО. М.; Л., 1960б. Чт. IV–VII, 1956–1959. С. 60–74.

Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960в. 360 с., ил.

Культура населения Горного Алтая в скифское время и ее связи с культурами Азии и Китая // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода: Доклады. Иркутск, 1960г. С. 45–46.

Усть-Канская палеолитическая стоянка // МИА. 1960д. №79. С. 104–125, ил.

Рец. на кн.: М.П. Грязнов. Древнее искусство Алтая: Альбом. Л., 1958 // СА. 1960е. №1. С. 312–315.

1961

The Ust'-Kanskais paleolitnic cave site Siberia // American Antiquiti. 1961а. Vol. 27. №2. P. 203–215, il. Bibliogr.: p. 314.

Искусство Алтая и Передней Азии. Середина I тысячелетия до н.э. М., 1961б. 68 с., ил., 9 л. ил. Библиогр.: с. 65–66.

К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // МЭ. Ч. I: Доклады за 1958–1961 гг. 1961в. С. 1–15.

The ancient cultur of the Bering sea and eskumo problem (Transl. P. Tolstoy) // Toronto: Univ. Toronto press, 1961г. 198 p., il., cart., 38 tb. Il.

1962

Жидкие сцинтилляторы для радиоуглеродного датирования в археологии // Radioisotops in the physical sciences and Industry. Vienna: Internat. Atomic Energy Ageney, 1962a. Vol. 1. P. 91–99 (Proceedings of the Conference on the use of radioisotopes in the physical sciense and industry held by the international atomic energy agency, with the cooperation of the United Nations educational, scientifique and cultural organisation at Copenhagen, 6–17 semp. 1960. in 3 vols. (на англ., фр., рус. яз.) (в соавт. с Е.Е. Стариком, В.В. Артемьевым, С.В. Бутомо, В.М. Дрожжиным, Е.Н. Романовой).

Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962б. 205 с., ил., 73 л. ил. Библиогр.: с. 203–204.

Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962в. 52 с., ил., 27 табл. Библиогр.: с. 40.

Счетчик веков // Звезда. 1962г. №5. С. 182–183.

1963

Григорий Николаевич Потанин как этнограф // ИВГО. 1963а. Т. 95. Вып. 2. С. 177–180.

Из истории древней металлургии и литейного дела // МЭ. 1963б. Вып. 3. С. 17–26.

Предисловие к книге «Новые методы в археологических исследованиях»: Сб. ст. / Отв. ред. С.И. Руденко. Л., 1963в. С. 3–8.

1964

О работе радиоуглеродной лаборатории Института археологии АН СССР // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1964а. С. 17–19.

Die Sibirische Sammlung Peters I. Düsseldorf, 1964б. S. 1–67.

The Culture of Prehistorie Population of Kamchatka // The Archaeology and Geomorphology of Northen Asia. Canada, 1964в. P. 265–295.

1965

Gold Guarding Griffins. Southern Siberia in Scythian times. N.Y., 1965а. 128 p., il.

К вопросу об историческом синтезе. По поводу одной дискуссии // ДЭ. Л., 1965б. Вып. I (4). С. 59–65.

1966

Археологические исследования П.К. Козлова в аспекте исторической географии // ИВГО. 1966а. Т. 98. №3. С. 240–246 (в соавт. с Л.Н. Гумилевым).

О возрасте сибирских мамонтов // ДЭ. 1966б. Вып. 3. С. 51–55.

Bibliographical references to Central Asia and the Caucasus // Series of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard: Un-ty press, 1966в. Vol. 3. P. 175–177.

1967

Ноин-Ула // Советская историческая энциклопедия. М., 1967а. Т. 10. Стб. 301.

Пазырык // Советская историческая энциклопедия. М., 1967б. Т. 10. Стб. 723–724.

Итоги дискуссий по проблеме этногенеза // Доклады отделений и комиссий ГО. Л., 1967в. Вып. 3. С. 108–112.

1968

Культура бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки // Доклады отделений и комиссий ГО. Л., 1968а. Вып. 5. С. 39–45.

Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М.: Искусство, 1968б. 136 с. (рец. на англ., фр., нем. яз.).

Падзирику Кофун-но // Согудо-то харедзуму согд. Токио, 1968в. С. 5–38 (1 ст. из кн. «По следам древних культур, 1951) (на япон. яз.).

1969

Рец. на кн.: Э.Б. Вадецкая. Древние идолы Алтая. М.; Л., 1967. 78 с. // СА. 1969а. №2. С. 286–288.

Die Kultur der Hsiund-nu und die Hügelgräber von Noin-Ula (Übers. Auf dem Rüss. M. Pollems; Vorwort K. Iettmar // Antiquitas Reihe. Bonn, 1969б. Bd. 7. №3. 320 s., il.

Studien über das Nomadentum // Vichwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Bd.: Akadémia. Kiady, 1969в. S. 15–32.

Юбилей уцайы менэн бер-ике телэк (Несколько пожеланий в связи с юбилеем) / Предисл. Т. Сагитова // Совет Башкортостаны. 1969г, 21 марта (на башк. яз.).

1970

Опыт применения методов естественных наук к исследованию неолитических памятников // Доклады отделений и комиссий ГО. 1970а. Вып. 15. С. 38–59, ил. Библиогр.: с. 59.

Frozen Tombs of Siberia: The Pazyryk burials of iron age horsemen (Transl. authors revisions. Pref. M.W. Thomson) // Berkeley; Los Angeles: Univ. Calif. Press, 1970б. 340 p., il., kart. (72 tb., il.).

Предисловие к книге Л.Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства». М., 1970в. С. 3–8.

Раздел этнография // Географическое общество за 125 лет (в соавт. с Н.Н. Степановым). Л.: Наука, 1970г. С. 193–200, ил.

1971

Сравнительная этнография тангутов и их потомков // Этнография народов СССР / ГО. Отд. этногр.: Сборник, посвящ. памяти С.И. Руденко. Л., 1971а. С. 21–30. Библиогр.: с. 30.

Искусство Алтая и Южной Сибири в скифское время // История искусства народов СССР. М., 1971б. Т. 1. С. 255–275, ил.

1972

Die Ugrie und die Nenzen an Unteren Ob: Ihre Vergangenheit und ihre Familien und Sippenverhältnisse // АЕ. Т. 21 (1–2). Budapest, 1972 (на нем. яз.).

1973

Башкирские сказки и поверия // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 17–31.

1996

Скифская проблема и алтайские находки // Антология советской археологии (1941–1956). М., 1996. Т. III.

**ЛИТЕРАТУРА О БИОГРАФИИ
И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ С.И. РУДЕНКО***

1929

Воробьев Н.И. Рец. на кн.: С.И. Руденко. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Л., 1925 // Этнография. 1928. №1. С. 134–137.

1929

Март Н.Я. К отчету о заграничной командировке // Доклады АН СССР. Л., 1929. №17. С. 321–327 (Цитата и отзыв на сообщение С.И. Руденко об открытии Пазырыкского кургана. С. 323–324).

Скифские погребения на Алтае // Хочу все знать. 1929. Ноябрь. №21.

А.Р-ц. Алтайские раскопки // Красная панорама. №50. 1929. 13 дек. С. 11–12.

Б.а. Быт скифской эпохи // Красная газета. Веч. вып. 1929а, 24 дек.

Б.а. Раскопки алтайских курганов // Красная газета. Веч. вып. 1929б. 26 сент.

1930

А.К. Прошлое Алтая // Звезда Алтая. 1930. 11 янв.

1932

Бернштам А.Н. Идеализм в этнографии (Руденко и руденковщина) // СГАИМК. 1932. №1–2. С. 22–27.

Горбунова Г.П. Об одной «научной» экспедиции // Антропологический журнал. 1932. №1. С. 113–120.

1949

Левин М.Г. Рец. на кн.: С.И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947 // СЭ. 1949. №1. С. 227–230.

1950

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 93 с.

* Подготовлена О.Г. Шмидт.

1952

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. №XVI. С. 163–205.

1953

Смирнов К.Ф. Рец. на кн.: С.И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952 // ВИ. 1953. №2. С. 119–122, 266.

Розен М. Новый научный труд по археологии Алтая // Бийский рабочий. 1953. 2 окт. (Рец. на кн.: С.И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953).

Каралькин П.И. Древняя культура Горного Алтая // Сибирские огни. 1953. №6. С. 179–180.

Таднев П. Археологические памятники Горного Алтая (Рецензия на книгу С.И. Руденко «Горноалтайские находки и скифы». М.; Л., 1952) // Алт. правда. 1953. 4 янв.

1954

Чернецов В.М. Рец. на кн.: С.И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953 // СЭ. 1954. №2. С. 183–187.

Кызласов Л.Р., Смирнов К.Ф. Рецензия на книгу С.И. Руденко «Горноалтайские находки и скифы». М.; Л., 1952 // СА. 1954. Т. 19. С. 328–335.

Дворцов Н. О чем рассказывают курганы // Сталинская смена. 1954. 11 июля (Барнаул).

Б.а. Археологические раскопки на Алтае // Известия. 1954а. 17 дек.

Б.а. В курганах Горного Алтая: Работы экспедиции Института истории материальной культуры // Вечерний Ленинград. 1954б. №251.

Евтюхова Л.А. Рец. на кн.: С.И. Руденко. Культура поселения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953 // ВИ. 1954. №6. С. 145–150.

1956

Кузеев Р.Г. Рецензия на книгу С.И. Руденко «Башкиры: Историко-этнологические очерки». М.; Л., 1955 // СЭ. 1956. №2. С. 154–158.

1959

Замоторин И.М. Относительная хронология Пазырыкских курганов // СА. 1959. №1. С. 21–30.

1960

Грязнов М.П. По поводу одной рецензии // СА. 1960. №4. С. 236–238.

1962

Авижанская С.А., Кузеев Р.Г. Этнографические коллекции по башкирам Государственного музея этнографии народов СССР // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. I. С. 344–357.

1963

Бутомо С.В. Применение радиоуглеродного метода в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 9–31.

1964

Григорьев С.В. Внутренние воды Карелии и их использование: Библиографический указатель. Петрозаводск, 1964 (О С.И. Руденко см.: №814, 1044, 1147, 1148, 1149, 1150, 1231, 1232, 1296).

1965

Каралькин П.И. Исследователь Горного Алтая (К 80-летию со дня рождения С.И. Руденко) // Звезда Алтая. 1965. 14 февр.

Массон В.М. К 80-летию С.И. Руденко // СА. 1965. №4. С. 233–239. (Список научных трудов С.И. Руденко: с. 240–241.)

Степанов Н.Н. Творческий путь С.И. Руденко // ИВГО. 1965. Т. 97. №3. С. 294–297.

1967

Сәғитов Т. Фән каһарманы (Подвижник науки) // Совет Башкортостаны. 1967. 21 дек. (на башк. яз.).

1968

Сәғитов Т. Оло ғалим сәләме (Приветствие большого ученого) // Башкортостан пионеры. 1968. 31 ғинуар. (на башк. яз.).

1969

Бикбулатов Н.В., Мажитов Н.А. Археология и этнография Башкирии за 50 лет // Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа, 1969. С. 512–530 (О С.И. Руденко: с. 524–525, 526–527).

1970

Гумилев Л.Н. С.И. Руденко (1885–1969): Некролог // ИВГО. 1970. Т. 102. Вып. 1. С. 91–93.

Долуханов П.М. С.И. Руденко. Некролог // СА. 1970. №2. С. 303–304.

Степанов Н.Н. С.И. Руденко // Географическое общество за 125 лет. Раздел: Этнография. Л.: Наука, 1970. С. 193–200, ил.

Сәғитов Т. «Башкорттар китабының авторы: (тәжһур ғалим турһыңа бер-икс һүз). Автор книги «Башкиры: несколько слов о знаменитом ученом // Ағизел. 1970. №2. С. 119–120 (на с. 121–123 напечатаны четыре башкирских предания, записанных С.И. Руденко).

1971

От Отделения этнографии (вступительная статья к сборнику, посвященному памяти С.И. Руденко) // Этнография народов СССР. ГО. Отд. этногр. 1971. С. 3–5.

Гумилев Л.Н. С.И. Руденко и современная этнография аридной зоны евразийского континента // Этнография народов СССР. ГО. Отд. этногр. 1971. С. 6–14.

Крюкова Т.А. Коллекции С.И. Руденко в Государственном музее этнографии народов СССР // Этнография народов СССР. ГО. Отд. этногр. 1971. С. 15–20.

Артамонов М.И. Вопросы хронологии скифо-сибирского золота // СА. 1971. №3. С. 40–57 (посв. памяти С.И. Руденко).

1973

Григорьев С.В. Естествознание и техника в Карелии: Биографический словарь. Петрозаводск: Карелия, 1973. С. 22 (годы работы С.И. Руденко 1930–1936). С. 98 (биография С.И. Руденко).

Бикбулатов Н.В. С.И. Руденко и башкирская этнография // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 9–16.

1974

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 572 с. (о С.И. Руденко: с. 23).

1975

Бикбулатов Н. Куренекле тикшеренеусе: С.И. Руденконын тыуыуына 90 йыл тулыуға карата // Совет Башкортостан. 1975. 22 марта.

1977

Руденко Сергей Иванович (фонд 1004) // Труды Архива. Вып. 27: Архив АН. Обзорение архивных материалов. Л.: Наука, 1977. Т. VIII. С. 143–145.

1982

Бикбулатов Н.В. Об изучении проблемы происхождения и этнической истории башкирского народа // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 132–142 (о С.И. Руденко: с. 132–133).

1984

Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М.: Наука, 1984. 252 с. (о С.И. Руденко: с. 14).

1985

Бикбулатов Н.В., Шәкур Р. Мехәббәте унын-Башкортостан: С.И. Руденко – нын тыргуына – 100 йыл (Башкирия – его любовь: 100 лет со дня рождения С.И. Руденко) // Ағизел. Өфө, 1985а. №1. С. 125–127 (на башк. яз.).

Мурзабулатов М. Выдающийся исследователь Башкирии // Вечерняя Уфа. 1985б. 29 янв.

Бородаев В.Б. Открыватель пазырыкских курганов // Алт. правда. 1985. 19 янв.

Бородаев В.Б. Юбилей ученого (К 100-летию со дня рождения С.И. Руденко) // Звезда Алтая. Горно-Алтайск. 1985. 5 февр.

Суразаков А. Первооткрыватель Пазырыка // Звезда Алтая. Горно-Алтайск. 1985. 10 дек. (об исследователе археологии Горного Алтая С.И. Руденко).

Бикбулатов Н.В. Жизнь, отданная науке: К 100-летию со дня рождения С.И. Руденко // Советская Башкирия. 1985. 6 февр.

Шәкур Р. Мәшһур ғәлиһмдың асыл миһраһы (Драгоценное наследие знаменитого ученого) // Совет Башкортостаны. 1985. 7 февр. (на башк. яз.).

1986

Сергей Иванович Руденко. К 100-летию со дня рождения: Библиографический указатель. Уфа, 1986. 26 с. (сост. В.М. Сунцова).

Бородаев В.Б. С.И. Руденко и Алтай // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.И. Руденко. Барнаул, 1986. С. 3–9.

Долуханов П.М. С.И. Руденко и развитие естественно-научных методов в археологии // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.И. Руденко. Барнаул, 1986. С. 9–10.

Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В., Цыб С.В. С.И. Руденко и некоторые проблемы древней истории Алтая // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.И. Руденко. Барнаул, 1986. С. 90–93.

Список печатных работ С.И. Руденко, написанных по материалам его исследований в Горном Алтае // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.И. Руденко. Барнаул, 1986. С. 107–109.

1990

Соловьева К.Ю. Вклад С.И. Руденко в изучение обских угров (по коллекциям ГМЭ народов СССР) // Современное финноугроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 61–65.

Франко А.Д., Франко О.Е. Федор Кондратьевич Вовк (Волков): Биографический очерк // Советская этнография. 1990. №1. С. 86–95 (об учителе С.И. Руденко).

1993

Академическое дело. 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.

1995

Жук А.Б. Археологи Русского музея в Сибири: 1920-е годы // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Докл. Всерос. науч. конф. Омск, 1995. Ч. I. С. 35–38.

Тихонов И.Л. Палеоэтнологическая школа в С.-Петербургском университете (этапы формирования) // Археология Сибири: историография: Межведомст. сб. науч. тр. Омск, 1995. Ч. I. С. 43–64.

1996

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до нач. 80-х годов XX века). СПб., 1996.

С.И. Руденко // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1996. Т. II. С. 316–317.

Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (по материалам раскопок М.Н. Комаровой. 1925) // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 192–206.

Гаврилова А.А. Пятый пазырыкский курган (Дополнение к раскопчному отчету и исторические выводы) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 89–102.

Дьяконов И.М. Послесловие к статье А.А. Гавриловой // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 102–104.

Марсадолов Л.С. Краткое послесловие к статье А.А. Гавриловой // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 105–107.

1997

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время (1.2. Археологические исследования материальной культуры населения скифской эпохи Горного Алтая в советское время (20–70-е годы). С. 12–22). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997.

Клейн Л.С. Российское палеоэтнологическое направление в контексте мировой археологии // Традиции отечественной палеоэтнологии: Тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ф.К. Волкова (Вовка). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. С. 49–55.

1998

Бикбулатов Н.В. Мои встречи с С.И. Руденко // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 26.

Иванов В.А. Этнокультурная карта Башкортостана в эпоху средневековья С.И. Руденко и ее дальнейшая судьба // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 83–87.

Каримов К.К. С.И. Руденко – руководитель Башкирской экспедиции АН СССР (1927–30 гг.) // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 40–52.

Муллагулов М.Г. С.И. Руденко и изучение средств передвижения башкир // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 53–68.

Нафиков Ш.В. С.И. Руденко и некоторые вопросы этногенеза башкир по данным современного языкознания // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 88–98.

Овсянников В.В. Комплекс вооружения башкир по данным С.И. Руденко // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 110–113.

Решетов А.М. С.И. Руденко – антрополог, этнограф, археолог // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 5–25.

Сулейманов А.М. С.И. Руденко и башкирский фольклор // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 69–82.

Сулейманова Р.М. С.И. Руденко о положении башкирской женщины в семье // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 106–109.

Султангареева Р.А. Башкирская лечебная магия в записях С.И. Руденко // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 99–105.

Фатыхова Ф.Ф. С.И. Руденко и семейные обряды // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 114–119.

Юсупов Р.М. С.И. Руденко и современное состояние антропологии // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 27–39.

Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. 1998. №3. С. 191–206.

1999

Тишкина Т.В. Деятельность АО РГО в 1924–25 гг. в связи с приездом на Алтай С.И. Руденко и М.П. Грязнова // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 191–193.

2000

Лыжникова О.Г. Изучение фонда С.И. Руденко – В.М. Сунцовой // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Мат. 40-й РАЭСК. Новосибирск, 2000а. Т. 1. С. 23–24.

Лыжникова О.Г. Этнографическое наследие Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Мат. 40-й РАЭСК. Новосибирск, 2000б. Т. 3. С. 70–74.

Лыжникова О.Г. Воспоминания В.М. Сунцовой как источник для изучения биографии С.И. Руденко // Студент и научно-технический прогресс: Мат. XXXVIII междунар. науч. студ. конф. Ч. 1: История. Новосибирск, 2000в. С. 29–30.

Лыжникова О.Г. Комплексный подход в исследованиях Сергея Ивановича Руденко // Диалог культур и цивилизаций. Тез. участников II науч. конф. молодых историков Сибири и Урала. Тобольск, 2000г. С. 62–64.

Тишкин А.А., Лыжникова О.Г. Научная деятельность С.И. Руденко как опыт комплексного подхода в археологических и этнографических исследованиях // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 110–112.

Шер Я.А. Я учился у М.П. Грязнова // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Омск, 2000. С. 132–142 (с. 139 о взаимоотношениях М.П. Грязнова и С.И. Руденко).

2001

Дашковский П.К. Проблемы реконструкции социальной организации кочевников Горного Алтая скифской эпохи в творчестве С.И. Руденко // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия: Сб. науч. тр. молодых ученых ИФ АГУ. Барнаул, 2001. С. 109–112.

Лыжникова О.Г. Сергей Иванович Руденко и археология // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Мат. ХLI РАЭСК. Барнаул, 2001. С. 32–34.

Тишкин А.А., Шмидт (Лыжникова) О.Г. Воспоминания С.И. Руденко о своем учителе Федоре Кондратьевиче Волкове // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Нальчик; Омск, 2001. С. 16–19.

Шмидт О.Г. (Лыжникова). История создания монографии С.И. Руденко «Угры и ненцы Нижнего Приобья» // Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 173–175.

2003

Шмидт О.Г. Изучение хозяйственной деятельности древних и традиционных обществ в работах С.И. Руденко // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 246–250.

Шмидт О.Г. Вклад С.И. Руденко в развитие и внедрение естественно-научных методов в археологии (тезисы) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003. С. 87–88.

Решетов А.М. Интеграция наук в научной деятельности и трудах С.А. Теплоухова // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 17–21.

Зуев В.Ю. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбурге. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 72 с.

2004

Шмидт О.Г. Томский период в жизни Сергея Ивановича Руденко // Традиционные культуры и общества Северной Евразии с древнейших времен до современности: Мат. ХLIV РАЭСК. Кемерово, 2004. С. 55–56.

ДОКУМЕНТЫ И ФОТОМАТЕРИАЛЫ*

Документ 1
Копия

5024/139
Арсен. 1/11/4
В. М. М. М.
324. 11/4

Р. С. Ф. С. Р.
Народный Комиссариат
по Просвещению.
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ,
НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И
МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
(ГЛАВНАУКА)
ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ
и
ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ
искусства и старины.
12. 11. 1924.
№ 622/н.

Открытый лист
№ 32

Главное Управление Научных, Научно-Художественных и Музейных Учреждений (Главнаука) Наркомпроса по Отделу по делам Музеев и охране памятников искусства и старины, выдавая настоящий Открытый Лист Зав. Института Восточного Музея С. И. Руденко на право производства археологических раскопок в пределах Ушманской степи на востоке просит все органы Советской Власти, Государственные и Общественные учреждения и частных лиц оказывать С. И. Руденко всемерное содействие, в интересах науки, для успешного выполнения возложенного на него поручения.

Исследователь 6 обязыва стел не позднее 1-го Декабря 1924 года представить в Отдел по делам Музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса все добытые раскопками памятники древности, а также отчеты и дневники раскопками. Настоящий Открытый Лист действителен по 1-е Декабря 1924 года.

Заведующий Главным Управлением Научных, Научно-Художественных и Музейных Учреждений:

Заведующий Отделом по делам Музеев и охране памятников искусства и старины:

Ученый Секретарь:

* Подготовлены к публикации А.А. Тишкиным и О.Г. Шмидт.

**Краткий отчет о раскопках С.И. Руденко,
произведенных им по поручению Русского Музея
летом 1924 года в Восточном Алтае**

Раскопки производились в шести пунктах: на Улаганском плоскогорье на правом берегу р. Балыктыюл верстах в трех от впадения ее в р. Ян Улаган; на урочище Балык в бассейне р. Ян-Улаган в 2-х верстах от впадения в Ян-Улаган р. Балыктыюл; на правом берегу р. Ян-Улагана в двух верстах ниже устья р. Балыктыюл на урочище Арагал; на левом берегу р. Ян-Улаган в 1¹/₂ верстах ниже устья р. Балыктыюл на урочище Межеллык; В Сайлюгемской степи близ впадения в р. Байлюгем р. Кукури; в долине р. Чульшмана на правом берегу в версте ниже устья р. Башкаус на урочище Кудурга.

1. На правом берегу р. Балыктыюл были раскопаны два больших круга /3 м диам./ из восьми валунов, наполовину находящихся в земле, два маленьких круга также из восьми камней и плоская каменная насыпь округлой формы /5¹/₂ м диам./, сопровождающая круги из восьми камней. По снятии дернового слоя и камней обнаружена некопаная земля; сделан прокоп на глубину двух метров; ни костей, ни предметов найдено не было.

2. На урочище Балык раскопано два квадрата из вертикально поставленных и торчащих на 15 см из земли каменных плит с угловыми, поставленными стоймя, камнями и круглая каменная насыпь /10 м диам./ со впадиной посредине. По снятии камней и дернового слоя и выемки земли, в первом случае в площадь квадрата, а во втором траншеей меридионального направления шириною в 4 метра, на глубину 2-х метров выяснилось, что земля под этими сооружениями накопанная. Ни костей, ни культурных остатков не обнаружено.

3. На урочище Арагол раскопано две могилы с круглою земляною насыпью, прикрытою сверху камнями; диаметр первого кургана 16,6 м, высота 1,25 м; второго диам. 12 м, выс. 83 см. В обоих случаях в грунтовых ямах /в первом случае на глубине 1,07 м, а во втором 79 см над уров. почвы/ найдены скелеты, в первой могиле два, во второй один. Положение скелетов вытянутое головою на восток, ногами на запад. Скелеты лежали на цельных кусках лиственничной коры, ими же были прикрыты сверху.

Никаких вещей при раскопках найдено не было. При очистке костяков в пятом грудном позвонке мужчины из первого кургана обнаружен наконечник кремневой стрелы типа обычного на стоянках верхней Оби и Бии.

3. На урочище Межеллык было раскопано два квадрата из вертикально поставленных каменных плит, заполненных внутри глыбами камней, валунами и булыжниками. От восточного ребра каждого из двух квадратов по направлению к востоку идут ряды вертикально поставленных камней /у одного их 12, у другого 28/. Поперечник одного из квадратов 4 м, другого 6,4 м. По очистке от камней внутренности квадратов на глубине 40 см в одном из них были найдены кости таза и задних ног овцы, железные удила, железные пряжки и три железных наконечника стрел. Глубже оказались ископанная земля.

4. В Сайлюгемской степи был раскопан подобный же квадрат из вертикально торчащих из земли каменных плиток, заполненный внутри камнями. По направлению к востоку от восточного ребра квадрата шел ряд вертикально поставленных камней, причем первым камнем была каменная баба, обращенная лицом на восток. Расчистка внутренности квадрата на глубине 40 см обнаружила ископанную землю. В связи с производившимися почвенными исследованиями и здесь была сделана выемка земли на глубину двух метров. Никаких предметов не найдено.

5. На урочище Кудурга в обширном могильнике /заснято 64 могилы/ было раскопано одиннадцать могил. С поверхности могилы обложены овалами из каменных глыб /3 x 1¹/₂ м/, вытянутых в меридиональном направлении. Под слоем камней (до 70 см мощностью) идет песчаный грунт, затем опять слой камней и на глубине от 160 см. до 2 м скелет в вытянутом положении, головой на юг, ногами на север. Сантиметров на 20–30 выше скелета параллельно с ним с восточной стороны в той же могиле находится скелет погребенной лошади с подогнутыми ногами головою на юг. Как правило, лошади взнузданные и заседланные. Раскопки этого могильника дали богатый материал: железные наконечники стрел, железные пряжки, стремена, удила с костяными и железными псалиями, железный меч, железные ножи, медные и костяные пряжки, медные поясные и конские наборы, золотые и медные серьги, бусы, точильные камни и проч. Исключительный интерес представляет костяная обкладка передней луки седла

/погр. №9/, покрытая гравюрой, изображающей различных зверей, рыб и охотничья сцена.

Повсюду, где производились раскопки, засняты планы, изготовлены чертежи и фотографии. Все коллекции поступили в Этнографический отдел Русского музея, где в настоящее время и изучаются.

Руденко

16/12-1924 г.

Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу
и Ленинградской области. Архивно-следственное дело.
ПФ. 82333. Том 5, 7, 8, 9
Прекращенный фонд

Документ 3

Копия: Т. 5. Л. 329

СССР

Башкирский Областной Отдел
Объединенного Государственного Политического Управления
Секретно-Оперативной части

ОРДЕР №1160

...на право производства обыска у гр. профессора Руденко Сергея Ивановича, проживающего по «Астория» ком. №25.

Ордер действителен по 6/VIII. Выдан 5/VIII. 1930 г.

Нач. Башк.... БОООГПУ

Документ 4

Копия: Т. 5. Л. 330

ПРОТОКОЛ

На основании ордера №1160 Баш. Об. Отдела ОГПУ от 5/VIII 1930 г. в городе (селе и проч.) Уфе произведен обыск у гражданина Руденко Сергея Ивановича, в номере Астории, 25 по ... ул. К. Маркса, 25. При обыске присутствовал зав. номерами Астория... и Руденко Нина Михайловна. Взято для доставления в ... БОООГПУ следующее:

1. Опись документов выемки деловой, служебная переписка на 4 полулистах, 4 письма, записная книга, удостоверение на пра-

во ношения оружия за №13011, удостоверение Академии СССР от 25/V за №1881.

2. Опись арестованного имущества: револьвер системы Смит-Вессон №49024 и кабур и 5 (патрон).

5.VIII.1930

Подписи

Документ 5

Копия: Т. 5. Л. 332

Постановление

1930 года 5 дня... рассмотрев материал на арестованного согласно телеграмме ПП ОГПУ по ЛВО – профессора Руденко Сергея Ивановича, Постановил: профессора Сергея Ивановича до направления в распоряжение ПП ОГПУ по ЛВО содержать под стражей в изоляторе ГПУ.

Печать

Подписи

Документ 6

Копия: Т. 5. Л. 333

Постановление

1930 года, августа 5 дня, рассмотрев телеграмму ПП ОГПУ по ЛВО от 12/VII с.г. за №58706 о аресте и направлении профессора Руденко С.И. в распоряжение ПП ОГПУ по ДВО ПОСТАНОВИЛ:

Арестованного проф. С.И. Руденко направить спецконвоем в распоряжение ПП ОГПУ по ЛВО в гор. Ленинград.

Документ 7

Копия: Т. 5. Л. 335

Анкета

<...>

8. Состав семьи

- жена Нина Михайловна Руденко 26 л. дом. хозяйка
- брат Дмитрий Ив. 47 л. зав. заповедника
- брат Александр Ив. 48 л. зав. с.хоз. ... г. Свердловска

<...>

16. Отношение к воинской повинности – освобожден по болезни – зрение.

Документ 8

Копия: Т. 5. Л. 336

Ценности арестованных: ремень от шорт ... револ. в чехле с 5 патронами, галстук, кушак от макинтоша, ремень, 2 подтяжки, часы, бритва.

Документ 9

Копия: Т. 5. Л. 337–341

Руденко Сергей Иванович

Моя деятельность в АН началась с 1917 года, когда я в качестве представителя Русского Антропологического общества при Университете вошел членом в КИПС, на первых же заседаниях мне было поручено совместно с покойным статистиком Паткановым С.К. составить инструкцию к составлению племенных карт. Инструкция эта была напечатана в первом выпуске Трудов КИПС и Комиссия до последнего времени ею руководилась в своих картографических работах. В 1922 году Комиссией, к тому времени значительно пополнившей свой состав, я был избран ученым секретарем и непрерывно исполнял обязанности секретаря по 24 год. Т.к. на протяжении всего этого времени составление и издание этнографических карт было основной задачей Комиссии, то на них и сосредотачивалось все мое внимание. По моей инициативе в состав Комиссии был привлечен ученый картограф (а впоследствии второй и два чертежника). И образован картографический отдел, фактическим куратором которого я и был до последнего времени. Только последние два года, когда Отдел разросся до размеров обширного картохранилища и стал выполнять ряд академических заданий вне планов Комиссии, часть его работ шла помимо меня. Этнографические карты Комиссии составлялись на основании переписи 1897 года с поправками на основании последующих переписей и данных различных исследователей. В связи с предстоящей всесоюзной переписью населения 1926 года явилась перспектива получать ценный материал, отражающий современное население Союза и их относительную численность. Проведение это-

го вопроса в ЦСУ, включение в формуляры переписи вопросов, касающихся национальности и родного языка, Академии наук было поручено мне совместно с проф. В.П. Семеновым-Тяньшаньским. Поручение это было выполнено, материал собран и АН располагает 500.000 подвижных дублетных карточек – материалами переписи 1926 года с исчерпывающей полнотой, отражающий племенной состав и расселение народностей Союза в момент переписи. С 1924 года под наблюдением Тяньшаньского велись разработки этого материала, а отделами КИПС составление этнографических карт на основании новейших данных. Помимо ЦСУ мне дважды приходилось выступать по поручению Академии вне ее по делам КИПС. В 1923 г. совместно с акад. Ольденбургом в Большой коллегии Нарком-юста мною сделан информационный доклад о методе составления этнографической карты и о результатах проделанной КИПС работы. Второй раз вместе с представителем Кавказского Отд. КИПС Акуменцем в 1926 г. делал информационное сообщение секретарю Совета национальностей при ВЦК по вопросам о состоянии картоиздательства КИПС и в частности о малых национальностях Кавказа. Среди подготовленных к изданию карт в первой очереди шла карта Сибири. За смертью руководителя Сибирского Отдела Штенберга мне пришлось принять на себя окончательную редакцию этой карты и объяснительной к ней записке. Начиная с 1925 г. в АН все чаще и чаще стали поступать различные запросы, касающиеся изучения населения Союза. Такие запросы президиум Академии обычно направлял в КИПС и, если они не получали разрешения в том или ином отделе, мною созывались специальные совещания для их разрешения (По запросу инст. Ок. 1?). Чихсени (? – А.Т., О.Ш.) по изучению калмыцкого народа, по вопросам изучения женщины и т.п.

Помимо работы по составлению этнографических карт, которые координировались ученым секретарем и картографическим Отделом, работа научно-исследовательская в отделах и экспедиционная велись не согласовано и зависела от интереса научных руководителей или отдельных сотрудников. Так, Кавказский отдел занимался вопросами топонимики и племенных названий, Средне-Азиатский – лингвистическим изучением иранцев, европейский спец-но финнами (русско-финская секции) и т.п. В Комиссии неоднократно подымались вопросы о ее реорганизации: сузить ли рамки работы только составлением карт или превра-

тить в Институт для изучения человека в широком понимании этого слова.

...реорганизация КИПСа в новое учреждение ИПИК, с новым обновленным составом. До 1926 года моя полевая научно-исследовательская работа шла вне Академии. В 1920 и 1921 году я работал среди турков Минусинского края и северо-западных казахов (Тургайская обл.), в последующие годы среди бурят и турков Алтая. Последние работы велись мною по Русскому Музею. Проблемы турков и монголов, центрально-азиатской расы, привлекали мое исключительное внимание. Поэтому в 1926 году когда мне было предложено организовать отряд в составе Казахстанской экспедиции Академии к адаям Западного Казахстана, я не мог отказаться. Вопрос об изучении быта и физического типа адаев выдвигался инициаторами Казахстанской экспедиции Академии наук, земл. Казахст. Алибековым, Бунитсроном и Швецовым) и мне как представителю КИПСа в НЭП (тогда ОКСИАР) и туркологу было поручено разработать план и организовать исследования. При организации исследований и учитывая, что расовая диагностика и изучение духовной только культуры обрядности удовлетворить разрешению тех практических вопросов, которые тогда стояли в хозяйственной и национальной политике Казахстана. Вопросам расовой конституции, распространению социальных болезней, хозяйственному быту должно было быть уделено преимущественное внимание. В отряд вошел врач, четыре научных сотрудника и пять студентов-практикантов (из них трое казахи). Результаты обследования опубликованы в двух сборниках «Казаки». Собранные материалы и результаты обследования были мною продемонстрированы в конце 1926 года в Кзыл-Орде и сделаны доклады в Коллегии Казнаркомата, решили исследования продолжить и выделили для этого средства. Наркомздравом было выражено пожелание, чтобы особое внимание было обращено на санитарно-гигиенические условия жизни казахов, в частности на анализы питьевых вод, а Замнаркомом просвещения было предложено в план обследования включить нацменьшинства (русских и украинцев). Состоялась вторая экспедиция в Восточный Казахстан 1927 года, в состав которой вошли: пять врачей, шесть научных сотрудников (из них один местный работник) и пять студентов-практикантов (из них трое казахи). Материалы, собранные отрядом во второй год работ, опубликованы в четырех книжках и имеются статьи для пятой (в частности отчеты санитарно-гигиенического

обследования и отряда проф. Сулимо-Самойла). Казахстан имеет получить от Академии около 2000 негативов, 400 м киноленты и смонтированную фильму 1000 м, характеризующую быт адаев, небольшую научную коллекцию и проч. науч. материалы.

Все отчеты по исследованию антропологического отряда в Казахстане были сданы в набор в начале 1928 года и сейчас в некоторых своих частях имеют уже свой исторический интерес. Однако во многих своих частях они и теперь найдут практическое применение. Несомненно однако, что в этих исследованиях были промахи. Не удалось в достаточном количестве собрать материал по изоггмотикации (? – *А.Т., О.Ш.*) крови. Малочислен материал по возрастным группировкам детей и несовершеннолетних – мы располагаем достаточными данными для суждения и ритма развития детского организма, но недостаточными для построения кривых и сеток для диагностики индивидуального развития ребенка. Наконец выяснилось, что только при стационарных, а не экспедиционных исследованиях можно собрать полноценный материал для суждения о санитарно-гигиенических условиях жизни казахов и по другим вопросам.

Весной 1928 г. материалы Казахстанской экспедиции Антропологический отряд закончил обработкой и часть его была переброшена на работы в Башкирии.

План Комплексного исследования Башкирии, предложенный правительством последней и принятый Академией определял задачи и масштаб работ антропологического отряда. По первоначальному плану, по которому и были проведены полевые работы первого лета, предполагались исследования не только специально-антропологические, но и археологические, этнографические и лингвистические. Осенью при просмотре в Госплане РСФСР пятилетнего плана Башкирской экспедиции были сняты все работы кроме специально-антропологических и медико-санитарных. Поэтому в последующие два года по смете экспедиции проводились только специально-антропологические работы. Работы антропологического отряда были рассчитаны на три года и в настоящий момент уже заканчиваются. Заложены три или четыре станции в районах при соответствующих медпунктах и дальнейшие наблюдения поведут местные организации. При разработке плана антропологических исследований в Башкирии учитывалась моя монография о башкирах. Повторные наблюдения над физическим типом в двух кантонах с применением более точного метода обра-

ботки материала, в основных чертах подтвердили порайонную характеристику физического типа башкир, изложенную в первой монографии, а том второй, опубликованный в 1926 году и посвященный быту башкир, дал возможность обществу по изучению Башкирии самостоятельно, помимо экспедиции Академии, продолжать и углубить изучение быта башкир. Главное внимание Антропологического отряда было сосредоточено на изучении женщины башкирки, как в расовом, так и в физиологическом отношениях в связи с вопросом о приросте населения, по изучению ритма роста детей и несовершеннолетних башкир обоего пола, по изучению конституционных типов в связи с распространением туберкулеза, изоагмотинационных свойств крови башкир, в связи с исследованием групп и возрастным отбором, в связи со смертностью, над содержанием гемоглобина в крови детей и т.п., часть отчета предварительных уже опубликована, значительная часть обработана и находится в рукописях, материалы этого года подлежат обработке. Могу только с полной уверенностью сказать, что основные вопросы, поставленные перед отрядом, в свое время (1928 г.) в деталях согласованные с зам. Башнаркомздрава доктором Бенеком, впоследствии на совещаниях с отдельными представителями Башнаркомздрава – собранными материалами разрешаются. В большие подробности работ антропологического отряда Башкирской комиссии я вдаваться не буду, они будут несомненно выяснены обследованием РНИ этим научным работам Академии наук, за которые я полностью несу ответственность, следует прибавить еще несколько командировок по КИПСУ и к...

...на Алтай и в Киргизию – различных научных работников. О них должен отметить, что отчетные рукописи и другие материалы по этим командировкам почти все представлены.

Перехожу теперь к деятельности организационной по НЭП (ОКСИАР). В конце 1926 года на время выезда академика Ферсмана за границу президиум Академии поручил мне временно быть заместителем председателя. Тем временем выяснились растраты Линднера и до лета пришлось нести эти обязанности приводя вместе с бухгалтером в порядок денежную отчетность по Казахстанской экспедиции. С осени 1927 года, насколько мне не изменяет память, был уже сформирован президиум КЭИ в составе ФЕРСМАНА, БАРТОЛЬДА и РАЕВСКОГО, которые до последнего времени и вел дела КЭИ. До весны 1928 года я нес обязанности тов. Председателя Казахстанской Комиссии, наблюдая за ходом обра-

ботки материалов экспедиции, а затем после резкого расхождения с президиумом КЭИ в вопросе о поправлении обработки материалов экономического отряда экспедиции я был освобожден от исполнения обязанностей тов. Председателя Казахстанской экспедиции. С образованием Башкирской Комиссии по представлению президиума Академии я был утвержден общим собранием председателем названной комиссии. Какие мотивы побудили меня принять это назначение. Прежде всего я хорошо знал эту страну. До 1916 г. я пересек ее маршрутами в различных направлениях, изучая ее население. В 1916 и 1917 гг. я работал в Почвенной экспедиции Оренбургского земства, обследовавшей Зауральскую и южную Башкирию.

Я руководил работами по инструментальной и барометрической нивелировке с сетью метеорологических станций и составлял гипсометрические для почвоведов и геоботаников карты. Мои работы при подготовке к магистерским экзаменам у проф. Войкова, Иностранцева и Броунова, а затем в течение двух лет специальные занятия по общему землеведению в связи с читаемым мною в Томском университете курсам физической географии давали мне возможность разбираться в элементах ландшафта. Помимо научной заинтересованности в работах антропологического отряда меня привлекали конечные задачи комплексного исследования Башкирии, ее естественно-историческое районирование. По мере развертывания работ Башкирской экспедиции я все более убеждался в неотложности и актуальности тех заданий, которые она на себя принимала. Мне хотелось довести эти работы до конца и передать их научно-исследовательскому Институту в Уфе, который уже сформирован и с этого года должен был начать принимать работы от экспедиции Академии наук.

Вместе с тем я должен сознаться, что я был плохим председателем. Я не мог отказаться от своих специальных работ и посвящать этому делу столько времени, сколько следовало бы. Я не был достаточно требовательным к руководителям отрядов в точном выполнении сроков представления научных отчетов. Должен впрочем оговориться, что полевые работы, насколько мне известно, выполнялись отрядами полностью в соответствии с полученными заданиями. Происходили задержки только в обработке материалов нередко по причинам объективного характера.

Что касается организационных взаимоотношений между КЭИ и Башкирской комиссией, то они были такие же как между КЭИ и остальными, находящимися в ее ведении комиссиями...

Последний вопрос о моем отношении к Платоновской организации. Категорически утверждаю, что я не имел и не мог иметь *к ней никакого отношения*. Об этой организации я узнал только из газет и с лицами причастными к ней или был вовсе не знаком или только шапочно. Не мог я иметь к ней отношений, потому что к идеям эту организацию вдохновлявшим, я всегда относился к отношусь глубоко отрицательно.

В заключение своего показания хочу добавить, что за все время своей работы в Академии наук я был уверен, что то дело, которое я делаю, нужное и полезное в социалистическом строительстве Союза. Единственно, что меня всегда угнетало – это невозможность посвящать этому делу столько времени, сколько оно от меня требовало. Помимо Академии мною основная работа, как административная, так в значительной степени и научная велась по Русскому Музею и университету. Одно время я читал кроме того лекции в Географическом Институте и Институте физического образования. До последнего времени я бывал в Академии всего раза три – четыре в неделю, уделяя, правда, напряженной, но всего $1\frac{1}{2}$ – 2 часа работы в посещение. Кроме того не мог отказаться и от научной работы, на что у меня уходили вечера и ночи.

При всем том я вполне допускаю, что в моей работе могли быть ошибки, ошибки которые могли принести вред государству за них я, конечно, отвечаю.

26 августа 1930 года

Руденко

Документ 10

Копия: Т. 5. Л. 348–349

Мои показания от 26 августа касаются моей деятельности в Академии наук, Академии наук Башкирской и комиссии для меня уже в прошлом и теперь я могу говорить о себе лично. *Я принадлежал к определенной интеллигентско-академической среде*, ее интересами я жил и с ее мнением считался. В моих *работах меня сопровождал успех*, который многократно был засвидетельствован и в самой АН и за ее пределами. Руководящая в АН группа, в частности академики Ольденбург и Ферсман, как мне казалось, находились в полном контакте с представителями Советской власти и поощрение моей работы в АН, до известной степени рассматривал как признание ее полезности и за пределами Акаде-

мии. Добавлю, что мои выступления от лица АН в автономных республиках по делам, которые мне были поручены, всегда встречались более чем сочувственно. *Примерно года полтора, два тому назад я начал убеждаться, что та среда, в которой я работал, начинает постепенно разлагаться, что жизнь идет и дальше пойдет мимо нее.* У меня начали возникать сомнения в правильности занимаемой мною позиции и я начал работать над вопросом об изменении своей деятельности. Однако в моем возрасте при наличии многими годами накопленного научного багажа и при достаточно определенно сложившемся миросозерцании менять позиции в научной и общественной работе не так легко, хотя миросозерцание той научной школы, к которой я принадлежал, и не находилось в противоречии с марксизмом.

Начавшаяся полтора года тому назад травля меня в университете совершенно несправедливая и недостойная, вызванная карьеризмом известных мне лиц и практический успех, который она достигла, *имел отрицательный результат* в моем самоопределении.

Год тому назад во время чистки в АН после травли, исходившей, как для меня было очевидно, из тех же источников, имела свое продолжение и примерно те же результаты.

Правительственная комиссия оставила за мною руководство Башкирской экспедиции и этим она в моих глазах отметила значение той работы, которая была поручена мне Академией. Своей работой в Башкирской экспедиции я хотел доказать не только свою лояльность к Советской власти, об этом не могло быть и речи, но и свою способность плодотворно работать в социалистическом строительстве.

Я считаю себя повинным в том, что, живя интересами той среды, к которой я принадлежал, замыкаясь в рамки академизма, я не стремился ближе подойти к той подлинной созидательной социалистической работе, которая развертывалась на моих глазах. Мало того, я увлекался за собою значительную группу младших товарищей, которые подобно мне жили той иллюзией, что работа, которой мы занимаемся, именно та, которая нужна и *которую от нас только и можно спрашивать.* Считаю, впрочем, необходимым повториться: я никогда *не оказывал непосредственного воздействия на убеждения моих товарищей;* я всегда сознавал, что будущее *принадлежит им и с теми из них, которые становились на путь сближения с советской обще-*

ственностью или с партией, я сохранял все те же неизменно дружеские взаимоотношения.

Перехожу теперь к КЭИ, я уже давно понял, что КЭИ как организация ни в какой мере не соответствует тем задачам, которые определялись хотя бы ее положениями, и я не видел в дореформенной Академии тех руководящих сил, которые могли бы повести это учреждение. КЭИ было чем то вроде бюро по приему за проценты тех или иных исследований в республиках, а ее комиссии как-то должны были справиться с этой работой. КЭИ в моем понимании являлось учреждением, маскирующим всю оторванность АН от жизни и создающим иллюзию подлинной связи с республиками и обслуживание насущных ее интересов. И тем не менее я принимал деятельное участие в работах КЭИ. Более того, я, понимая рекламное значение «бюллетени» КЭИ, около года был его редактором. Делалось мною это потому, что КЭИ, *за исключением нескольких специальных академических лабораторий, было все же единственным учреждением АН, где велась действительно нужная в социалистическом строительстве работа и велась удовлетворительно.* С другой стороны, входя в непосредственное соприкосновение с республиками, я ясно видел, в какой мере им в их строительстве нужна помощь Академии. Наконец, меня до известной степени привлекал тот масштаб работы по моей специальности, при котором и можно было провести ряд исследований, имеющих не только теоретический интерес, но и практическое значение.

28 августа 1930 г.

Руденко

Документ 11

Копия: Т. 5. Л. 353–354

Протокол №1

допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО

1. Руденко
2. И.О. – Сергей Ив.
3. Возр. – 1885.
4. Происхождение – дворянин.
5. Местожительство – Инженерная ул. 4, кв. 6.
6. Род занятий – научный работник.

7. Сем. полож. – женат.
8. Имущ. полож. – зарплата.
9. Партийность – беспартийный.
10. Отношение к воен. службе – негоден к воен. сл.
11. Полит. убеждения – на платформе сов. власти.
12. Образование – высшее.
13. Чем занимался до революции – науч. работа
14. Сведения о прежней судимости – ...

Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, по существу дела показывал: Вопрос об исследовании АН СССР в Каракалпакии возник в конце прошлого, начале текущего года в связи с предложением Каракалпакского издательства организовать в этом же году археологическо-лингвистические и антропологические исследования, причем Правительство Каракалпакии ассигновало для этой цели 10000 рублей, в распоряжении АН. Председателем Каракалпакского Правительства является А.А. Мелков, ранее производивший по назначению Каракалпакского ... этнографические исследования в Каракалпакии. По предложению ак. Ферсмана было намечено (?) Совецание по разработке плана изучения Каракалпакии над председательством ак. Бартолова. При составлении плана археологических исследований было поручено Якубовскому и Мелкову, лингвистич. пр. Мелкову и антропологические мне. Составлены и сметы КЭИ одобрены, причем предполагалось, что Якубовский произведет обследование архитектурных и других памятников мусульманского времени.

По Каракалпакской поездке ... хар-ра, Мелков с рядом сотрудников вести лингвистические исследования, а я еду в Псурткуль для работы с врагами по организации антропологических станций, т.к. экспедиционных исследовательских работ антропологических по плану не предполагает. В ожидании перевода денег из Каракалпакии Мелков выехал в Оренбург... Из Академии фотоаппарат, набор антропологических инструментов, Мелков выехал в Алматы с поручением Академии, а я должен был в конце марта приехать на съезд в Алматы и оттуда в Каракалпакию. Т.к. по времени моего отъезда в Алматы денег из Каракалпакии не поступило, то я был командирован только в Алматы. По прибытии в Алматы я узнал от товарищей из Каракалпакии о том, что Мелков не отчитался перед ... Каракалпакским по прошлой экспедиции и

что АН ... сообщение о том, что все полномочия, которые были даны из Каракалпакии Мелкову аннулируются. Я тотчас же послал срочную телеграмму ак. Бартолову о том, чтобы до моего возвращения в Ленинград, в случае поступления денег из Каракалпакии, воздержаться от перевода денег Мелкову. Возвратившись в Ленинград, я узнал, что денег из Каракалпакии нет и что вопрос об этих исследованиях КЭИ разрешен в ... смысле продолжение. Я принял меры к тому, чтобы Мелков возвратил полученные им академические инструменты и аппарат, что он и сделал. Позднее я не имел уже никаких сведений о работе в Каракалпакии.

С Мелковым я познакомился впервые в Кызыл-Орде в 1926 г., где он тогда заведовал местным архивом и состоял секретарем общества научного по изучению Казахстана. В связи с общим пожеланием об участии в экспедиции АН местных работников и личном пожелании Мелкова принять участие в работе отряда Казахстанской экспедиции, которая тогда вела исследования в Казахстане, он был включен в число сотрудников Казахстанской экспедиции в 1927 г. летом совершил поездку по восточному Казахстану. В результате поездки им подготовлена большая коллекция (ок. 600) негативов (?) этнографических фотографий, большие количества и ... жилищ и зарисовок..., а также предварительный отчет. Насколько мне известно, Мелков этнограф школы Штернберга ЛГУ, хороший собиратель коллекций. Им собирались коллекции для Музея антропологии и этнографии АН и Русского Музея. Мелковым издан ... по собиранию этнографических сведений среди казахов – посредственная по ... как научный же исследователь он себя пока не выявил.

Руденко

Документ 12

Копия: Т. 5. Л. 355

По Москве знаком с Бунаком Виктором Валерьевичем проф. по кафедре антропологии в Московском университете, Жуковым Борисом Алексеевичем, доцентом археологии Московского университета; Куфтиним, доцентом этнографии Московского университета; Соколовым Борисом Матвеевичем, директором Музея народоведения, ныне покойным; Адлером Бруно Федоровичем,

антропологом, преподающим на медич. факультете Московского университета; Григоровым Сергеем Павловичем, членом правления Музея народоведения; Троицким, сотрудником Тимирязевского института антропологии. Адлер Бруно Федорович, ученик Анучина, после окончания Московского университета уехал для научной работы в Германию, где пробыл год в Мюнхене или Лейпциге. После 1902 года поступил в МАЭ по приглашению директора Радлова. В 1909 году перешел в Отдел Сибири и Дальнего Востока нынешнего Русского Музея. В начале 1911 года Адлер был избран профессором Казанского университета. Как долго Адлер пробыл в Казани, я не знаю, года три тому назад я встречался с Адлером в Русском Музее.

Сейчас Адлер состоит председателем Общества по изучению Урала и Сибири. Из своих дореволюционных встреч с Адлером я вынес впечатление, что он является германофилом.

Кроме перечисленных могу указать Поробиновского Александра Михайловича, ст. почвовед Московского почвенного института и Борзова Александра Александровича проф. географии и геоморфологии Московского университета, с обоими мне пришлось познакомиться по совместной работе в Башкирской экспедиции с 1928 г. Моими ближайшими сотрудниками в Русском Музее являются Шнейдер Евгений Робертович, окончивший Томский университет, офицер, сын вице-губернатора г. Красноярска. Грязнов Михаил Петрович, учившийся в Томском университете при белых и Митусова Раиса Павловна, жена погибшего б.б. офицера армии Миллера, сестра ген. Кутенева; Теплоухов Сергей Александрович, доцент ЛГУ, при перевыборах профессора ушел после меня из университета. Все сотрудники мои в Русском Музее работают по Сибири и Дальнему Востоку. Теплоухов, находясь в Казани, был оставлен Адлером при университете.

Упомянутый Троицкий сотрудник Тимирязевского научно-исследовательского института является ассистентом Адлера Бруно Федоровича в антропологическом отделе. На съезд антропологов в 1928 г. в Ленинград приехали Троицкий, Адлер и еще один сотрудник Адлера. Теплоухов с Адлером поддерживает переписку.

Руденко

Документ 13
Копия: Т. 5. Л. 359

**Постановление
о привлечении в качестве обвиняемого
и предъявлении обвинения
по делу №1803-29 г.**

1931 года 7 февраля Уполномоченный ... допросив гр. Руденко Сергея Ивановича и рассмотрев материал на него, по коему гр. Руденко С.И. достаточно изобличается в том, что он состоял членом контрреволюционной организации, возглавлявшейся акад. Платоновым и ставившей своей целью свержение Советской власти и восстановление монархического строя, т.е. преступления, предусмотренном ст.ст. 58-II Уголовного Кодекса. Руководствуясь ст. 128 Уголовно-Процессуального Кодекса,

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр. Руденко Сергея Иванов. в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в вышеозначенном преступлении.

Документ 14
Копия: Т. 5. Л. 360

**Постановление
о мере пресечения...**

...приняв во внимание, что нахождение его на свободе может повлиять на ход следствия, **постановил:**

Мерой пресечения способ уклонения от следствия и суда в отношении обвиняемого гр. Руденко С.И. избрать содержание под стражей в ДПЗ до окончания следствия.

Документ 15
Копия: Т. 7. Л. 208

**Постановление
по след. делу №1803**

1930 г. дек. 25 нач. 4 отделения СС(?) СОУ ПП ОГПУЦ в ЛВО ..., рассмотрев настоящее дело по обвинению:

<...>

<...>

102. Руденко Сергея Ивановича, г.р. 1885, б. дворянина, женатого, беспарт., с высшим образованием, профессора, зав. Этногр. Отд. Русского Музея, не судившегося, прожив. Инженерная ул. дом. №4, кв. . За пр.пр. ст. 58 п.п. 8 (?), 10, 11 и 144к.

Всего 104 человека.

<...>

105. Все являются гражданами СССР и принимая во внимание, что срок следствия и содержания арестованных под стражей истекает 1 (?) – января 1931, а обстоятельства дела, ввиду длительной и обширной контрреволюционной деятельности привлеченных – требуют дальнейшего расследования, –

ПОСТАНОВИЛ

Войти с ходатайством в Президиум ЦИК-а СССР о продлении срока следствия и содержания арестованных под стражей до 15 февр. 1931 г.

Документ 17
Копия: Т. 7. Л. 300

Выписка из протокола тройки ПП ОГПУ в ЛВО
10/II 1931.

ПОСТАНОВИЛИ:

– Руденко Сергея Ивановича заключить в концлагерь, сроком на Десять лет, каждого, считая срок всем со дня ареста имущество всех **КОНФИСКОВАТЬ.**

Обвинительное заключение по след. делу 1803.

Контрреволюционной монархической организации Платонова и др. «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»

РЕЗОЛЮТИВНАЯ ЧАСТЬ

на основании вышеизложенного обвиняется:

<...>

53. Руденко Сергей Иванович – профессор Лен. гос. университета, зав. Этнографическим отделением Русского Музея, б. дворянин.

В том что:

а) Вступив в разное время в организацию «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», занимались систематической пропагандой идеей организации, содержащей призыв к свержению сов. власти, путем вооруженного восстания и иностранной интервенции, и установление конституционно-монархического образа правления.

б) По поручению руководящего ядра организации, использовали свое служебное положение в учреждениях Академии наук и занимались систематическим вредительством в области *экспедиционных исследований*: вредительство выражалось в бесцельной трате государственных средств на экспедиции, лишённые научного и практического значения; в сокрытии результатов экспедиционных исследований, имеющих актуальное практическое значение для развития народного хозяйства СССР; использовании отдельных экспедиций путем включения в ее состав своих сторонников для организации антисоветского движения на окраинах СССР (Якутия, Башкирия и др.), поддержки местных контрреволюционных элементов.

Означенные преступления предусматрив. ст. 58-III УК.

Документ 19

Копия:

Архив ИИМК РАН. Ф. №35. Оп. 5. Ед. хр. 262. Л. 22.

**ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ
ВСЕСОЮЗНОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР**

Москва, Рождественка, д. 11. Телеграфн. адрес: Москва, КОМШКОЛ.

ВЫПИСКА

из протокола №15 от 7-го июля 1945 г.

/Подлинник протокола хранится в делах
Высшей Аттестационной Комиссии/

СЛУШАЛИ: §9. Об утверждении РУДЕНКО Сергея Ивановича в ученой степени доктора технических наук на основании защиты 7/III-1944 г. в Совете Московского Гидромелиоративного Института им. В.Р. Вильямса диссертации: «Испарение с водной поверхности и потери на испарение с больших водохранилищ».
/Институт истории материальной культуры АН СССР/

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить РУДЕНКО Сергея Ивановича в ученой степени доктора технических наук.

Зам. Председателя Высшей
Аттестационной Комиссии /И. Кузьминых/
Ученый секретарь /Н. Денисов/

Верно: Ученый секретарь Высшей
Аттестационной Комиссии подпись
/Н. Денисов/

/Печать
ВАК / ВКВШ
при СНК СССР
18/VII-1945 г.

Документ 20

Копия

Архив ИИМК РАН. Ф. №35. Оп. 5. Ед. хр. 262. Л. 25.

ДИПЛОМ ДОКТОРА НАУК
СНК СССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ

ДИПЛОМ
ДОКТОРА НАУК
—О—
ТН №000270
Москва 2 января 1946 г.

Решением
Высшей Аттестационной Комиссии
от 7 июля 1945 г. (протокол №15)
гражданину
РУДЕНКО Сергею Ивановичу
присуждена ученая степень ДОКТОРА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

м.п.

Высшая Аттестационная Комиссия
ВКВШ при СНК СССР

Председатель
Высшей Аттестационной
Комиссии С. Каттанов

Ученый секретарь
Высшей Аттестационной
Комиссии
Копия

М. Борисов

Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу
и Ленинградской области. Архивно-следственное дело.

ПФ. 82333. Том 5, 7, 8, 9

Прекращенный фонд

Документ 21

Копия: Т. 9. Л. 454–456

На бланке прокурора г. Ленинграда

6 дек. 1957 г. №10/4856 с.

В президиум Ленинградского городского суда

ПРОТЕСТ

(в порядке надзора)

Руденко Сергей Иванович, 1885 г.р., урож. г. Харькова, украинец, гражданин СССР, б/п, образование высшее, до ареста работал научным сотрудником Академии наук были заключены в концлагерь сроком на 10 лет каждый (т. 7, л.д. 226, т. 8, л.д. 111).

Упомянутое постановление тройки ПП ОГПУ в ЛВО в отношении ... Руденко С.И. подлежит отмене, а дело прекращено по следующим основаниям:

Никаких данных, свидетельствующих о том, что Садиков П.Л. ... Руденко С.И. ... входили в контрреволюционную организацию и проводили какую-либо контрреволюционную деятельность в материалах дела не имеется.

Руденко С.И. в своем заявлении в протоколе его допроса показал, что академика Платонова он знал исключительно по службе, что их взаимоотношения носили исключительно служебный характер.

О принадлежности ПЛАТОНОВА к контрреволюционной организации ему ничего не известно, что сам он ни в какой контрреволюционной организации не участвовал (т. 9, л.д. 53).

...На основании изложенного и руководствуясь указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года

ПРОШУ

Постановление тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 10 февраля 1931 г. в отношении ... Руденко С.И. отменить и дело за недоказанностью их вины производство прекратить.

Приложение: Дело №147578 в 91. Заявления на 13 листах.

Прокурор города Ленинграда. Государственный советник
юстиции 3-го класса Цыпин

СПРАВКА

о результатах рассмотрения сообщить:
Руденко С.И. – г. Ленинград, в.о., 7 линия, д. 2, кв. 31.

Документ 22
Копия: Т. 9. Л. 457–458

Постановление Президиума Ленинградского городского суда от 13 дек. 1957 г.

Президиум Ленинградского городского суда в составе ...
Президиум установил.
Постановлением тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 10 февраля 1931 г.
<...>

4. Руденко С.И., 1885 г.р., уроженец г. Харькова, украинец, с высш. образованием, до ареста научный сотрудник АН, проживал в г. Ленинграде.

Были заключены в концлагерь сроком на десять лет.

...Руденко, ... обвинялись в том, что они состояли членами контрреволюционной организации, возглавляемой Платоновым, ставившей своей целью свержение советской власти и восстановление монархического строя.

В протесте ставится вопрос об отмене Постановления тройки ПП ОГПУ и прекращении дела производством.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы протеста прокурора Президиум Ленинградского Городского суда находит, что протест подлежит удовлетворению по изложенным в нем основаниям...

В материалах дела нет данных, свидетельствующих о том, что... Руденко... входили в контрреволюционную организацию и проводили какую-либо контрреволюционную деятельность.

Руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года,

ПОСТАНОВИЛ

Постановление Тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 10 февраля 1931 года в отношении ... Руденко Сергея Ивановича отменить и дело за отсутствием состава преступления производством прекратить.

16 декабря 1957

СПРАВКА

Выдана гр. Руденко Сергею Ивановичу, 1885 года рождения в том, что Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 13 декабря 1957 года ПОСТАНОВЛЕНИЕ Тройки ПП ОГПУ от 10 февраля 1931 года в отношении его отменено и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Гр. Руденко Сергей Иванович по настоящему делу считается реабилитированным.

Председатель Ленгорсуда

Временно

Расписка от 18 декабря 1957 г. о получении справки.

Документ 24

Архив ИИМК РАН. Ф. №35. Оп. 5. Ед. хр. 262. Л. 117.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА №12

по Ленинградскому отделению Института археологии АН СССР

г. Ленинград

«6» февраля 1967 г.

§1

На основании распоряжения №12 §1 от 3 февраля по Институту археологии АН СССР заведующий Лабораторией археологической технологии доктор технических наук С.И. РУДЕНКО, согласно личной просьбе, переводится на пенсию с 23 февраля с.г.с этого же числа назначается ученым консультантом Лаборатории археологической технологии с окладом 190 руб. в месяц.

За многолетнюю работу в Институте археологии АН СССР и большую работу по организации Лаборатории С.И. РУДЕНКО объявляю благодарность.

п/п Зав. Ленинградским отделением
Института археологии АН СССР
доктор исторических наук, профессор

М.К. Каргер

Выписка верна:

Фото 1. С.И. Руденко. 1924 г. ГМИЛИКА. Ед. хр. 234/2

Фото 2. Руденко Сергей Иванович – археолог,
ученый, исследователь. 1924 г.
ГМИЛИКА. Ед. хр. 1092

Фото 3. С.И. Руденко.
1939 г. ГМИЛИКА.
Ед. хр. 234/50

Фото 4. Н.М. Руденко.
1948 г. Ленинград.
ГМИЛИКА. Ед. хр. 236/2

Фото 5. Слева направо: С.И. Руденко, Н.М. Руденко, Н.Н. Новоуспенский, В.М. Сунцова. 1950 г. Горный Алтай. ГМИЛИКА. Ед. хр. 234/3.

Фото 6. С.И. Руденко. 1940-е гг. Горный Алтай. ГМИЛИКА. Ед. хр. 234/7.

Фото 7. В.М. Сунцова у своей палатки на раскопках Пазырыка.
1940-е гг. Горный Алтай. ГМИЛИКА. Ед. хр. 234/8

Фото 8. Долина Пазырык, верхние курганы. Лагерь экспедиции.
1949 г. Горный Алтай. ГМИЛИКА. Ед. хр. 234/15

Фото 9. Долина Пазырык. Лагерь археологов. 1940-е гг.
Горный Алтай. ГМИЛИКА. Ед. хр. 234/17

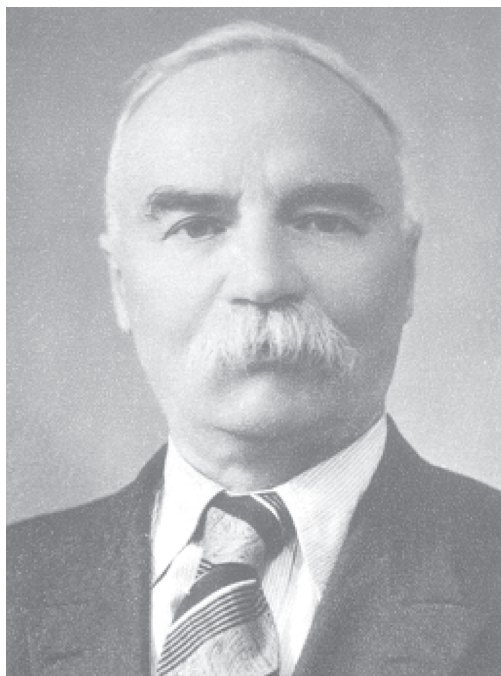

Фото 10. С.И. Руденко.
1965 г. ГМИЛИКА.
Ед. хр. 236/7

Фото 11. Сергей Иванович в музее. ГМИЛИКА. Ед. хр. 19–19

Фото 12. С.И. Руденко
в лаборатории.
1966 г. ГМИЛИКА.
Ед. хр. 236/1

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ (ныне – АлтГУ) – Алтайский государственный университет (Барнаул).

АИИМК – Архив ИИМК РАН (СПб.).

АН – Академия наук.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика.

АУ – Архив Управления.

ВИ – Вопросы истории.

ГАТО – Государственный архив Томской области (Томск).

ГМИЛИКА – Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (Барнаул).

ГО – Географическое общество.

ГЭ – Государственный Эрмитаж (СПб.).

ГЭС – гидроэлектростанция.

Д. – дело.

Ед. хр. – единица хранения.

ЗРГО – Записки Русского географического общества.

ИАН – Известия Академии наук.

ИВГО – Известия Всесоюзного географического общества.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук (СПб.).

ИИС – Институт истории Сибири (Томск).

ИЛАИ – Известия Лаборатории археологических исследований (Кемерово).

ИРГО – Императорское Русское географическое общество.

КИПС – Комиссия по изучению племенного состава.

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

Л. – лист.

ЛВО – Ленинградский военный округ.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет.

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.

МАР – Материалы по археологии России.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии.

МАЭСТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (Томск).

МИА – Материалы по археологии СССР.
МЭ – Материалы по этнографии (Л.).
МЭР – Материалы по этнографии России.
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление.
Оп. – опись.
ПФ – прекращенный фонд.
ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.
РА – Российская археология.
РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры.
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
РФ – Российская Федерация.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
РЭМ – Российский этнографический музей (СПб.).
СА – Советская археология.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа (Л.).
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
США – Соединенные Штаты Америки.
СЭ – Советская этнография.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТИЭ – Труды Института этнографии Академии наук СССР.
Ф. – фонд.
ФСБ – Федеральная служба безопасности.
ФЦП – Федеральная целевая программа.
ЦК ВКП (б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков.

Научное издание

**ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ, ТВОРЧЕСТВО,
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА РУДЕНКО
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕГО КОЛЛЕГ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

Изд. лиц. ЛР 020261 от 14.01.1997
Подписано в печать 26.07.2004 г.
Печать офсетная. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 9,7. Тираж 300 экз. Заказ 292.
Издательство Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Типография Некоммерческого партнерства «АзБука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а